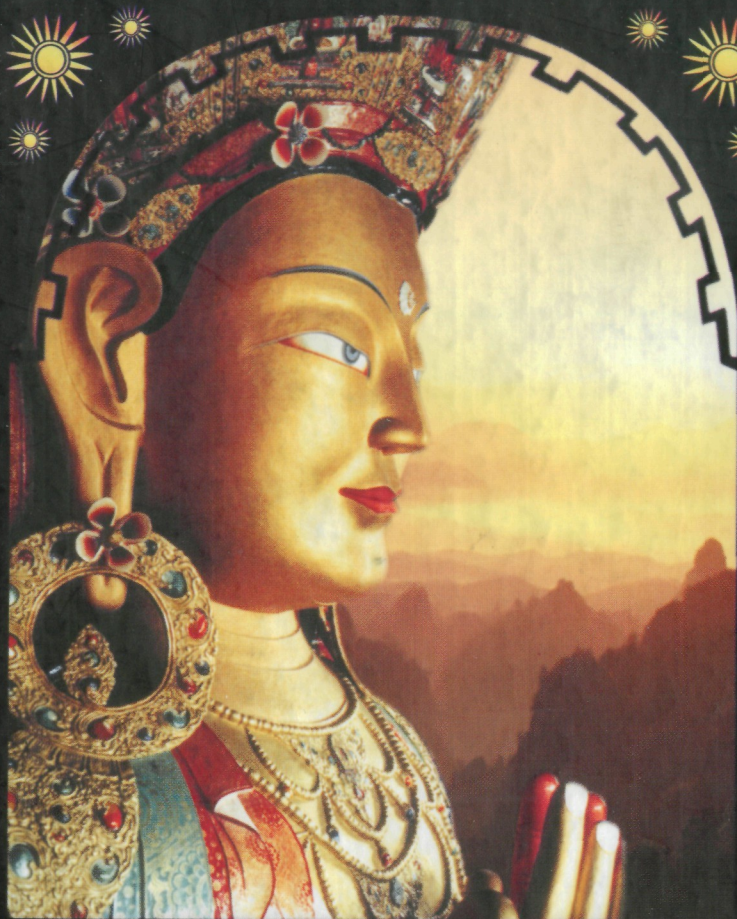

БУДДИЙСКАЯ КАНОНИЧЕСКАЯ КНИГА

СУТТА-НИПАТА

СБОРНИК БЕСЕД И ПОУЧЕНИЙ

ПУТИ К НЕБУ

СУТТА-НИПАТА

СБОРНИК БЕСЕД И ПОУЧЕНИЙ

БУДДИЙСКАЯ КАНОНИЧЕСКАЯ КНИГА

*Перевод с пали на английский язык
д-ра Фаусбелля*

*Перевод с английского
Н И Герасимовой*

АЛФЕНА
МОСКВА 2001

УДК 17.022.1:1(091)(34)

ББК 87.3(5 Инд):87.7

С90

Сутта-Нипата. Сборник бесед и поучений. Буддийская каноническая книга. — М.: Алетейа, 2001. — 248 с. — (Пути к небу).

ISBN 5-89321-073-5

Основным источником современных знаний об основателе буддизма и его учении является палийский канон «Трипитака» («Три корзины учения»). «Суттапитака» («Корзина речей»), в состав которой входит «Сутта-Нипата», изложена ближайшим учеником Будды Анандой. Канон записан на Соборе в Раджагрихе, созванном после смерти Будды во избежание разногласий, касающихся учения.

«Сутта-Нипата» — жемчужина палийской литературы, которая наряду с «Джатакой» и «Дхаммападой» в поэтической форме передает дух учения, эпизоды из жизни Будды и правила нравственной жизни, ведущей к Просветлению.

УДК 17.022.1:1(091)(34)

ББК 87.3(5 Инд):87.7

ISBN 5-89321-073-5

© Издательство «Алетейа», 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1915 ГОДА

I

По мнению ученого — переводчика подлинного текста, д-ра Фаусбелля, Сутта-Нипата принадлежит к наиболее ранним произведениям буддийской литературы. Ученый на основании серьезных лингвистических соображений полагает, что по крайней мере вся книга IV и значительная часть книги III нашего памятника принадлежат ближайшим ученикам Будды Гаутамы. Поэтому Сутта-Нипата, помимо общего интереса, как творение, прекрасно изъясняющее дух, правила и строй возвышенной нравственной жизни, имеет и специальный интерес при изучении буддийской философии, представляя учение Гаутамы в форме, наиболее близкой к первоначальной.¹

¹ Кроме настоящего полного перевода Фаусбелля, изданного им в 81 г., в специальных журналах встречаются отдельные сутты настоящей книги в переводе других ученых. Отно-

В Сутта-Нипате очень мало легендарных элементов. За исключением отдельных, весьма немногих впрочем, преувеличений, таких, например, как встречающиеся иногда невозможные цифры учеников и последователей Гаутамы, некоторые чудесные явления (имеющие, надо полагать, символический характер — например, покрытие языком всей поверхности лица), Сутта-Нипата представляет собой возвышенное изложение столь же возвышенного и глубокого нравственно-философского учения, преподанного более двух тысяч лет тому назад одним из величайших мудрецов мира. Эта сила, огонь, эта особенная красота изречений Гаутамы, которыми так богат наш памятник — ценное украшение всемирной нравственно-философской литературы, могли быть свойственны только действительно вдохновенному человеку.

Нельзя сомневаться, что изучение восточной философии, в частности буддийской, вступит рано или позд-

сительно нашего русского перевода мы должны сказать следующее. Во-первых, где только можно было без ущерба для интересов изучения, мы опускали географические названия и собственные имена, ничего не говорящие современному читателю, но своей нередкой громоздкостью нарушающие плавность чтения. Во-вторых, мы выпустили несколько несущественных строф, которые легко могут показаться не вполне благопристойными, хотя в действительном своем символическом характере и не содержат ничего дурного. Во всем остальном мы старались держаться возможно более близко к тексту Фаусбелля.

но в фазу полного расцвета. Лингвистическая наука, со своей стороны, сделала немало для такого широкого изучения: многое осмыслила, описала, разъяснила, для многого наметила пути изучения, за что и покрыла себя, в лице своих бессмертных тружеников, неувядаемой славой. Однако полная философская оценка тех самых ценных «сокровищ Востока», которые заключены в его священных книгах, составляет еще предмет надежды в будущем; понимание наиболее важных положений восточной мудрости очень и очень часто пока еще только предположительно. При изучении творений восточной мудрости невольно ощущается отсутствие труда психологов и философов в разъяснении текстов. Думается, изыскания психологов и философов могли бы принести великую пользу делу выяснения истинного духа восточной мудрости. В связи с этим нельзя не поставить в серьезный упрек историкам философии очень малое внимание, уделенное ими философии азиатского Востока. Историки философии отводят слишком много места детальному изложению произведений различных «фабрикаторов систем», перекраивающих, а чаще калечащих идеи немногих светочей философии, — в то же время или совершенно опускают эту великую страницу в истории духа, или посвящают восточной философии краткие и безжизненные очерки, столь же далекие от действительного величия творений восточной мудрости, как далека фотография неба от его живой, бездонной шири и глубины.

Более глубокое влияние восточной философии на западную едва ли было бы бесплодным. Нашей философии недостает именно того, чем богата восточная, — недостает мощной *личной мудрости* как начала *жизни в духе, благе и истине*. Наша философия склоняется на путь рационального познания вечных начал; восточная же — скорее живое *сознание* бессмертного и бесконечного бытия, глубоко духовное личное соотношение с ним.

* * *

Кто был Будда Гаутама? Постепенное забвение действительного образа Гаутамы в буддийской литературе и превращение его в сказочное, почти уже неземное существо вполне понятно — и мы не бросим камень в тех, кто в наивной любви потрудился над внешним украшением истории жизни этого удивительного человека. Столь прекрасен, необычайно светел был тот образ, таким дивным видением прошел Гаутама по горам и лесам, по чертогам и хижинам далекой Индии, такой чистой, далекой от всего земного, даже в самом источнике своем, казалась мысль его, что удивленные ученики и последователи не могли да и не хотели верить, чтобы это был *только человек*, земной и смертный, — и сказания о нем, переходя от поколения к поколению, все более и более отнимали его у земли.

Европейские исследователи буддизма, не связанные с именем Гаутамы сердечными связями долгого тепло-го поклонения, естественно, легче различили черты его

действительного образа сквозь ореол легендарных сказаний, которым, как чудным венцом в лучах правды и суеверия, мечты и мудрости, окружена теперь память о нем у чтящих его народов.

Однако, если современный исследователь видит в Гаутаме только мудреца, он тем самым не только не развенчивает его, но, напротив, возвышает. Ибо ясно тогда, что в человеческом духе созревали те возвышенные мысли, которые возвестил он людям; что среди земли, ее праха и зла выношено то сознание иного, лучшего, нездешнего — сознание по живости и яркости близкое к действительному созерцанию.

* * *

Великое слово Истины не приемлется равнодушно. Оно встречается жаркой любовью теми, чьему смущенному духу в том слове засветилась радость разрешения; но люди, которых оно обличает, для чьей порочной и презренной жизни в том слове видится не свет успокоения, но пламя стыда и совести, — те на призывы к чистой и бессмертной радости отвечают только новым бушеванием злобы.

В немногих словах Истины, за много веков пронесшихся над землей, есть живая дивная сила. И этой силой, запечатленностью те слова так отличаются от слов обычного людского понимания и научения, родившихся среди забот земной жизни, ее раздоров, борьбы, в ее неприветливой атмосфере! Та сила слов Истины никогда

не иссякнет. Переносясь через века и народы, говоря всем, но не всеми понятое, как бы минуя непонимающих, невнемлющих, слово Истины проникает в душу того, кто, окруженный злом и порочностью, провидит чистое, безгрешное бытие и среди неправды тоскует по бессмертию любви, правды и счастья. И эта близость к душе мудрого, притекшего света истины, дает его речи ту мощь, властность, которая так поражает людей, которой так радуются в чистой любви чистые сердцем и страшатся порочные и суеверные. Немного в истории человечества вещей мудрецов, и среди них яркой звездой, льющей свой безгрешный свет, не мерцающий, но успокоенный и замерший в чудной красе, светит мудрец великой Индии Гаутама, — и в этом неслучайная тайна покоряющего влияния его личности на современников, последователей и на всякого, кто не потерял способности воспринимать красоту духовной жизни и любить ее.

Внимательно вчитываясь в древнейшие из буддийских сказаний, мы заметим, что и современников своих Гаутама пленял не особенными делами (с внешней стороны его жизнь не была богата ни событиями, ни подвигами) — он пленял их только своей речью, в дивной любви и тихой правде несшей исцеление больной и смятенной душе притекшего...

* * *

Содержание Сутта-Нипаты, со стороны поучений, преподанных от имени Гаутамы, распадается на три

раздела: 1) поучение мудрости как жизни в духе и истине; 2) изъяснение личного духовного делания, ведущего к совершенству, которое выражается: субъективно — как состояние неизменной тихой радости, объективно — как чистая безгрешная жизнь среди людей и других живых существ; 3) осуждение деятельности современных ему ученых-толкователей, схоластически настроенных брахманов. Гаутама — вовсе не основатель религии; буддизм как религия развился путем исторического процесса, во многом ниспав с той высоты, на которую поставил Гаутама провозглашенные им начала светлой и мудрой жизни, приняв многое из того, против чего, поучая человека одной лишь чистой духовности во всех его отношениях к здешним и иным сферам, всегда боролся и что глубоко осуждал Гаутама (ритуал, увлечение внешностью, схоластичность и т. д.).

Гаутама был мудрец в полном и чистом смысле этого слова. Есть мудрость и *Мудрость*. Одна в образе утонченной философии охватывает область умопостигаемого, отвечая *интересам ума*, но не *запросам души*; в другой — разрешение самых жизненных вопросов, тех вопросов, сомнение, неуверенность в поисках ответа на которые и, отсюда, еще сильнее растущая необоримость их в искренней и страстной душе рождают обычно безысходную, неисцелимую тоску, близкую к отчаянию, нередко зовущую к смерти... Подвижники этой второй Мудрости — вдохновенные борцы и водители; познание неотделимо для них от жизни, и великие идеи,

провозглашенные ими, становятся живыми началами жизни. Сквозь слово, взгляд, мысль, всю жизнь тех мудрецов светится нечто прекрасное, необычное здесь, но понятное человеческой душе, принимаемое ею в любовь, радость и надежду своих сокровенных дум. Может быть, окружающим поступки тех людей кажутся странными и непонятными, может быть, их мысль стоит особняком, не согласуется ни с направлением той эпохи, ни с мировоззрением, принятым за норму сегодня, тем не менее в их думах, в их жизни даже самый холодный и враждебный им человек чувствует нечто светлое и новое, что, раз явившись, уже никакой силой не вычеркнется со страниц истории духа... Кроткие, терпеливые, с сомкнутыми в великом молчании устами, отверзающимися только для слов любви, правды и помощи, со взором, устремленным к небу, с душой, внемлющей торжественным шумам бесконечной жизни, они проходят по свету своим одиноким, непроторенным путем. Их слово говорит с душой слушателя не в настоящем только моменте ее понимания, ее интересов, забот, но как бы чудесной властью восстанавливая для нее все ее переживания, все ее прошлое в связи с настоящим и представляя необходимое будущее; тем мудрецам как бы действительно открыта тайна другой души, и часто то, что самому носителю кажется еще добрым и радостным, но что в будущем неминуемо принесет ему печаль и горе, уже и теперь воочию видится тем мудрым как связанное неизменными и тайными нитями с гря-

душим страданием. В их связи с людьми есть что-то иное, чем общие правила человеческих отношений, и какая-то высшая мера, властная и требующая, лежит в основе суждений мудрого о людях и жизни.

Много хвалебных наименований получил Гаутама от своих учеников и толкователей, но, думается, самое верное и точное имя его *Пробужденный*. Он как бы пробудился здесь среди дремлющих людей, то рождающих радужные нестройные грезы о мире и жизни, то истомленных болезненными, кошмарными сновидениями... Правда, земная жизнь — сон, то томительный, то ласкающий; люди все грезят, как во сне, чего-то ищут, к чему-то стремятся, и, как во сне, они не могут отдать себе ясного отчета, для чего это постоянное волнение, эта жажда, борьба, замыслы?.. Гаутама стряхнул с себя сон со всеми его мечтаниями и сквозь убегающие его призраки увидел свет незакатного дня — он понял, что истинное и должное, обычно видимое в земном, здешнем, в действительности лежит не здесь и дышит не случайным земным дыханием. И вот он, в борьбе с набегающими со всех сторон шумными волнами жизни и ее мечтаний, зрит *действительное бытие*, светлеющее сквозь разорванные туманы здешней действительности. И чем светлее открывающиеся пред ним глубины бесконечности, тем тусклее земная жизнь, тем настойчивее сознание ничтожества всего ее важного и значительного.

Но для того, чтобы *пробудиться таким образом*, в душу человека должно войти нечто новое, что осветило

бы неподкупным светом все ее содержание и представило бы окружающий мир в реальном виде, а не в фантастических образах то милых, то злых сновидений. Если увлеченные этой жизнью только переживают смутно и пассивно колеблющиеся впечатления, то мудрый, взирающий на мир под иным, бесконечно верным углом зрения, ясно видит реальную жизнь и судит ее. В духе своем он стоит выше мира, он не наращивает собой бесцельные звенья бесконечной цепи существующего — нет, он сознательно соотносится с миром, и это его соотношение — *велико, духовно и свободно*. Он то любит земной мир благословляющей любовью, то негодует за те порывы злобы, смятения, которые темной позорной волной пробегают по его сферам, то плачет о людском падении, то рвется вдохнуть в отношения между людьми новую силу, силу правды и красоты, и он знает — о, как верно он знает это! — что есть благая сила, всегда близкая, всегда готовая преобразить и возвысить эту жизнь, смутную и стесненную, нерадостную...

Мысль человека определяется *своим источником*: есть мысли, выношенные любовью, есть мысли, выношенные злобой, раздором; хитрость, лукавство, честолюбие так же создают свои мысли, как и правда, совесть, чистое влечение к истине. Красота и святость духа человеческого — его *думы о вечном* вырастают в той безгрешной глубине души, где уже не отражается ничто земное и тленное, где только чистые впечатления духовного бытия встречаются с чистой душевной любовью.

Одно мы постигаем мыслью, иное — чувством, иное — ощущением, иное — связью тех или иных из этих элементов душевной жизни. Но помимо того есть *целостно-душевное постижение*, в коем душа наша соотносится с тем высшим бытием, которое представляется ей только как сущее, но не охватывается мыслью. Если в исследовании души наблюдатель ограничивается лишь созерцанием происходящего, так сказать, на ее поверхности — в сфере сознания, то все живое соотношение души с бесконечной, не огражденной материей сферой бытия остается незамеченным, невосприимчивым. Чем ближе к поверхности, тем в сфере сознания больше земного, преходящего, минутного; чем дальше в глубь души, к источникам ее непомутневшей духовной жизни, чудно сохранившей впечатление святого, вечного, тем отдаленнее и темнее земная жизнь и ближе живые лазуры бесконечности...

Самые возвышенные идеи — всегда и самые глубокие, трудно сохраняемые в живом, негаснущем изъяснении пред душой; они являются скорее как венец понимания, чем как его начало и всегда близкие моменты разума.

Возвышаясь над земной жизнью, как бы теряя соприкосновение с ней, душа мудреца своей жаркой любовью, своей ждущей мыслью прикасается к иным, чудным сферам. Бездонные шири и глубины вселенной становятся прозрачнее, и ее просторы, без конца и начала, ничем не стесненные, насквозь проникнуты ощу-

тимой радостью, светом, бесконечно льющейся благодатью... Встревоженная, еще не верящая, но побежденная очевидностью, восхищенная душа мудрого, светясь вечным светом истин, излучает новую жизнь и любовь, никогда не загоравшуюся в ней и, казалось бы, даже невозможную прежде. Близко, близко чувствуется явная суть и истина, новая, неожиданная, поразительная... Что не предполагалось даже в высших ожиданиях, что едва предчувствовалось в самых чистых и светлых думах — вот оно, безмерное, незримое, близкое душе, уже не в мечте, не в отвлечении, не в отдаленном представлении, но жизненно неотразимо, блаженно ясно. И вся душа замирает в дивном внимании...

В те минуты мудрец переживает столь благостные, невыразимо истинные впечатления, что даже и самый слабый след, оставленный ими в его душе, говорит ему несравненно более о вечных истинах и святынях бытия, нежели все выкладки разума, все его отвлеченные построения. В великих переживаниях души — источник тех *бессмертных знаний* человека, для которых так мало опоры в его мыслях, опыте и рассуждениях, но которые такой мощной *вечной уверенностью* в чудных глаголах несутся от века к веку...

* * *

Возвращаясь от чудных видений к земной жизни, мудрец еще глубже сознает всю печаль ее обычного образа и тот позор, которым окружены люди, избравшие

тленное, земное и грешное, когда чистое, небесное, непорочное всегда так близко душе. Мудрец не остается равнодушен к происходящему, он зовет людей к высшей жизни, трогает их сердца, заставляя встрепенуться в стыде и надежде, осознать настоящий позор, возлюбить благое. Нужно, чтобы стыдно стало влачиться в грязи, когда вечно непорочное, вечно чистое зовет к себе человека. Нужно, чтобы грешный сам осознал, в жаркой мольбе и слезах, стыдась прежнего, проклиная себя, — осознал, какой он грязный, злой, развращенный, чему он радовался, что любил!..

Только та нравственность незыблема, которая, может быть, и не богата точно сформулированными правилами, но зато неизгладимо начертана в самой душе как живой, негаснущий источник непорочной жизни. Оттого-то и нравственные веления мудрецов направлены к самой душе человека: «Прежде всего, в твоей душе будь благ, праведен, прекрасен». В ком это веление живет не как поучение, но как живое начало души, тому не нужны правила, как поступать в том или ином случае, к чему идти, чего избегать, ибо, ясно осознавая вечно праведное, он уже не ошибется в выборе должного и нужного во временных, преходящих событиях. В чьей душе жизненно ясно теплится память о вечном и светлом бытии, вся жизнь того человека — и явная для других, и ото всех сокрытая — во всех своих переливах будет только благодетна, прекрасна, возвышенно нравственна. Ибо бесконечность красоты и правды, приникшая

к его душе, отразится неизбежно и в его жизни светлостью дум, чистотой чувств, безгрешностью желаний...

Зло и неправда зарождаются в душе, отдалившейся от света жизни. Мутной становится глубь души, что-то недолжное, нечистое входит в нее, возмущает ее прежде светлые струи. Холодная враждебная сила сковывает мысль, заставляет забыть обо всем, кроме земного, ближайшего. Доступность, всегда близкая сладость телесных ощущений; возможность угнетать ближнего, извлекать себе посредством него личные наслаждения; возможность насилия, лжи, блуда, праздности; обилие путей, проторенных и испытанных людьми, опытными в деле изыскания легкой, приятной жизни, тех путей, где хотя бы понемногу в каждом частном случае, но в общем весьма обильно накоплено мелкой лжи и душевной низости; житейская опытность, живые примеры «завидной жизни», вконец разбивающие «мечты» неопытных идеалистов, — все это в конце концов подчиняет себе человека, шедшего к жизни, может быть, с лучшими намерениями, но с душой, не готовой к борьбе и охранению своих святынь, и вводит его на тот путь, где уже навсегда и безнадежно гибнет всякая задушевность, сердечность. Не мудрено, что чаще встречается вера во зло, чем вера в добро, — ведь, к ужасу, эта вера легко оправдывается: жизнь венчает лаврами не того, кто борется с ней во имя высшего, но кто подчиняется ей, льстит, как ее послушный раб; зло чаще всего ведет с собой наслаждения; насилие, ложь, лицемерие, бесчест-

ность, увы, слишком часто, чтобы это было только исключение, только случайность, возводятся в разряд избранных... Все более и более ласкаясь ко злу, уже от него только ожидая себе счастья, человек, естественно, в злой своей жизни видит не ложное, но необходимое и должное. Сознанию человека ясна только отдалившаяся ложь жизни, но не ложь, поработившая его душу: будучи во зле, никогда нельзя различить, что это состояние нашей души, ласкающее нас, приятное, доставляющее нам немало наслаждения в тех или иных видах, в действительности есть зло. Нужно, чтобы в сферу нашей душевной жизни прорезался луч правды, ибо только в нем рельефно выделится для нас же, в нашем сознании, пагубная порочность, которой мы подчинились так позорно...

Корень зла лежит в самой душе человека, в ее решении. Есть три источника зла.

Природа, будто враждующая с человеком, противоборствующая ему, но и легко подчиняющаяся его силе и его разуму, открывает неисчислимые вещественные блага, близкие, доступные, всем понятные, соблазнительные. Обольстившись, приняв природу за исключительный источник верного счастья, человек в благой природе обретает источник зла.

Так странно и смутно складываются человеческие отношения, что кажется, будто сама жизнь стремится к тому, чтобы один человек не увидел в другом родного и близкого себе, чтобы стал сознать в нем не того,

с кем ему должно жить и братски радоваться в великом мире, но *через кого* он может найти себе личные, не разделенные с ближним радости жизни. И вот, замкнувшись в себе, избравши такое отношение к другим, человек в этом решении обретает второй источник зла.

Много вражды и горя видит в мире человек, и будто — все безучастно к горю и помогает вражде. Смутившись видом неправды, мнит человек, что уж и нет нигде благодатного теплого луча, нет ни любви, ни правды, и весь этот мир — только мертвое место, и все в нем — только тоска, неправда и смерть... Здесь третий источник величайшего зла, ибо эта мысль приводит к безысходному отчаянию людей с благородной душой, а в низких укрепляет веру в насилие, в безнаказанность зла, в безучастие к путям жизни.

Чем побеждается зло? Каким путем может человек не только заглушить временные приливы зла к своему сердцу, но навсегда устранить саму возможность возникновения в себе тех чувств, мыслей и желаний, которые несут печать зла и позора?

Как выбор зла лежит во внутреннем решении человека, так и действительная победа над ним опирается на свободный выбор. Только сознанием бесконечного бытия, только глубоким ведением того, что *не все бытие* исчерпано землей, человеком, его падением, грехом и злом, что *есть* высшая, благая жизнь, неиссякающая в любви и правде, исцеляющая всякую скорбь, — человек укрепляется неодолимой силой в борьбе со злом. *Надеж-*

да, любовь и уверенность, радостным светом окружившие в душе человека его дивную думу о вечном, — источник той благодатной силы, которая сокрушает зло. Кто поймет сущность всех источников зла и в великом решении пренебрежет всем, чем обольщает зло, презрит все это и не усомнится во благе, правде и славе высшего бытия, не усомнится в нем, окруженный неправдой и горем жизни, пред тем бессильно, ничтожно, *мертво* зло...

II

«Некогда вышел из Капиляватту великий Рулевой мира, отрасль царского рода, сын Шакья, несущий свет; он — совершенный Озаренный; он достиг силы всех знаний; все открыто очам его; он разрушил все звенья жизни и радуется, свободный, в Ниббане; он — Будда, он — Блаженный на свете, проникший в суть всех вещей, поучает Истине» (ст. 990—992).

Каково же было учение мудреца Гаутама? Насколько оно выясняется в нашем памятнике, это есть учение о достижении личного нравственного совершенства, выражающегося внутренне в ощущении непорочного счастья, а внешне — безупречно-нравственной жизнью. Неведенье, бессилие души, победа плотского элемента над духовным, болезни, скорби, тленные утехи, купленные ценою обид, зла, горя, обмана и насилия, смерть не разрушающая, но ведущая к новым мучительным блужданиям — вот обычный невеселый вид земной

жизни, по учению Гаутамы. Сознание бесконечного, мудрость, победа над плотью, счастье, не купленное никакою ценою, но благодно воссиявшее в духе под лучами Вечной Истины, — вот новая жизнь исцеленного духа, которую возвещал Гаутама как Ниббану, духовное блаженство, состояние покоя.

Рассмотрим главнейшие моменты его учения о духовном совершенстве, как это учение изложено в настоящих текстах.

Естественно, человек, лишенный живого судящего сознания о добре и зле, о должном и недолжном, во всем, происходящем на свете, не увидит ничего, кроме мрачную полосу залегшего в сиянии незакатного дня бытия; он не различит те волны зла и греха, которые захватывают человека и влачат его, бессильного в борьбе с ними, будто обреченного на жертву, не заметит и тех «стрел отравления», которые носятся по свету, пущенные в душевной ночи враждой и злобой. Те стрелы носятся повсюду, не разбирая ни правых, ни виноватых, готовые вонзиться в первое попавшееся на их пути людское сердце. Пока «стрела страданий» не коснется сердца человека, он никогда не задумается ни о печалях этого мира, ни о благиости той судьбы, которая лежит в основе человеческой жизни. Только человеечно-отзывчивому мудрецу свойственна постоянная нравственная оценка происходящего, и Гаутама был одним из таких мудрецов, искренне жаждущих красоты и благиости в земном человеческом образе.

Смотря на мир как бы «с иного берега», окруженный в своей душе одними лишь чистыми и светлыми образами, присматриваясь к общему выражению земной жизни и к тем ее чертам, которые неподкупно выдают правду о сокровенно происходящем в ней, Гаутама был поражен видом скорби, фатально тяготеющей над смертными. «Непонятна, неизведанна жизнь смертных в этом мире, сумрачная и краткая, проникнутая страданием» (ст. 574). Люди и боятся этой жизни, и инстинктивно влекутся к ней; обольщенные ее многосущими и малодающими призраками счастья, они как будто стремятся расширить обычные пустые радости жизни, чтобы закрыть те страшные виды болезней, несчастий, смерти, которые всегда так недалеко и которые, как зловещие темные привидения в «Фаусте» Гете, носятся по земле, намечая все новые и новые жертвы. «Вижу я в этом мире боязливую породу, порабощенную жаждою жизни, — это несчастные люди, тоскующие в пасти смерти, поглощенные потоком возрождения» (ст. 775).

Человек возвышенной души не останется равнодушным к виду этого рокового страдания; он не мирится с видимой участью людей, зная, что есть и должно быть несравнимо лучшее и чистое, чему бы суждено украсить образ освободившегося человека. «И когда я увидел, как встревожены здесь все существа, я огорчился глубоко; тогда я увидел в мире стрелу, никем не зримую, вонзенную в сердце» (ст. 937). Заветной мыслью Гаутамы

было освобождение людей от неиссякающего великого страдания. Постигнув действительный вид этого мира, разгадав причины кажущейся необратимости его соблазнов, он ясно увидел и возможность полной победы над недоброй силою, которую развивает эта сторона бытия, называемая теперь вещественным миром. Кто побежден этой силою, кто безвольно влачится в жизни, захваченный непрерывной цепью «возрождения и разрушения», кто, увлекшись зовущими улыбками коварной жизни, сам стремится как можно крепче связать себя со звеньями существующего — тот радостями жизни кует себе оковы скорби, недугов; сам страдает и грешит, сам мучится и мучит других. Сознанием высшего, доступного людскому духу, знанием «Несравненной Чистоты» человек победит эту недобрую силу, сокрушит все соблазны внешнего и вырвет из своего сердца уже ставшие частью человеческой природы жажду земных радостей, стремление к обладанию, похоть и влечение; тогда, исцелившись от земных болезненных желаний, он воссоединится духом с той светлой непорочной жизнью, которую он возлюбил и избрал в великом и свободном решении... «Вид, звуки и вкус, запах и прикосновение опьяняют людей» (ст. 386). «Кого водят здесь страсти и похоти, кого научают желания радостей — трудно освободиться тому, прилепленному к бывшему и будущему, мечтающему о новых радостях, сладко вспоминающему прошедшее...» (ст. 772). «Какое бы ни возникло страдание в этом мире, всегда причина его — начала

существования; кто в неведении творит их, тот подпадает страданию; итак, будучи мудры, не сотворяйте звеньев существующего, ведая, что есть рождение и где — семя страдания» (ст. 727). «Погубленные прикосновением, несомые потоком жизни, идущие путем зла никогда не освободятся от уз; понявшие опасность прикосновения, избравшие радости угашения выходят из этой обители прикосновения свободные от желаний, в совершенстве счастливые» (ст. 735—736).

* * *

Велико людское страдание, и, видимо, так мало людей, которые принесли бы свою теплую любовь страдальцам, поддержали бы изнемогающих и научили бы их крепко стоять против злых напоров, а тех, от кого порочными волнами несетя горе ближним, устыдили бы неподкупным словом, заставили бы понять, как они оскверняют мир своим присутствием. Где же наставники, водители? Отчего их нет ни подле страдающих, с врачующим елеем милосердия, ни там, со словами обличения, где торжествует неправда?.. Увы, от них всего чаще сторонятся первые, инстинктивно боясь их прикосновения к своим сердечным ранам; вторые же явно презирают их, сознавая все внутреннее ничтожество и бессилие наставников, богатых добрыми речами, многими поучениями. Пусть они — многоученые знатоки, пусть поучают многому, понятному для ума, но они *не властны над душой человека* и не могут ни связать душу,

готовящую для других зло и страдание, ни разрешить смертную тоску души, сжатой в тисках неправды...

«Много учений прошло через мир, но — кто сам закован в цепи, того не зови расковать себя» (ст. 939). Значительная часть IV книги нашего памятника¹ посвящена осуждению того рода поучений, который выбрали современные Гаутаме брахманы и философы, забывшие и свою миссию, и тот подвиг, который Вечная Истина поручила им совершить на благо и счастье людей, и те надежды, которые возлагает на своих духовных вождей человечество. Зачастую в учениях брахманов и философов, видимо, вовсе и не было ответов на те вопросы, которые рождаются не в спокойном любознательном уме, но в страстной жажде возмущившейся души, тоскующей в духовном *недуге вопрошения*. О, как высоко должны бы они стоять над людьми, как чисто должно бы быть их слово, какая возвышенная совесть должна бы руководить ими в мысли, познании и поучении и какая священная тишина должна бы окружать место их служения! Но нет, они столь же пусты и суетны, как и простые смертные. Мудрый Гаутама глубоко возмущался достойными презрения обычаями этих руководителей духовной жизни людей. В текстах живо и

¹ Некоторые места в тексте IV книги представляли крайние трудности при переводе — как со стороны толкования, так и со стороны стиля — трудности, не безупречно разрешенные даже Фаусбеллем.

ясно описаны эти упорные споры и соревнование между школами, настойчивость и самовосхваление, основанные на самолюбии, — борьба, внесенная человеческой порочностью в дело, действительный дух которого есть утешение, чистая любовь к истине, правда стремления, благостыня цели. Недобросовестность в отношениях к противнику, вражда, лицемерие, торжество софистики, изворотливость — все эти атрибуты словопрений получили верную оценку Гаутамы, то в словах горькой насмешки, то в словах грустного сожаления.

«Ищущие ученых пререканий, собравшись кучей, как глупцы, пятнают друг друга, возбуждают споры, жаждут похвал и считают себя знатоками» (ст. 824). И вот рядом с этой толпой мелочных людей, вторгшихся с поношением, злословием, клеветой в храм Вечной Истины, к ее непорочному жертвеннику, куда бы должно нести от земли только оливковые ветви мира и утешения, светится образ мудрого человека, питающего свою мысль из бессмертных источников. «Вижу я здесь чистого человека, прекрасного, исцеленного, очистившего все свои помыслы; он в своем искании увидел высшее и вот вновь возвращается на путь постижения, ищущий непорочного» (ст. 787).

Поглощенные ничтожными интересами суетной жизни, сами увязшие в той же, обычной для простых смертных, «трясине похотей», современные «Гаутамы» были в душе своей слишком далеки от той непорочной жажды правды, любви и заступления, которая привела

Гаутаму к верным ключам неизменной и чистой жизни, побеждающей всякое зло и неправду. «Погрузившись во мрак этого мира, брахманы и отшельники не видят ясно — увь! — они не знают пути, которым пройдет Победитель» (ст. 440).

* * *

«Горе жизни в этом мире! Смерть в битве лучше для меня, нежели жизнь побежденного» (ст. 439). Так помышлял Гаутама, сокрушенный участью людей, будто жаждавший в великой любви своею грудью защитить их от соблазнов, горя и обольщения, которые широкими потоками льются через земную жизнь, губя безвинных, издеваясь над надеждой, глумясь над чистотой и непорочностью... Торжествует неправда, прежде верившие своим робким надеждам на благое уже не смеют, бояться более верить, все чаще слышится насмешка над прежними мечтами, гаснут светлые думы... Где утешение, кто вдохнет утраченное счастье благой уверенности, когда и святилище Духа стало ареной публичных зрелищ, школой упражнения в спорах, местом утех и укулов низменного самолюбия?.. Как нужны в такие минуты люди великого понимания, которые могут приблизить к душе жаждущих чудное видение благодостной жизни, обычно далекое, лишь светлым образом выделяющееся на фоне земных мраков, но не соприкасающееся с ними, отступившее от них к далям бесконечности!..

«Как луч света, ты блеснул сквозь мраки этого мира» (ст. 538). Учение Гаутамы было неотделимо от самой его благой жизни. Нельзя было не верить его словам: он собою наглядно показал, какова сила человеческого духа, в чистой красе воспрянувшего под призывающими благодатными лучами Вечной Истины... «И когда я живу так, покинув все внешние чувства, мой дух уже не жаждет плотских наслаждений — воззри же теперь на чистоту человека!» (ст. 434).

Все духи и боги взирают в ту минуту на мир удивленно и благоговейно: вот среди этой робкой людской толпы, побежденной прахом, возвысился некто, сильный духом, сознавший *незримое, неслышимое, неосознанное вечное бытие*. Чудным порывом уверенности в вечном благе и правде он вырвался из тисков земного тленного мира... «Я — царь, царь несравненный, я — Царь Благочестия. Правдою я повернул Колесо, то Колесо неодолимое» (ст. 554). В великом презрении он оттолкнул все улады мира, уверенный в Несравненной Чистоте, возлюбив бессмертное бытие. Его чтит сам Брами.

Постижение Гаутамой Вечной Дхаммы, по выражению текстов, было непосредственно, внезапно, мгновенно. Это было то необходимое решительное событие в жизни мудреца, которое называется обычно прозрением. Дух мудреца не поднимался от одной ступени уразумения к иной, высшей, не восходил от одной истины к другой, впредь до высочайшего момента постижения — но с одной из них, может быть еще близкой к

земле, проник в вечные сферы, миновав в чудном порыве те подтвердительно-возводящие истины, логическая разработка и обоснование которых еще долгое время, может быть, будет мучить философов. Моментом ясного сознания завершилось движение духа к истине, и с той поры в душе мудреца неотъемлемо теплится память о *великом решении*, независимом от человека, даже недоступном ему в своих глубочайших основах, но ясном его душе в своей верности бессмертной правде. Тогда наступает новый, ясный, без рассвета и сумерек, радостный день для мудрого, и его безбрежная духовная жизнь чужда и недоступна отныне ничему земному и преходящему...

«Благая жизнь возведена мною; в этой быстротекущей жизни не тщетно принять подвижничество, вступить на путь уединения» (ст. 567). Путь подвижничества, по учению Гаутамы, — высшее благо; труды, суровость — только внешний вид, но его внутреннее состояние — радость, самая тихая и чистая из всех радостей, доступная только человеку, переступившему грань земной жизни. «Провидя горести в радостях тела, помышляя о счастье забвения света, я пойду, предаваясь подвигам, — в том восторг моего духа!» (ст. 423).

* * *

«Какая туча закутала мир? Отчего он не светится? Что оскверняет его? В чем его великая опасность?» — «Тучей неведения омрачился мир; от жадности он не светит-

ся; желание оскверняет мир; великая опасность его — страдание». — «Вот повсюду несутся потоки желания; что же укротит их стремление, что остановит их бурный напор, чем запретятся потоки?» — «Какие бы потоки ни неслись по свету — разум остановит их, мудрость укротит, и познанием запретятся они» (ст. 1031—1034).

К дремлющим людям, окруженным опасностями, притаившимися во мраках жизни, обратил Гаутама слово призыва, чистое, как любовь, сильное, как правда. «Встаньте, встаньте! Что вы дремлете? Что за сон у недужного, отравленного ядом страдания, тоскующего... Встаньте, встаньте! Учитесь жизни, ведущей к миру, дабы властелин смерти не воспользовался вашей беспечностью и, обольстив, не подчинил бы вас своей силе...» (ст. 330—331). Он призывал людей понять, какие дурные силы скрыты в том, что всегда их привлекает к себе, призывал решиться отбросить мимолетные улады, чтобы обрести несравненно лучшее, негаснущее счастье. «Взгляни, как люди связаны своим телом, взгляни, как они, беспомощные, страдают его страданием; не будь же беззащитен, забудь свое тело, чтобы вновь не возвратиться тебе на путь существования» (ст. 1119). «Всмотришься в этих людей: как впилося в них желание, как их мучит и сокрушает смерть!.. Будь осторожен и оставь желания, чтобы вновь никогда не прийти тебе к существованию!» (ст. 1121). Освободившись от власти тела, как бы совершенно пресекаши в себе пути соприкосновения с внешним миром, затворившись от

всех его влияний в своем духе — в этой келейке чистоты и непорочности, углубившись в свои «думы и радости», каждый порыв которых — новое лобзание вечности, мудрый, одинокий и нищий на свете блаженствует в дивном душевном покое. «И на радости, и на печали, и на стремления к ним, к тем радостям и печалям, внешним и внутренним, смотря как на страдание, изведавши все это гибнущее, хрупкое, видя всеобщее разрушение, — от них отвращается нищенствующий, гибелью чувств освобождаясь от желания, обретая совершенное счастье» (ст. 737—738). Новое, тихое счастье приливает к сердцу человека, исцеленному от прежних немощей, тревог, страстных движений, не дававших прежде покоя все возникавших желаний. «Избегай всего, что ласкает дух, что зажигает в нем страсти; обратись ты духом невстревоженным, ясным к тому, в чем не видит мир радости» (ст. 340). «Возлюби бестелесное, оставь навсегда наклонность к горделивости; сокрушив ее, ты пойдешь своим путем одиноким, тихий, успокоенный» (ст. 341). Тихи думы мудрого, далеки от земли думы успокоения — не тревожные, не страстные; в его душе едва колышется уставшее земное, и новая жизнь, прозрачная и нежная, как вечерняя заря, миром и тишиной притекает к ней.

Подвиг угашения в духе всего земного, страстного есть действие очищающей сознательной силы. Как же велика должна быть эта сила, если она может действительно победить такие злые энергии, долгое, долгое время креп-

нувшие в человеке, как похоть, вождение, вражда, самолюбие! Насколько живой и искренней должна быть уверенность в радости и правде той жизни, которая приближается к душе с каждым моментом ее освобождения, чтобы человек свободно и сознательно решился отказаться от всех усад и обольщений земного мира!

«Вида, звука и вкуса, запаха и прикосновения — вот чего жаждут люди здесь, очарованные, прельщенные. Мир людей и богов видит в них счастье и, когда нет их, скорбит сильно. Но благородные только в прекращении телесного существования видит наслаждение — вот в чем мудрый возвышается над всеми мирами. Что безумцы зовут радостью, то благородные называют страданием; чего избегают безумцы как страдания, в том благородные обретают радости — вот пред чем в недоумении стоят неведающие, вот чем так смущены они. Кто закрылся, тот не видит, кто слеп, для того все темно, но благому есть благое возвешение, зрячему — свет; ослепленные неведением, даже ходя около Закона, ничего не различают в нем. Кто побежден земными страстями, кого несут волны течения жизни, кто пребывает в области Мары, тот никогда не постигнет в совершенстве Вечного Закона. Только благородный удостоится великого разума. В совершенстве познавший состояние Ниббаны, освобожденный от страстей, навсегда угасает здесь» (ст. 758—764).

Путь подвижничества, по учению Гаутамы, есть процесс полного уничтожения земной жизни; это не зна-

чит, однако, что и сам субъект этой жизни, дух человека, также обращается в «ничто», или, как это нередко сейчас утверждается, погружается в бездонную пучину темного небытия. Понятие «угашение духа» не тождественно в тексте нашего памятника понятию «уничтожение, окончание, смерть духа». Текст чаще всего говорит прямо об угашении в духе всего того, что отдаляет от истины, чистоты, бесконечного бытия, блаженства, что поработывает дух человека, сковывает его, отдает во власть соблазнов, греха, пороков. Угашение, освобождение, исцеление, успокоение, достижение счастья, неиссякающая безгрешная радость и т. д. — все это синонимы в речах Гаутамы. Угасший дух не иссяк в бытии; он угас для земного мира, но пребывает в бесконечных просторах чистой духовной жизни. И как бесконечное бытие представляется земной мысли непостижимым, неуловимым, непредставляемым, подобно реальносущему, так и жизнь духа, угасшего для земли, неуловима, непостижима, недоступна восприятию, ибо отныне та жизнь мерится уже не земною мерою... Нельзя обвинять тексты, что они не дают нам ясного описания того состояния, которое именуется Ниббаной, блаженством погашения, или же не дают нам возможности по следам описания лично испытать это состояние, чтобы решить, что же это такое в действительности. Во-первых, описать духовное состояние — безразлично, каково бы оно ни было, — по внутренним его субъективным признакам, как специфическое душевное ощущение,

невозможно; и все «описания» сводятся исключительно к изображению впечатления, сопровождающего известное чувство или душевное состояние, но само оно как таковое доступно только личному опыту и субъективному наблюдению; поэтому человек, не испытывавший известного состояния духа, никогда и не поймет его, и никаким путем не составит о нем даже приблизительно верного понятия. Во-вторых, те идеи, которые увенчивают высочайшие построения мысли, те чувства, которые волнуют душу в ее высших, бессмертных созерцаниях, те образы бесконечного бытия, отрешенного от всех условий чувственного восприятия, которые сознаются в думах о вечном, — никогда и никем не описаны и никаким способом не могут быть изображены наглядно для тех, кто хочет прийти к ним внешним образом, а не путем душевного подвига в любви, мысли и чистом вдохновении. Как может мудрец заставить других испытать то, что сам испытывает так полно и совершенно, если в них нет душевной готовности к восприятию великих впечатлений?! Ведь мы часто видим, что там, где для мудрецов и поэтов — дивные аккорды, блеск истины, бесконечная жизнь торжества и света, там для большинства — пустые звуки, непонятные порывы, фантастическое настроение. Чем выше испытываемое возвышенной душой, тем ограниченнее понимание толпы. Философ-идеалист сознает Красоту, Благо, Истину как вечные начала, сознает живо, не как отвлеченные идеи, но как реальносущие бесконечности. Мудрецы в своих

великих переживаниях чувствуют реально бесконечную жизнь, сущую и неуловимую, светлую и незримую, о которой никто не скажет: где она, что она? — о которой мечтают на земле, боясь, что нет ее, и боясь, что есть она, — но как можно поведать о чудных видениях, как передать испытанное? Все выдаваемое за описание есть только подобие, символы, изображение пути целостно-душевного постижения, но не венца его, и в том моменте душевного переживания, где кончается связь души с конечным и *начинает быть* таинство приближения к духовному миру, там для земного ока — незаполнимый перерыв, невозможность, пустота... В буддийских текстах встречаются прекрасные выражения, рисующие объективную непостижимость, неизобразимость чисто духовного бытия, в совершенстве освобожденного от всех пут земной жизни. Никакие определения, выработанные мыслью, которая привязана к земному и наглядному, не применимы к бесконечному и бессмертному, и сама мысль человека бессильна и ничтожна, когда пытается объективно постичь «безвидное бытие».

Для высшая-высших, открывшейся душе, нет ни меры, ни числа, ни подобия, ни имени. Духовное бытие постигается только духом и в духе; великая грань отделяет сферу вещественного, конечного от сферы бесконечного, бестелесного; необозримые шири и дали растянутся за той гранью: там — счастье, восторг вечной жизни, и к ее торжественным шумам в ненасытном и сладком внимании всею душою приник мудрец.

«Я разъясню тебе состояние мудрости — мудрости, трудно достижимой людьми, несомой в подвигах. Приди, я научу тебя — мужайся, крепись!» (ст. 700). «Очистившись в раздумии и успокоении, размышляя о Вечной Истине, ты достигнешь освобождения путем познания, ты сокрушишь бывшее неведение» (ст. 1105). «Тот несравненный остров, где ничем не владеют, где ни к чему не влекутся, я называю Ниббаной, разрушением смерти и гибели; кто постиг это, тот проникнется размышлением, он утихнет, узрев Истину, никогда не подчинится он обольщениям Мары, никогда не отдастся его водительству» (ст. 1092—1093). «Многое видит, многое слышит здесь человек, о многом мечтает; разрушение же тех желаний и страстных влечений к вещам, дорогим человеку, — вот это и есть неизменное состояние Ниббаны. Кто постиг это, тот исполнится раздумья, утихнет, ибо Истину увидел он, Истину неизменную, божественную; и всякое желание в этом мире сокрушит он» (ст. 1084—1085).

«Вера есть семя, покаяние — дождь, разумение — мой плуг и мое ярмо, смирение — дышло моего плуга, разум — гужи, глубокое размышление — мой сошник. Я охраняю себя в телесности, я блюду себя в слове, я умерен в пище; я ведаю истину, выпалываю плевелы. Любовь — мое избавление; подвижничество — мое выючное животное; оно несет меня к Ниббане, несет, не возвращаясь вспять, не печалась о покинутом месте. Когда вспахана моя пашня, она приносит плоды бес-

смертия; вспахав эту пашню, ты избавишься от страдания» (ст. 76—79). «Тот же, кто, вполне понявши все формы, неколеблемо утвердился в мире безвидного, высвободив дух свой из цепи становления, тот навсегда покидает смерть» (ст. 754).

«Если благородные постигли правду в том, что не ложно, постигли ее в Ниббане — они, объявшие духом Истину, в совершенстве счастливы» (ст. 757). «Кто угадит в себе страсти, тот вырвет с корнем и ненависть — несвязанный дух его разовьется в любви; и днем и ночью следуя ей, все миры обнимет он безграничным благоволением» (ст. 507). «Вот, я отхожу теперь к неодолимому, неизменному, чему нет ни в чем подобия; никакого сомнения не останется для меня в Ниббане, для меня, от всего отрешенного в духе» (ст. 1147).

* * *

В Samyutta Nikaya, в разговоре царя Пасенади с монахиней Кхемой, глубоко разъяснена невозможность представить себе наглядным образом личную жизнь мудреца: в ней нет никаких земных элементов, никаких движений, возбуждаемых в духе телесностью, — как бездна великого моря, недоступна земному оку, неизмерима, неопишима духовная жизнь совершенного. И когда умрет он, то нельзя сказать, что он «существует» по ту сторону бытия, равно, как и «не существует» там. Нельзя сказать, что он «существует», ибо представление о «нем» связано с «видом и именем», с его внешним, с его телес-

ностью; но отсюда нельзя сделать также и вывода, что «он не существует», ибо безмерная духовная жизнь совершенного не имеет внутренней связи с телесностью и, следовательно, не подлежит смертному уничтожению. Недоступность личной жизни совершенного объективному восприятию делает также невозможным суждение о форме бытия его по ту сторону смерти: есть ли его теперь уже исключительно субъективная жизнь — жизнь безбрежно-субъективная или же сосредоточенно-субъективная?.. Разрешение этого вопроса — разрешение личной жизни каждого человека, которое рано или поздно приходит ко всем не как умозрительное решение, но как ничем неизменяемая необходимость.

Полагая пустыми рассуждения о «форме бытия» там, где нет ни вида, ни форм, ни телесности, в том «мире безвидного», говоря о котором нельзя даже и употреблять слова: «там», «пребывает», «где», «как», — учение Гаутамы анализирует только субъективное состояние духа блаженствующего в мудрости, исцелении и непорочности.

Мудрец, и проживая в этом мире, пребывает как бы вне мира, не касаясь его, — отныне он живет только в своем духе. Если душевная жизнь поработленного есть только почти исключительно пассивное сознание¹ воз-

¹ Буддийский термин *vinnaṇa* переводится обычно, нужно заметить, крайне неудачно, словом «сознание»; действительно, понятие *vinnaṇa* в буддийской философии вовсе не соответствует ни общепринятому понятию «сознание» в европейской философии,

действующего извне и возникающего в недрах телесности, то жизнь мудреца ни в какой мере не определяется ни внешними, ни внутренними впечатлениями — она бьет неиссякающим и чистым ключом, свободная в мире, не связанная окружающим. Погрузившись в свои радостные, лазурные думы, будто начатые где-то в светлых глубинах вечности и опять плывущие вместе с его любовью и благословением в те же вечно сущие радости бытия, мудрец выпал из течения времени, остановившись духом своим в тех просторах, где нет ни движения, ни восполнения, ни начала, ни смерти... «Кто, охраняемый Истиной, приплыл к тому берегу, преодолев все желания, кто, чистый и доблестный, смело сорвал покрывало, окутавшее мир, кто в великой мудрости ведает путь победы над его обманчивыми призраками, тот идет здесь верной дорогой... Кто победил время и в прошлом, и в будущем, чьи мысли исполнились чудной чистотой, чей дух не влечется ни к одному здесь пристанищу, тот шествует здесь верной дорогой» (ст. 371–372).

ни традиционным нашим представлениям о душевной жизни. Не найдя русского слова, которое адекватно передавало бы термин *vinnaṇa*, мы иногда употребляем понятие «сознание», следуя принятому словоупотреблению европейских переводчиков буддийских текстов, иногда же «сознавание» в смысле того пассивного душевного состояния, в котором переживаются душой как идущие извне впечатления, так и возникающие в духовно-телесном организме влечения, ощущения и т. д.

Мудрец вполне достоин имени *духовного* (брахмана), ибо он ничего не принимает от телесной и вещественной жизни, восполняясь бессмертными впечатлениями. Его мысли — тихие «думы-радости», его любовь — без разлуки, его день — без рассвета и полночи, его счастье не воплощается в земных формах и образах. «Кто расстался с уладами этого мира и забыл все его терния, кто затих, оторвав себя от звеньев цепи существующего, — того, доблестно победившего все миры, назову я брахманом» (ст. 641). «Кто ничего не жаждет, свободный от всяких сомнений, кто погрузился в чистые глубы бессмертия, того назову я брахманом» (ст. 635).

Жизнь мудреца тиха и безмолвна, но эта тишина — неподвижная глубь небес, покой безбрежной жизни, без стремительности, без желаний, без восполнения. «Почитесь от вод в глубинах морей и в горных ущельях: шумно бегут ручейки, но безбрежное море безмолвно, едва колышется» (ст. 719). Светлая и непорочная душа мудрого отражается во всех переливах его жизни красотой, правдой, величием бестелесного бытия, принявшего земной облик. «Озаренный мудростью, ничем не потрясенный на свете, тихий, не тоскующий, не опьяненный страстью, ничего не жаждущий, пересечет здесь старость и рождение» (ст. 1046). «Он — брахман, победитель греха; ничем не овладевает он из того, что видит и о чем знает; никакая страсть не волнует его; ни в чем не увидит он в ослеплении высшего в этом мире» (ст. 794). «В ком не возрастет вновь бывшее неведение, кто

своей дивной мыслью возвысился до путей вечного, кто несет здесь свое последнее тело — тот, всесовершенный в познании, достоин имени Светлого!» (ст. 478).

Нелегко земной путь мудреца, но что значат все труды, соблазны, опасности для того, к кому в великом одобрении и привете склонила свои взоры Истина. «Сколько опасностей в этом мире тому, кто шествует к бессмертной обители, но он победил их в своем смиренном убежище!» (ст. 959). Мудрый идет своим путем «с опущенным взором, с утихшими чувствами, с духом, не тронутым никакой страстью, не пылая влечением» (ст. 62). Кротостью встречая несправедливость, прощением — обиды, в памяти бессмертного забывая земное, мудрый ревностно свершает свой великий подвиг, возвещая Истину, призывая к благой жизни. Он — источник счастья для жаждущих непорочных радостей; утратив все обычные соприкосновения с земным миром, он удержал лишь великое прикосновение врачующей любви к недужному людскому сердцу, больному грехом, неведением, тоскующему в незнании вечных обителей... «Не украшаясь, не стремясь к веселию и удовольствиям, этим обычным радостям мира, гнушаясь роскошества жизни, вещая Истину, ты гряди одиноко...» (ст. 58). «Не увлекаемый, не обольщаемый, ничего не жаждущий, никого не обижающий, свободный от страстей и желаний, не подчиненный никаким влечениям, не связанный ими ни в одном из миров...» (ст. 55). «Будьте чисты и живите в непорочности все вы; любите свои

глубокие думы; согласные в мудрости, вы придете к концу всех страданий» (ст. 282).

Но если мудрый не увлечен земной жизнью, то, значит, она и не тяготит его. У мудрого нет влечения расстаться с нею, ибо обычной томительной жизни ослепления уже не существует: он переступил грань между преходящим и вечным, взирает в лазурные дали бесконечности — и чего же он стал бы искать, к чему стремиться?.. «Человека, для которого нет ничего обольщающего, который обрел свободу в познании Дхаммы, для которого нет ни желания возвратиться к существованию, ни желания расстаться с жизнью, того назову я Тихим, не ищущим плотских наслаждений; никаких цепей здесь нет для него, и желание навсегда сокрушено им» (ст. 855—856).

Тихая и кроткая речь мудрого сильна велением правды; она обращена к сердцу слушателя и западает в него, как начало благодатной жизни, развивающейся в самобытной и чудной гармонии, согретой живительными лучами любви, мира и мудрости. «Благостно слово того, кто постиг верный смысл его; понятое слушателем, оно западает в его сердце, как семя размышления» (ст. 328).

Мудрец не растрачивается в пререканиях, не расточает в обильных поучениях свое бесценное сокровище; он не вступает в защиту своего учения, не оспаривает нападающих на него. Сама его жизнь, ее духовная красота лучше всяких слов разъясняют ищущим правды истину и суть великой жизни освобождения. Его врачу-

ющее слово поучения обращено к тем, чьей душе нужно исцеление, кто притекает в сомнении и печали, кто томится жизнью, страшится ее неразгаданности, ее неоткрытой тайны... «Когда беседует он с учениками или с другими нищенствующими, пусть речь его клонится только к изъяснению прекрасного Учения и никакое постыдное, бранное слово не оскверняет ее, ибо иные речи восстанавливают друг против друга людей; таких пустых, недостойных не похваляю я: только крепче завязываются узы на них, и они попусту растрачивают свои мысли в этих раздорах» (ст. 388—389).

* * *

Мудрецы, последователи Гаутамы, — нищенствующие в мире; они отказались от всего, что может дать человеку земная жизнь, и этим отрешением от земного приобрели несравненно более великое и светлое счастье в общении с бесконечной жизнью. Тихая радость уже разрешенной надежды, счастье встречи с тем, что ждалось в любви и уверенности, нетревожимый светлый покой — вот то великое сокровище, которым обладает нищий и с которым не сравнится никакое богатство и счастье в мире. В его чистой душе рождается только благое, его речь и жизнь дышат кротостью, благосклонностью, сердечностью. «Пойди и спроси всех странников и духовных, близких и далеких, всех. Спроси: есть ли что в мире выше правды и милости, выше смирения и кротости?» (ст. 188).

Ничего чуждого нет ему в безбрежных просторах бытия, к которым приник он своей любящей душой. Ничего враждебного, ничего темного нет в тех безграничностях света и радости. Все миры обнял мудрый своею любовью, не страшась, не враждуя; они для него — не темная неизвестность, но привет вечной зари, торжество правды, безгранично расширившееся объятие любви и благодати... И все глубже и глубже радостью своей личной жизни вникает мудрец в радость бесконечного... «Пусть он простирает свое благоволение сквозь все миры, пусть обнимет он их своим благосклонным духом и вдаль, и вглубь, и ввысь, без вражды, без тревоги, без ненависти...» (ст. 149).

«Дух Мудрого расположен ко всем существам», — так говорил о Гаутаме злой дух Сатагира. Мудрый никого не страшится, ни к кому не питает ненависти, ему равно понятны и злоба, и вражда, и страдания всех существ, кто бы они ни были, он всех облакает своею дивною заботою, всех зовет к исцелению, всех благословляет на радость и счастье жизни... Злые духи укрощаются, внимая словам Гаутамы, побежденные неотразимой, бесконечной правдой Вечной Дхаммы, которую постиг Мудрец и весть о которой несет свет освобождения как начало новой всеобщей радостной жизни, где ни вражда, ни проклятие, ни тоска, ни слезы, ни злые и низкие замыслы не омрачат торжественного дня обновления... «Я пойду от селения к селению, — говорит умиленный злой дух, — я пойду от горы к горе, про-

славляя Совершеннопросвещенного, прославляя совершенство Вечного Закона!..»

То, что мы теперь назвали бы *правом на жизнь* всякого существа, было глубоко понято Гаутамой. Он делает различия между сильными — господствующими и слабыми — поработленными, между существами избранными и существами — париями в мире; для его любви и отеческой заботливости равны все. Глубоко умирительна эта тихая благосклонность помыслов Гаутамы, эта его нежная отеческая забота о счастье и благоденствии всех и каждого! «Да будут счастливы все существа, да живут все они в радости и довольстве! Все живые существа, которые только есть на свете, — и слабые и сильные, и длинные и короткие, и большие и средние, и великие и малые, видимые и невидимые, живущие близко или далеко, рожденные или только еще носимые в утробе, — все они да будут счастливы!» (ст. 144—145).

В Сутта-Нипатѣ есть много прекрасных изречений, выражающих эту заботливую любовь мудрого ко всем существам. Дружелюбное и кроткое отношение к ним — одно из важнейших положений нравственного учения Гаутамы. Вот отрывок из рассказанной Гаутамой легенды о падении брахман, в которой звучит мысль, весьма необычная для наших воззрений и практики жизни. «Как мать и отец, братья и другие близкие, так и коровы — наши лучшие друзья, дарующие нам целебные снадобы. Они питают и укрепляют нас, они дают нам крепкое телосложение и счастье; зная действительное назна-

чение их, никогда брахманы не закалывали коров... Но со временем изменились брахманы... Они, певцы гимнов, пошли к царю и сказали: „Как вода и земля, жито и золото, так и коровы созданы для людей, ибо все это — дань мира живущим”. ...И тогда царь, властелин колесниц, наученный брахманами, подарил им много сотен тысяч коров, чтобы были они убиты для жертвы. Тех коров, всегда кротких, щедро дарующих людям полные чаши молока, тех коров, никому не вредящих ни рогами, ни копытом своим, — повелел царь, схватив за рога, убить их оружием!.. Боги и праотцы, Индра и Асуры и все духи воскликнули: „Это несправедливость!” — когда оружие вонзилось в коров. Свершилась несправедливость насилия, убиты неповинные коровы, жрецы отпали от Дхаммы!..»

III

Творения древности — живое слово мудрого поучения, оставленное нам давно сошедшими в могилу людьми; в них — животворное начало испытующей мысли, поднявшейся до сознания вечного. Научившись выделять в творениях мудрецов древности все, связанное исключительно с их временем и имеющее только чисто исторический интерес, научившись понимать непреходящий смысл их учений, выраженных подчас в формах, чуждых нашему языку, не всегда ясных, часто не связанных в нашем разуме ни с какой цельной, определен-

ной системой понятий, — мы воспроизведем перед собой жизнь и душу далекого прошлого, думы мудрых воссияют во всем величии, и станет явным это постоянное рвение человеческого духа к вечности, эта необоримая уверенность в бесконечном бытии, все живые бесчисленные энергии которого — благодетельны, прекрасны и праведны.

В последнее время мыслители — как наши, так и других европейских народов — все чаще задумываются над направлением современной культуры, над ее началами и конечным идеалом, тогда как еще недавно европейская культура представлялась как возможно достижимое для человечества, не допускающее ни малейших правок, ни дополнений. Это — явные признаки близкого и серьезного пересмотра приоритетов. Европейская культура — культура научных знаний, видимого улучшения социальных отношений, но только не культура души. Ее тенденция — внешним образом, почти насильно, внедрить в жизнь то благое, что при душевной культуре развивается естественно и что, однажды явившись, никогда уже не иссякнет, ибо коренится в единственно реальной и несокрушимой почве благой жизни человека — в его душе. Мы забыли роковым образом, что только то прекрасно, чем сердце бьется уже в каждом своем ударе, что стало навсегда неотъемлемым от мысли, вносится в жизнь как живая, дышащая красота; между тем, насажденное извне прививается только долгое, долгое время и, привившись, нередко пере-

рождается, принимает более грубые формы, далекие от идеала, о котором мечталось. Оттого-то и возникает странное противоречие: так много прекрасного в наших идеях и так мало его в жизни; потому-то неглубоко, недушевно, неискренно наше просвещение, что великие мысли прошли только чрез наше сознание, окрепли в памяти, но не созрели в материнских недрах души нашей, не согрелись ее живой, теплой любовью. Мы не вынашивали великих идей любовно и заботливо, не вдыхали в них жизни своей души — и вот даже величайшие, казалось бы, животворные помыслы воплощаются бесплодными, мертвыми. Обычное среди нас грустное ничтожество дел, которые смогли бы ярче, благотворнее принести в жизнь *дух и суть* великих идей, также связано с малой душевностью нашей сознательной жизни...

Кто знает, что возможна и должна быть красота духа, развивающего во мраке бессознательной материи чудные сферы сознания правды, любви, милости, кто поэтому ждет от людей благого, тот не может не видеть какое-то все более разрастающееся равнодушие, оцепенение. Среди холода жизни, ее омертвевшей дремоты так редки сердца, горящие пламенной любовью к истине, редки порывы, чудною близостью соединяющие душу с великой неземною жизнью. Мало любви льется в мире из душ человеческих, мало заботливости о благе, красе и величии духа, и в нашей жизни чувствуется отсутствие того тепла, той нежности, которые даются ей только

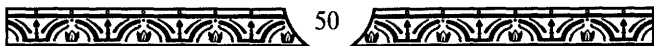

искренней душевностью. И над всей нашей жизнью тяготеет печать безнадежной разлуки с прежней любовью, с былыми радостными и светлыми видениями...

Сложная европейская культура, богатая знаниями, умственной просвещенностью, широкой распространенностью образования, сделав многое для удобств общественной жизни, многому научив человека, сделала слишком мало для душевного мира, не научила человека жить сознательно благою, светлою и прекрасною жизнью. Горячо разрабатывая бесчисленные элементы культуры, забыли о самом важном ее элементе — о самом человеке; забыли, что только та культура истинна, которая выражается не вовне, а заложена глубоко, как живое начало, в душе человека. Чем больше людей истинно, душевно просвещенных, глубоко понимающих задачи времени в связи с никогда не умирающими задачами жизни и духа, людей, зорко охраняющих неприкосновенность великих принципов, добытых дорогою ценой и внесенных уже в человеческую жизнь, — тем надежнее опора культуры на действительно незыблемые основания, ярче, ощутимее, могущественнее. Больше чистых, благородных людей — и будет радостнее, и станет стыднее свершать злое и несправедливое...

* * *

Философия, охраняющая в душе человека память о вечном и святом бытии, является одним из важнейших источников душевной культуры.

В жизни должно быть такое святое место, где бы человек чувствовал дыхание вечности. Таким местом еще в древние времена были воздвигнутые храмины Духа, чертоги мудрости. Там тихим, неизменным пламенем горят светильники, зажженные великими мудрецами мира, и ощущается их тайное присутствие; у порога этой дивной обители тишины, успокоения, немеркнувшей радости сознания вечного, куда едва лишь доносятся, как дальнее эхо, отголоски жизни, отрясается всякий прах и пыль земли: с чистою мыслью, с чистою, открывшеюся в любви душою должно приближаться к алтарю Истины...

В наше время нередко возникают разговоры: да нужна ли философия, повторяющая странные слова, зовущая ввысь? Не закончилось ли дело философии, когда «великие понятия» стали всеобщим достоянием, глубоко запали в человеческую мысль и работают уже в жизни созидательным образом? Но, рассуждая так, не уподобились ли мы тому оригинальному мыслителю, который усомнился в надобности солнца, когда на земле и «без того тепло»?

По некоторому недопониманию, философия в нашей жизни и мысли не занимает подобающего ей места и не оказывает должного благотворного влияния на людей. В наши дни философия напоминает заброшенную принцессу, выросшую в деревне; хрупкая и нежная, деликатная, чудная лилия среди грязи деревенской улицы, она как будто не нужна, чужда и докучна нашему времени «борьбы за жизнь» и «приспособления к ней».

Стремление к новаторству в умственной жизни, уверенность, что новая эпоха должна сказать все новое, превосходящее прежнее, — затмевает веру и мысль прошлого. А сколько, быть может, благих путей, светлым истоком проливающихся в мыслях прежних времен, мы вовсе и не заметили, пройдя мимо в самообольщении и надменности...

Н.И. Герасимова

P.S. Прилагаем список важнейших наименований и специальных буддийских терминов, наиболее часто встречающихся в нашем памятнике:

arahat	блаженный, святой
Bhagavat	Славный, Блаженный (как имя Будды)
bhikkhu	нищенствующий монах, нищий
Dhamma	Дхамма, Вечный Закон, Вечная Истина, Учение
dhamma	(употр. во мн.ч.) правила, обычаи, законы, учения, порядки, вещи
Isi	Мудрец
Mara	Мара (дьявол, соблазнитель, властелин смерти)
muni	мудрец, аскет
samana	аскет, пустынник, самана, отшельник, странник
samsara	путь возрождений, путь рождения и смерти, земная жизнь, путь рождения и разрушения
samkhara	этот свет, вещественный мир, твари, обманчивые призраки

Sugata	Счастливым (как имя Будды)
upadhi	элементы мира, звенья существующего
nibbuta	блаженствующий, освобожденный
Nibbana	Ниббана, блаженство, состояние исцеления, успокоения, царство мира, покоя, блаженства
pandita	мудрый
parinibbuta	счастливый, блаженный
Sakya muni	Будда (Шакья-Муни)
Tathagata	Совершенный (как имя Будды)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Состав Буддийского Канона (по Макс-Мюллеру)

В настоящее время мы встречаем буддийский канон как целое, разделенное на три части и содержащее творения, со-
бранные доныне в манускриптах, под общим именем *Ti pitaka*.

Ti pitaka разделяется на: 1) *Vinaya-pitaka*, 2) *Sutta-pitaka* и
3) *Abhidhamma-pitaka*.

I. *Vinaya-pitaka*

1. *Vibhanga*, 2 части
2. *Khandhaka*, 2 части: I. *Mahavaga* (большая)
 II. *Kulavagga* (малая)
3. *Parivarapatha* — прибавление и позднейшее резюме

II. *Sutta-pitaka*

1. *Digha nikaya* — сборник 34 больших сутт
2. *Magghima-nikaya* — сборник 152 средних сутт
3. *Samyutta-nikaya* — сборные сутты
4. *Anguttara-nikaya* — сборные сутты

5. Khuddaka-nikaya — сборник сутт, состоящий из:

- 1) Khuddakapatha — малые изречения
- 2) Dhammapada
- 3) Udana — славословие (82 сутты)
- 4) Itivuttaka — сказания, относящиеся к изречениям Будды
- 5) Sutta nipata
- 6) Vimana vatthu — о небесных чертогах
- 7) Peta vatthu — сказания о духах отшедших
- 8) Theragatha — стихи об инокaх
- 9) Therigatha — стихи об инокинях
- 10) Gataka — о перерождениях (550 сказаний)
- 11) Niddesa — объяснение некоторых сутт Сарипуттой
- 12) Patisambhidamagga — путь различения и непосредственного ведения
- 13) Apadana — легенды
- 14) Buddhavamsa — история 24 предшествовавших будд и история Гаутамы
- 15) Kariyapitaka — корзина поведения, достохвальные дела Будды

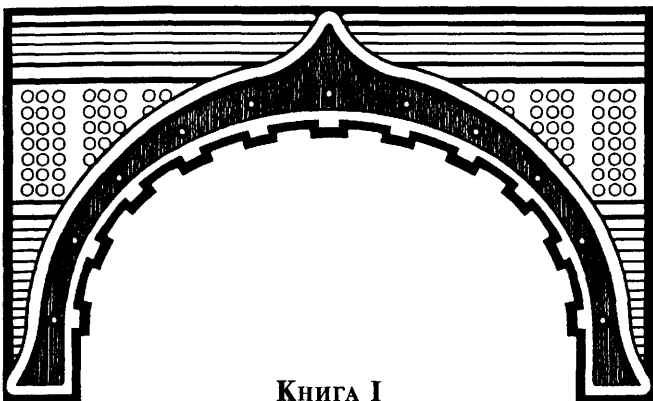
III. Abhidhamma-pitaka

1. Dhammasangani — перечисление условий жизни
2. Vibhanga — исследования (18)
3. Kathavatthupakarana — книги предметов для обсуждения
4. Puggalapannatti — изъяснение личности
5. Dhatukatha — об элементах
6. Yamaka — четы (десять отделений)
7. Patthanapakarana — книга причин

A decorative archway frame with a scalloped inner edge and a pointed top, set against a background of horizontal lines and smaller arches.

СУТТА—НИПАТА

СБОРНИК БЕСЕД И ПОУЧЕНИЙ

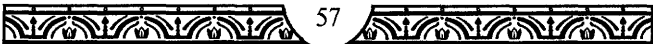
КНИГА I URAGAVAGGA

СУТТА I

1. Кто сдерживает свой возникающий гнев, как врач останавливает силу яда, проникшего в тело, — тот монах покинет оба берега, как змея сбрасывает с себя изношенную кожу.

2. Кто всецело оторнул от себя страсти, как, ныряя в воду, срывают лотос, — тот монах покинет оба берега, как змея покидает свою отжившую кожу.

3. Кто отогнал от себя всякое желание, неудержимо подступающее, стремительное, кто погубил его, иссушив его, — тот монах покинет оба берега, как змея покидает свою отжившую шкурку.

4. Кто разрушил в себе надменность, как прилив сокрушает тростниковый мостик, — тот монах покинет оба берега, как змея оставляет свою отжившую кожу.

5. Кто постиг, что нет неизменной сущности в этом бытии, как нет цветов на фиговой пальме, — тот монах забудет оба берега, как змея навсегда бросает свою изношенную кожу.

6. В чьей груди уже нет чувства страха, кто победил это все возникающее возрождение — тот монах покидает оба берега, как змея сбрасывает свою отжившую кожу.

7. Кто развеял свои сомнения, кто отсек их от себя вполне и искренне — тот монах расстается с тем и с этим берегом, как змея со своей отжившею шкуркой.

8. Кто не рвался вперед, но и не оставался позади, кто победил оба эти мира заблуждения — тот монах оставляет оба берега, как змея свою отжившую шкурку.

9. Кто не рвался вперед, но и не оставался позади, кто понял, как все обманчиво в этом мире, — тот монах покинет оба берега, как змея свою изношенную шкурку.

10. Кто не стремился вперед, кто не оставался и позади, кого не поработила жадность — тот, познавший призрачность этого мира, покидает оба берега, как змея свою изношенную шкурку.

11. Кто не стремился вперед, кто не оставался и позади, свободный от страстей, сознавший обманчивость всего в этом мире, — тот монах оставляет оба берега, как змея свою отжившую шкурку.

12. Кто не рвался вперед, кто не оставался и позади, не побежденный ненавистью, издевавший обманчивость всего в этом мире, — тот монах покидает оба берега, как змея свою отжившую шкурку.

13. Кто не рвался вперед, кто не оставался и позади, свободный от мечтаний, ясно постигший призрачность всего в этом мире, — тот монах покинет оба берега, как змея покидает свою отжившую шкурку.

14. Кто все влечения погасил в себе и всякое желание вырвал с корнем — тот монах оставляет оба берега, как змея свою отжившую шкурку.

15. В ком не возникает вновь чувство страха, кого не возвратит оно опять к этому берегу — тот монах навсегда оставляет оба берега, как змея свою отжившую шкурку.

16. В ком не возникнет вновь чувство желания, кого не привяжет оно опять к существованию — тот монах покидает оба берега, как змея покидает свою изношенную шкурку.

17. Кто разрушил пять преград, свободный от страдания, победивший сомнения, недоступный печали, — тот монах покидает оба берега, как змея свою отжившую шкурку.

СУТТА II

1(18). «Я сварил свой рис, я подоил коров, — так говорил пастух Дханья, — вместе с товарищами живу я на отмели реки Маги; мой дом плотно закрыт, и огонь зажжен — теперь ты можешь дожидаться, о небо!»

2(19). «Я свободен от гнева, я свободен от гордости, — так говорил Совершенный, — эту ночь провел я на отмели реки Маги; мое жилище не покрыто крышей, и огонь мой потух — ты можешь дожждаться, о небо!»

3(20). «Я укрылся от оводов, — так говорил пастух Дханья, — на лугах, обильных травой, пасутся мои коровы, дождь не повредит им — теперь ты можешь дожждаться, о небо!»

4(21). «Крепко снарядил я свою ладью, — так говорил Совершенный, — я приплыл к вечному берегу, я достиг той отмели, преодолев потоки страстей: теперь та ладья не нужна мне более — ты можешь дожждаться, о небо!»

5(22). «Не сварлива моя жена, всегда послушна, — так говорил пастух Дханья, — долгое время она прожила со мной неразлучно; она миловидна, ничего дурного я никогда не слышу от нее — ты можешь дожждаться, о небо!»

6(23). «Мне послушен мой ум, он свободен вполне, — так говорил Совершенный, — долгое время я обуздывал свой дух, совершенствовал его, и нет в нем теперь ничего злого — ты можешь дожждаться, о небо!»

7(24). «Я кормлюсь своим трудом, — так говорил пастух Дханья, — и мои дети всегда со мною, они здоровы; ничего злого я никогда не слышу от них — ты можешь дожждаться теперь, о небо!»

8(25). «Ни одного слуги нет у меня, — так говорил Совершенный, — что сам я добыл себе, с тем и прохожу чрез весь мир, нет мне нужды в помощниках — ты можешь дожждаться, о небо!»

9(26). «У меня есть коровы, и телята есть у меня, — так говорил пастух Дханья, — у меня есть также и бык — он господин над коровами, — теперь ты можешь дожждаться, о небо!»

10(27). «Нет у меня коров и телят, — так говорил Совершенный, — нет у меня и быка, господина над ними, — ты можешь дожждаться, о небо!»

11(28). «Надежно врыты столбы, их нельзя раскачать, — так говорил пастух Дханья, — крепки веревки, новы и искусно свиты, коровы не порвут их — теперь ты можешь дожждаться, о небо!»

12(29). «Как бык, порвал я все узы, как слон, я прорвался сквозь чащу ползучих растений, — так говорил Совершенный, — я не войду вновь в утробу рождений — ты можешь дожждаться, о небо!»

Внезапно разразился ливень, заливая землю, наполняя озера. Слыша, что пошел дождь, сказал Дханья:

13(30). «Немалая прибыль притекла к нам с тех пор, как мы узрели Совершенного; мы прибегаем к тебе, о ты, одаренный мудростью, — будь нашим наставником, о великий пустынник!

14(31). И я, и жена моя, мы оба послушны — благослови нас на добрую жизнь, мы победим рождение и смерть, мы достигнем конца страданий!»

15(32). «Кто имеет сынов, тот имеет радость от сынов, — говорил лукавый Мара, — кто имеет стада, тот имеет радость от стад, ибо звенья бытия — радости людей, и тот, у кого их нет, не имеет и радостей».

16(33). Но так сказал Совершенный: «Кто имеет сынов, тот имеет и заботу от сынов; кто имеет стада, тот имеет и заботу от стад, ибо звенья бытия — причина людских забот; у кого нет их, у того нет и заботы».

СУТТА III

1(34). Отбросив в сторону свой прежний бич против всех существ и не вредя никому из них, пусть не жаждет никто ни сынов, ни друзей, пусть он грядет одиноко, подобно носорогу.

2(35). Из близости к людям возникают страсти и печаль возникает, всегда идущая за страстями; поняв, что в страстях коренятся страдания, ты гряди одиноко, подобно носорогу.

3(36). Кто близкою дружбой связан с людьми, тот лишается своей прибыли, ибо дух его закован в цепи; видя опасности дружбы, ты иди одиноко, подобно носорогу.

4(37). Все запуталось в своих ветвях бамбуковое дерево — весь опутан человек заботами о сынах и женах; но как молодые бамбуковые побеги не прилепляются ни к чему, так и ты иди своим путем в одиночестве, подобно носорогу.

5(38). Как отвязанный скот, пущенный в лес, пасется там на свободе, привольно, так пусть и мудрый, разумея сознannую цель, идет одиноко, подобно носорогу.

6(39). Постоянно зовут на пиршества, зовут на прогулки, на игры — но пусть тот, кто ищет свободы от

ига желаний и принял великое решение, грядет одиноко, подобно носорогу.

7(40). Есть веселье и удовольствие с товарищами, есть радости и среди детей — но, хотя и нелегко разлучение с близкими, все же лучше, подобно носорогу, в одиночестве держать верный путь свой.

8(41). Для кого равны все четыре сферы, кто не враждебен ни одной из них, довольный и тою и иною, пусть тот, как носорог, грядет одиноко, побеждая безбоязненно все опасности.

9(42). Есть и отшельники, недовольные своею жизнью, есть и собственники, живущие в доме, но которых также не радует их жизнь, — ты же иди своим путем одиноко, подобно носорогу.

10(43). Отстранив здесь всякие стремления, любезные собственникам, как отряхнется дерево от своих увядших листьев, ты гряди одиноко, подобно носорогу, доблестно порвавши все прежние узы.

11(44). Если встретил ты разумного спутника, товарища могущественного и мудрого, ты иди с ним в раздумье и радости, преодолевая опасности.

12(45). Если же не найдешь ты себе разумного друга, спутника праведного и мудрого, лучше иди ты, как царь, покинувший побежденную страну, иди одиноко, подобно носорогу.

13(46). Мы должны искать друзей, равных себе или лучших себя, и радоваться, найдя их; если же не обрел ты подобных друзей, лучше иди один, радуясь в своем одиночестве, иди одиноко, подобно носорогу.

14(47). Посмотри, как бьются друг о друга на твоей руке эти запястья, золотые, искусно выкованные, — пойми же то и лучше иди одиноко, подобно носорогу.

15(48). «Близко связанный с другим, я не избегу ни ссор, ни проклятий» — размышляя об этой опасности, ты иди одиноко, подобно носорогу.

16(49). Разнообразны плотские наслаждения, они сладки и пленительны, то в том, то в другом виде они колеблют наш дух — видя горе, возникающее из радостей тела, ты гряди лучше одиноко, подобно носорогу.

17(50). «Эти наслаждения — мое несчастье, в них скрыто семя потери, неудач, горькой муки, опасностей» — так, провидя опасности, растущие из радостей тела, ты гряди в одиночестве, подобно носорогу.

18(51). Избегая холода и жары, жажды и голода, ветра и палящего солнца, ядовитых мух и змей, — избегая всего этого, ты, подобно носорогу, в одиночестве держи путь свой.

19(52). Как слон, крепкий и могучий, покинув табун, гуляет в лесу, на приволье, так и ты в одиночестве держи путь свой, подобно носорогу.

20(53). Кто ищет радостей в связях с другими, того не влечет к себе дума об успокоении — ты же, внимая словам Будды, иди одиноко, подобно носорогу.

21(54). «Я прошел чрез строгости учений, я обрел самоподчинение и вступил на путь, ведущий к совершенству, я обладаю верным знанием, я не буду водим никем» — так говоря, ты иди одиноко, подобно носорогу.

22(55). Не увлекаемый, не обольщаемый, ничего не жаждущий, никого не поносящий, свободный от страстей и мечтаний, не подчиненный никаким влечениям, не связанный ими ни в одном из миров, — ты гряди одиноко, подобно носорогу.

23(56). Избегай дурного товарищества: оно научает дурному, оно приводит к неправому, не входи в дружбу с теми, кто отдался похоти и гибнет в ней, — как носорог, ты иди своим путем в одиночестве.

24(57). Дорожи дружбой тех, кому ведомо должное, кто сведущ, великодушен и мудр, — ведая значение всякой вещи и побеждая сомнения, как носорог, ты иди своим путем в одиночестве.

25(58). Не украшаясь, не стремясь к веселию и удовольствиям, этим обычным радостям мира, гнушаясь роскошества жизни, вещая Истину, ты гряди одиноко, подобно носорогу.

26(59). Оставь жену и сына, отца и мать, богатства и жито, оставь все, что порождает желания, и иди своим путем одиноко, подобно носорогу.

27(60). Все это узы, во всем этом так мало счастья, так мало радости — это источник страданий, это коварный крючок на уде, — в таком понимании ты иди, раздумывая, ты иди одиноко, подобно носорогу.

28(61). Сорви все узы, разорви все сети, как рыба, запутавшаяся в тенетах, разрывает их, будь ты подобен огню, никогда не возвращающемуся на сожженное место, и в одиночестве держи путь свой, подобно носорогу.

29(62). С опущенным взором, с утихшими чувствами, с духом, не тронутым никакой страстью, не пылая влечением, ты гряди одиноко, подобно носорогу.

30(63). Облекшись в свое желтое платье, ты отряхни с себя все заботы о доме, как дерево отряхает свои увядшие листья, и гряди одиноко, подобно носорогу.

31(64). Не стремись к приятным вещам, не будь неустойчив; не заботься о пропитании других, но сам иди, прося подаяния, от жилища к жилищу, с духом, не скованным никакой заботой, — ты гряди одиноко, подобно носорогу.

32(65). Отбросив пять преград духа, затушив в себе все дурное, независимый, нетревожимый, нежелающий, ты гряди одиноко, подобно носорогу.

33(66). Отбросив телесные наслаждения и печали, отбросив и все душевные радости и страдания, ты, обретший спокойствие, чистоту и мир, гряди одиноко, подобно носорогу.

34(67). Ревностный в достижении высшего блага, с духом, свободным от всякой привязанности, усердный и добрый, одаренный мощью духа и тела, ты гряди одиноко, подобно носорогу.

35(68). Не отклоняясь от уединения и размышления, уверенно шествуя стезею закона, ясно видя все горе жизни, ты гряди одиноко, подобно носорогу.

36(69). Жаждающий только угашения всех желаний, ревностный и размышляющий, обузданный и решительный, богатый знанием и трудами, ты гряди одиноко, подобно носорогу.

37(70). Лев не страшится шума, ветра не уловишь сетями, лотос не окропится водою — ты же гряди одиноко, подобно носорогу.

38(71). Вот лев с могучими лапами, победивший всех зверей, гордо идет он, победитель, властелин над всеми зверями, — и ты в одиночестве держи путь свой, подобно носорогу.

39(72). Благосклонный в должное время, покойный и сострадательный, свободный и радостный, ты, не затемненный целым миром, в одиночестве держи путь свой, подобно носорогу.

40(73). Отринув страсти и ненависть, отбросив все мечтания, сорвав с себя все оковы, не содрогаясь пред мыслью о смерти, ты гряди, подобно носорогу.

41(74). Люди ищут сближения, служат другим ради собственной выгоды, трудно найти друзей, искренно преданных, несвоекорыстных, своей только выгодой озабочены люди, они нечисты — лучше в одиночестве иди ты своею дорогою, подобно носорогу.

Сутта IV

Вот что я слышал:

Однажды Совершенный обитал в Магадге, в деревушке. В то время пятьсот плугов брахмана Казибхарадваги были запряжены, так как наступило время сеяния. Рано утром оделся Совершенный и, взяв свою чашу, пошел к тому месту, где трудился брахман Казибхарадвага. В это время брахман разделял корм. Совер-

шенный пошел на то место, где брахман делил корм, и, подойдя, стал поодаль. Брахман, увидев, что стоит Совершенный, как бы прося подаяния, сказал ему:

«Я, о странник, пашу и сею; и, вспахав и посеяв, я питаюсь; и тебе так же, о странник, надлежало бы пахать и сеять и, вспахав и посеяв, питаться».

«О, брахман, я и пашу, и сею, и, вспахав и посеяв, я питаюсь».

«Однако мы не видим ни ярма, ни плуга достопочтенного Гаутамы, не видим мы ни его волов, ни сошника».

И опять достопочтенный Гаутама сказал ему:

«О, брахман, я и пашу, и сею, и, вспахав и посеяв, я питаюсь»

Тогда с такими словами обратился брахман к Совершенному:

1(75). «Ты назвал себя пахарем, но никто не видел тебя пахущим; спрошенный о том, скажи нам, в чем твоя пахота; разъясни нам это, чтобы твоя пахота стала понятна нам».

И отвечал Совершенный:

2(76). «Вера есть семя, покаяние — дождь, разумение — мой плуг и мое ярмо, смирение — дышло моего плуга, разум — гужи, глубокое размышление — мой сошник.

3(77). Я охраняю себя в телесности, я блюду себя в слове, я умерен в пище; я ведаю истину и ею выпалываю плевелы. Любовь — мое избавление;

4(78). подвижничество — мое вьючное животное; оно несет меня к Ниббане, несет, не возвращаясь вспять, не печалась о покинутом месте.

5(79). Когда вспахана моя пашня, она приносит плоды бессмертия; вспахав эту пашню, ты избавишься от страдания».

Тогда брахман Казибхарадвага нацедил рисового молока в золотую чашу и, подав ее Совершенному, так сказал:

«Пусть Совершенный изопьет рисового молока; достопочтенный — пахарь, ибо славный Гаутама пашет ту пашню, которая приносит плоды бессмертия».

6(80). Тогда сказал Совершенный: «Что добыто здесь в поучении, тем не питаюсь я; это, о брахман, уже не устав для того, кто видит ясно; Будда отвергает ранее добытое — таково от века правило Будд.

7(81). Кто есть совершенный мудрец, чьи страсти развеемы, в чьих деяниях навсегда угасло все дурное, тому ты должен служить иною пищею и иным питьем — вот верное поприще тому, кто ищет добрых дел».

«Кому же, о Гаутама, предложу я теперь это рисовое молоко», — так сказал Казибхарадвага.

«Я никого не вижу, о брахман, ни в мире богов и людей, ни среди брахманов и отшельников, кто бы мог принять это рисовое молоко, кроме Совершенного или ученика Совершенного. Посему, о брахман, ты должен вылить это рисовое молоко где-нибудь, где мало травы, или вылить в воду, где нет червей», — так сказал Совершенный.

Тогда брахман вылил рисовое молоко в чистую воду. Тогда рисовое молоко, вылитое в воду, забрызгало, зашипело, задымилось клубами. Как разогретый дневною работою сошник, будучи опущен в воду, брызгает, шипит и дымит клубами, так брызгало, шипело и дымило клубами рисовое молоко, вылитое в воду.

Тогда брахман, испуганный и пораженный, приблизился к Совершенному и, приблизившись к нему и припав головой к его ногам, так сказал Совершенному:

«Как чудесно это, о славный Гаутама! Как чудесно это, о славный Гаутама! Как поднимают то, что было опрокинуто, как обнаруживают то, что было скрыто, как указывают путь заблудившемуся, как вносят лампаду во тьму, чтобы зрячие могли видеть, так и славный Гаутама разъяснил истину многими путями. Я прибегаю к славному Гаутаме и его Закону и к семье нищенствующих; я хочу оставить мир, хочу получить от славного Гаутамы одеяние и правила пустынной жизни».

И тогда брахман Казибхарадвага получил от Совершенного разрешение на странничество и получил также одеяние и правила; и вот досточтимый Бхарадвага, ставши странником и ведя уединенную, смиренную, ревностную, усердную жизнь подвижника, в короткое время постиг и усвоил то высочайшее совершенство духовной жизни, ради которой люди знатных семей покидают свои дома. «Разрушено возрождение, достигнуто совершенство духовной жизни; что должно было

свершить, то свершено, и не осталось ничего, из надлежащего быть свершенным здесь», — так сознавал он, и вот достопочтимый Бхарадвага стал блаженствующим.

СУТТА V

1(82). «Я прошу у Мудрого великого понимания, — так сказал Кунда, кузнец, — Будда, господин Закона, ты, свободный от желаний, лучший из людей, велико-лепнейший из возничих, — сколько странников есть на свете, открой мне, прошу тебя!»

2(83). «Четыре есть странника, о Кунда, и нет пятого, — так сказал Блаженный, — спрошенный тобою, я открываю тебе: есть „побеждающий путь” и есть „поучающий пути”, есть „идуший праведным путем” и есть „оскверняющий путь”».

3(84). «Кого же нарекают Будды „побеждающим путь”? — так сказал Кунда-кузнец. — И как узнать мне „поучающего пути”? Спрошенный мною, укажи мне „живущего на праведном пути” и укажи „оскверняющего путь”».

4(85). «Кто отринул сомнения, — так сказал Блаженный, — кто не страждет более, но блаженствует в Ниббанае, свободный от жадности, водитель мира людей и богов, того именуют Будды „победоносно свершающим свой путь”».

5(86). Кто уже в этом мире постиг, что лучшее есть Ниббана, кто излагает и объясняет Вечный Закон, того, мудрого, рассекающего сомнения, того, недоступного

желаниям, второго из странников, нарекают Будды „поучающим пути”.

6(87). Кто живет по Закону, ясно постигши Учение, кто укротил себя и внемлет, кто вещает лишь непостыдное слово — того, третьего из странников, они нарекают „живущим праведным путем”.

7(88). Кто же, подделываясь под вид добродетельного, бесчестит семейства, бесстыден и лжив, необуздан и лицемерен, тот назовется „оскверняющим путь”.

8(89). И вот, кто постиг четырех странников, кто — хозяин дому, богатый разумом, ученик достопочтенных и мудрый — понял, что все они таковы, у того не иссякнет вера, ибо он всегда различит неиспорченного и испорченного и не сравнивает нечистого с чистым».

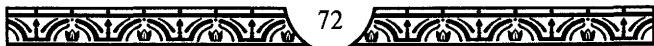
СУТТА VI

Так я слышал:

Однажды ночью некое божество, прекрасное видом, осветившее собою всю окрестность, снизошло к Совершенному, и, приветствовав его, отошло в сторону, и, стоя в стороне, обратилось к Совершенному с такими словами:

1(90). «Мы вопрошаем тебя, Гаутама, о человеке, страдающем от потери; я пришел спросить тебя — скажи нам, в чем причина потери для теряющего?»

2(91). «Легко узнаешь выигрывающего, не труднее заметить и теряющего; кто возлюбил закон, тот выигрывающий, кто возненавидел его, тот теряющий».

3(92). «Это так, это первый теряющий; о втором теперь ты поведай нам, о Совершенный, — в чем причина потери для теряющего?»

4(93). «Злые люди дороги тому, кто не делает ничего из любезного доброму, кто восхваляет пути нечестия — вот причина потери для теряющего».

5(94). «Это так, это второй теряющий, о третьем теперь ты поведай нам, о Совершенный, — в чем причина потери для теряющего?»

6(95). «Сонливость, лень, преданность гневу, любовь к пиршествам, неуверенность — вот причина потери для теряющего».

7(96). «Это так, это третий теряющий, о четвертом теперь ты поведай нам, о Совершенный, — в чем причина потери для теряющего?»

8(97). «Кто, будучи богат, не заботится ни об отце, ни о матери, не заботится о них, постаревших, навсегда потерявших былые силы, — вот причина потери для теряющего».

9(98). «Это так, это четвертый теряющий; о пятом теперь ты поведай нам, о Совершенный, — в чем причина потери для теряющего?»

10(99). «Кто ложью и лицемерием достигает степени мудрого или отшельника или другой степени из монашествующих — в том причина потери для теряющего».

11(100). «Это так, это пятый теряющий; о шестом ты поведай нам теперь, о Совершенный, в чем причина потери для теряющего?»

12(101). «Многими богатствами владеет человек, много у него золота и брашн, и ни с кем не поделится он — вот причина потери для теряющего».

13(102). «Это так, это шестой теряющий; о седьмом ты теперь поведай нам, о Совершенный, — в чем причина потери для теряющего?»

14(103). «Своим происхождением, богатствами, своей родословной гордится человек, он презирает ближних — вот причина потери для теряющего».

15(104). «Это так, это седьмой теряющий; о восьмом теперь ты поведай нам, о Совершенный, — в чем причина потери для теряющего?»

16(105). «Все приобретенное им расточает человек похотливый, друг хмельных напитков, игрок в кости, — в том причина потери для теряющего».

17(106). «Это так, это восьмой теряющий; о девятом ты теперь поведай нам, о Совершенный, — в чем причина потери для теряющего?»

18(107). «Кто не довольствуется своею женой и влечется к женам других — в том причина потери для теряющего».

19(108). «Это так, это девятый теряющий; о десятом теперь ты поведай нам, о Совершенный, — в чем причина потери для теряющего?»

20(109). «Когда человек, достигший преклонного возраста, вводит в дом свою жену с прекрасными персями и всю ночь не может сомкнуть очей, встревоженный ревностью, — вот причина потери для теряющего».

21(110). «Это так, это десятый теряющий; об одиннадцатом теперь ты поведай нам, о Совершенный, — в чем причина потери для теряющего?»

22(111). «Кто во главе хозяйства в доме ставит женщину или мужчину, склонных к пьянству и расточительству, — вот причина потери для теряющего».

23(112). «Это так, это одиннадцатый теряющий; о двенадцатом теперь ты поведай нам, о Совершенный, — в чем причина потери для теряющего?»

24(113). «Кто жаден, завистлив к чужим богатствам, кто, будучи рожден в семье воинов, жаждет владычества над целым светом — вот причина потери для теряющего».

25(114). Раздумывая о тех причинах потерь в этом мире, мудрый, достойный человек, одаренный вниманием, достигнет счастливого места богов».

Сутта VII

Так я слышал:

Рано утром, одевшись и взяв свою чашу, вышел Совершенный, чтобы просить подаяния.

В то время пылал очаг в жилище брахмана Аггикабхарадваги, и у порога были выставлены приношения. Совершенный, прося подаяния и ходя от дома к дому, подошел к жилищу брахмана. Брахман, заметив его, сказал ему: «Остановись здесь, о постриженник! Остановись здесь, о нищий странник! Остановись здесь, о презренный!»

Услышав это, Совершенный сказал брахману: «Разве ведомы тебе презренные, о брахман, и разве ведомо тебе, что делает человека презренным?»

«Нет, о славный Гаутама, мне неизвестно, кто — презренный, и неизвестно, что делает человека презренным, — пусть достойный Гаутама научит меня, чтобы я познал, кто презренный и что делает человека презренным».

«Послушай же, о брахман, послушай внимательно, что я скажу тебе».

«Пусть будет так, о Достопочтенный!» — отвечал брахман.

Тогда начал говорить Совершенный.

1(115). «Кто зол и несет в себе ненависть, кто лицемерен и дурен, кто предан ложному мнению, кто склонен к лживости — в нем ты признай презренного.

2(116). Кто в этом мире вредит живым существам, один раз или дважды рожденным, в ком нет к ним сострадания — в том ты признай презренного.

3(117). Кто осаждаёт города и поселки, кто разрушает их, в ком все видят врага и боятся его — в том ты признай презренного.

4(118). Кто крадет чужое добро, будь то в лесу или в селении, кто завладевает тем, что не дано ему, — в нем признай ты презренного.

5(119). Кто, будучи должен, уклоняется от уплаты, когда наступает срок, говоря: я вовсе и не должен тебе, — в нем признай ты презренного.

6(120). Кто в похвальбе своим удалством убивает человека, мирно идущего своей дорогой, — в нем признай ты презренного.

7(121). Кто, как свидетель, будучи спрошен, лжет ради своей выгоды, или ради выгоды другого, или ради подкупа — в нем признай ты презренного.

8(122). Кто увлекает жен друзей или близких, и они охотой или неволей идут к нему, — в нем признай ты презренного.

9(123). Кто, будучи богат, не поддерживает ни отца, ни матери, постаревших, потерявших былые силы, — в нем признай ты презренного.

10(124). Кто оскорбляет мать, отца или брата, сестру и свекровь, кто поносит их — в нем признай ты презренного.

11(125). Кто, просимый поучить доброму, поучает дурному, кто советует другим лживость и изворотливость — в нем, кто бы он ни был, ты признай презренного.

12(126). Кто лицемерен, кто, свершив дурное дело, надеется про себя: ведь никто не узнает о том, — в том признай ты презренного.

13(127). Кто любит от других принимать угощения, но сам не отплачивает им тем же — в нем признай ты презренного.

14(128). Кто, вероломный, обманывает брахмана и странника, обманывает и других монашествующих — в нем признай ты презренного.

15(129). Кто докучает брахману и пустыннику, кто ничего не дает им в обеденное время — в нем признай ты презренного.

16(130). Кто, весь окутанный невежеством, прорицает несбыточное, кто домогается здесь пустого и ничтожного — в нем признай ты презренного.

17(131). Кто восхваляет себя и унижает других, да, кто в своей надменности доходит и до этой низости — в нем признай ты презренного.

18(132). Кто корыстен и поощряет дурное, кто полон грешных желаний, не страшится греховного, кто поработен завистью, злом и бесстыдством — в нем признай ты презренного.

19(133). Кто поносит Будду или ученика его, будь то нищенствующий монах или собственник, — в нем признай ты презренного.

20(134). Кто, не будучи блаженным, тщится представить из себя блаженного, тот есть только тать во всех мирах и в мире Брамь: тот — самый гнусный из всех презренных; всех тех, о ком говорил я здесь, считай ты презренными!

21(135). Итак, не рождением становится человек презренным, не рождением он становится и брахманом — нет, за свои дела заслуживают презрения и за свои дела прославляются брахманом.

22(136). Знай же ты, что это — правда. Вот что я расскажу тебе. Жил один презираемый по имени Матанга.

23(137). Матанга достиг величайшей славы, достигаемой здесь лишь немногими, — и брахманы, и воины приходили служить ему.

24(138). Он воссел на колесницу богов и вступил на ту высочайшую дорогу, на которой нет земной пыли; отринув всякое плотское желание, он восшел в царство Брамь.

25(139). А ведь его происхождение не сулило ему возрождения в царстве Брамь... С другой стороны, есть брахманы, рожденные в семьях наставников, друзей гимнов.

26(140). Но они увязли в своих грехах и достойны только презрения в этом мире, а в будущем их ждет преисподняя; ни от порицания, ни от мрачного места не спасет их происхождение.

27(141). Итак, не рождением становится человек презренным, не рождением он становится и брахманом; нет, за свои дела заслуживают презрения и за свои дела прославляются брахманом».

Когда кончил свою речь Совершенный, то брахман обратился к нему с такими словами:

«Чудесно, о славный Гаутама! Чудесно, о славный Гаутама! Как тот, кто, о славный Гаутама, находит потерянное, обнаруживает скрытое, указывает пути заблудшему, вносит свет во тьму, чтобы имеющие очи могли видеть, так и ты, о славный Гаутама, различными путями разъяснил истину! У тебя я ищу прибежища теперь, о славный Гаутама, в твоём учении и семье ни-

щенствующих. Прими меня, о Гаутама, как последователя; отныне всю жизнь я буду находить в тебе убежище!»

Сутта VIII

1(142). Вот что следует исполнить тому, кто ищет здесь доброго, кто жаждет своему духу покоя: пусть будет он прямодушен и бодр, совестлив и кроток в речи, уступчив, не горд.

2(143). Пусть он идет своим путем, успокоенный, не отягощенный заботами, с утихшими чувствами, с окрепшей мудростью, не надменный, не жадный.

3(144). Пусть он никогда даже не подумает что-либо такое, за что бы могли упрекнуть его мудрые... Да будут счастливы все существа, да живут все они в радости и довольстве!

4(145). Все живые существа, которые только есть на свете, — и слабые и сильные, и длинные и короткие, и большие и средние, и великие и малые,

5(146). видимые и невидимые, живущие близко и далеко, рожденные или только носимые в утробе, — все они да будут счастливы!

6(147). Пусть никто не обманывает других, пусть никто и нигде не обижает других, пусть никто ни гневом, ни злобой не вредит другим.

7(148). Как неусыпно мать охраняет свое единственное дитя, как дорожит она его жизнью, так пусть каждый объемлет своим благоволением все существа.

8(149). Пусть он простирает свое благоволение сквозь все миры, пусть обнимет он их своим благосклонным духом и вдаль, и вглубь, и ввысь, без вражды, без тревоги, без ненависти.

9(150). Стоя или лежа, сидя или ходя, в каждую минуту бодрствования пусть он предается этой склонности — этот путь жизни самый лучший на свете.

10(151). Добродетельный, одаренный совершенной мудростью, потушивший в себе жажду плотских наслаждений никогда не вступит на путь возрождения.

СУТТА IX

1(152). «Сегодня пятнадцатый день, постный день сегодня; вот наступила прекрасная ночь, — так сказал злой дух Сатагира, — пойдем, посмотрим славного учителя Гаутаму!»

2(153). «Разве дух его расположен ко всем существам? — так сказал злой дух Гемавата. — Разве укрощены его помыслы и о вещах желаемых, и о вещах нежелаемых?»

3(154). «Его дух благосклонен ко всем существам, дух его, — так сказал злой дух Сатагира, — и его мысли укрощены как в вещах желаемых, так и в вещах нежелаемых».

4(155). «Не свершает ли он чего, что не дано ему свершить? — так сказал злой дух Гемавата. — Руководит ли он собой в своих отношениях к живым существам? Отдалился ли он от нерадивости? Не забывает ли он путь размышления?»

5(156). «Нет, он не совершает ничего, что не дано ему совершить, — так сказал злой дух Сатагира, — он сам ведет себя среди других существ, он далек от нерадивости; нет, Будда не пренебрегает размышлением».

6(157). «И он никогда не говорит лживо? — так сказал злой дух Гемавата. — И он никогда не говорит сурово и не клеветает, нет неправды в его словах?»

7(158). «Он не говорит лживо, — так сказал злой дух Сатагира, — жестокие слова неизвестны ему, он не клеветает, в его суждениях всегда благой смысл».

8(159). «И он не предан похотям? — так сказал злой дух Гемавата. — И его дух не встревожен, он победил неведение, и все пути видит он ясно?»

9(160). «Он далек от плотских наслаждений, — сказал злой дух Сатагира, — не смущен его дух, неведение навсегда побеждено им; ясно все пути видит Будда».

10(161). «И он одарен мудростью? — так сказал злой дух Гемавата. — И всегда непорочны его действия? И загасли в нем все влечения? И путь возрождений уже не предстоит ему?»

11(162). «Он одарен мудростью, — так сказал злой дух Сатагира, — чиста его жизнь, и потухло все страстное в его духе; возрождение уже не наступит для него.

12(163). Дух Мудрого совершенен и в деянии, и в слове; Гаутаму, совершенного в знании и в жизни, — пойдем и посмотрим его.

13(164). Пойдем и посмотрим на него, Гаутаму, чьи ноги подобны ногам антилопы, посмотрим на него,

мудрого, исхудалого, нежелающего, этого Учителя, в уединенном лесу погрузившегося в размышления.

14(165). И придя к нему, подобному льву среди тех, кто странствует, все покинув, к нему, не увлеченному телесной радостью, и придя к нему, мы спросим его об освобождении от сетей смерти.

15(166). Спросим Гаутаму, Учителя, проникшего в суть всех вещей, спросим его, толкователя, Будду, победившего ненависть и опасения...»

16(167). «В чем зачался мир? — так сказал злой дух Гемавата. — С чем связан мир? Чем измучен мир после того, как возлюбил то?»

17(168). «В шести зачался мир, о Гемавата, — так сказал Совершенный, — с шестью связан мир, шестью мучится мир, с теми шестью связанный влечением».

18(169). «Что есть влечение, которое внесло в мир страдание? — так сказал злой дух Гемавата. — Спрошенный о спасении, скажи мне, как освободиться от мук?»

19(170). «Пять радостей чувств есть на свете, — сказал Совершенный, — и радость духа — шестая; освободив себя от всякого желания этих радостей, ты освободишься от страдания.

20(171). Этот путь спасения был возвещен мною ясно, и вот вновь я возвещаю его теперь: тем путем ты освободишься от страдания».

21(172). «Кто в этом мире преодолеет течение? — так сказал злой дух Гемавата. — Кто пересечет это море? Кто

не погрузится в пучину, где не на чем укрепиться, где не за что удержаться?»

22(173). «Кто одарен добродетелью, обладает разумением и вполне обуздан, тот преодолет это течение, это течение бурное, трудно одолимое.

23(174). Кто отрекся от всех похотей, кто сорвал с себя все оковы и разрушил пустое веселье, тот никогда не погрузится в пучину».

24(175). Тогда воскликнул Гемавата: «На него, озаренного глубокой думой, на него, разгадавшего лукавое, одаренного пониманием, не увлеченного страстями, — вот, взирайте на него, освобожденного, великого Мудреца, шествующего славной стезею!

25(176). На него, достойного великого имени, разгадавшего лукавое, одаренного пониманием, не увлеченного страстями, — взирайте на него, всеведущего великого Мудреца, шествующего божественной стезею!..

26(177). Благое видение встретили мы сегодня, благой рассвет, прекрасное возвышение! — мы узрели Совершеннопросвещенного, пересекшего течение, свободного от страстей!..

27(178). И вот тысяча злых духов, обладателей сверхъестественной силы и славы, — они прибегают к тебе со мною: будь ты нашим несравненным наставником!

28(179). Мы пойдем от селения к селению, мы пойдем от горы к горе, прославляя Совершеннопросвещенного, прославляя совершенство Вечного Закона!»

СУТТА X

Вот что я слышал:

Однажды злой дух Алявака пришел на то место, где обитал Совершенный и, придя туда, так сказал Совершенному: «Выйди, о странник!» — «Пусть будет так, о друг!» — и, говоря так, Совершенный вышел.

«Войди, о странник!» — «Пусть будет так, о друг!» — и, говоря так, Совершенный вошел.

Во второй раз злой дух Алявака сказал Совершенному: «Выйди, о странник!» — «Пусть будет так, о друг!» — и, говоря так, Совершенный вышел.

«Войди, о странник!» — «Пусть будет так, о друг!» — и, говоря так, Совершенный вошел.

И в третий раз злой дух Алявака сказал Совершенному: «Выйди, о странник!» — «Пусть будет так, о друг!» — и, говоря так, Совершенный вышел.

«Войди, о странник!» — «Пусть будет так, о друг!» — и, говоря так, Совершенный вошел.

И в четвертый раз злой дух Алявака сказал Совершенному: «Выйди, о странник!»

«Я не выйду к тебе более, о друг; делай, что замыслил!»

«Один вопрос задам я тебе, о странник, и если не сможешь ты ответить мне, я или развею твои мысли, или расколю твое сердце, или, взяв тебя за пятку, переброшу на ту сторону Ганга».

«Никого нет на свете, о друг, никого нет ни в мире Браммы и Мары, ни среди живых существ, включая бо-

гов и людей, отшельников и брахманов, кто бы мог развеять мои мысли, кто бы мог расколоть мое сердце или, взяв меня за пятку, перебросить на ту сторону Ганга; итак, о друг, вопрошай, о чем хочешь!»

Тогда злой дух Алявака обратился с такими словами к Совершенному:

1(180). «Где в этом мире высшее сокровище для человека? Что, будучи дано, приносит счастье? Что — сладчайшее из всех сладостей? Какую жизнь назовешь ты благою?»

2(181). Отвечал Совершенный: «Лучшее сокровище в этом мире — вера; Вечный Закон, раз постигнутый, приносит здесь счастье; Истина — сладчайшее в этом мире; и та жизнь назовется лучшей, которая прожита в понимании».

3(182). Вновь спросил Алявака: «Как пересечь это течение? Как переплыть это море? Как победить это страдание? Чем можно очиститься здесь?»

4(183). «Верой преодолеешь течение, ревностностью пересечешь море, страдание победишь подвигами и достигнешь чистоты разумением».

5(184). «Как достичь понимания? Как приобрести сокровище? Как возвеличиться в славе? Чем привязать к себе друзей? Как избежать печали, странствуя из жизни в жизнь?»

6(185). «Кто постиг, что учение, возглашенное Славным, есть возвешение Ниббаны, тот в ревностности и глубокой мудрости достигнет ясного разумения.

7(186). Свершая должное, кротко надевая свое ярмо, обуздывая себя, обретишь ты верное сокровище; ведая истину, ты прославишься и милосердием привяжешь к себе друзей.

8(187). Неколебимый, непобедимый сомнением, обладатель четырех добродетелей: истины и справедливости, постоянства и щедрости, — не горюет вовсе, навсегда покидая это место жизни.

9(188). Пойди и спроси странников и духовных, близких и далеких, всех. Спроси: есть ли в мире что выше правды и милости, выше смирения и кротости?»

10(189). И сказал Алявака: «Зачем мне идти и вопрошать странников и духовных, далеких и близких! Отныне мне стало ясно мое благое будущее.

11(190). Ибо на мое счастье поселился здесь Будда; теперь я знаю, кем принесенный мне дар принесет добрый плод.

12(191). Я пойду от селения к селению, я пойду из города в город, прославляя Совершеннопросвещенного, прославляя совершенство Вечной Истины!»

СУТТА XI

1(192). Если кто, сидя или идя, стоя или лежа, сокращает или растягивает свое тело, это и есть движение его тела.

2(193). Тело связано костями и жилами, слеплено из мяса и перепонки, покрыто кожей — но не верь, что оно действительно есть.

3(194). Внутри оно наполнено желудком и печенью,
сердцем и легкими, селезенкой и почками,

4(195). слюной и слизью, потом и лимфой, кровью
и желчью, его суставы смочены жиром.

5(196). Девять нечистых струй постоянно истекают из
него: из глаз — слизь, из ушей — сера,

6(197). слизь из носа, изо рта временами желчь, вре-
менами мокрота, из всего тела исходит пот и грязь.

7(198). Пустая черепа заполнена мозгами... Глупец,
водимый невежеством, думает про тело: какая это пре-
красная вещь!

8(199). И когда оно лежит мертвое, распухшее, поси-
невшее, свезенное на кладбище, близкие не заботятся
о нем.

9(200). Псы и шакалы пожирают его, волки и черви,
вороны и ястреба и другие хищники...

10(201). Нищенствующий монах, обладатель муд-
рости, вникая в смысл учения Будды, верно знает это
тело, ибо он сознает его таким, каково оно в дейст-
вительности.

11(202). И это живое тело таково, каково и то мерт-
вое, — каково то, таково и это будет; пусть же никто не
увлекается телом, ни его внутренним, ни его внешним!

12(203). Нищенствующий монах, обладатель мудрос-
ти, отвергая все желания и привязанности, достигнет
бессмертного покоя, неизменного состояния Ниббаны.

13(204). Как нечисто это тело, поставленное на две
ноги: оно дурно пахнет и тут и там струится.

14(205). И вот с таким-то телом иной мечтает превозноситься над другими или презирает других — что же это иное, как не ослепление?..

Сутта XII

1(206). Из близости к людям возникают опасности, из домашней жизни происходит осквернение; бездомность, свобода от цепей дружбы — вот заветная дума Мудрого.

2(207). Кто вырвал из своего сердца всякое нечестивое влечение, кто не дает ему укорениться вновь, заградив все пути к его возвращению, тот, своим путем уединенно идущий, наречется здесь Мудрым; он блаженствует в неизменном покое.

3(208). Ведая, в чем начало греха, умертви его семя, навсегда разрушь все пути к возвращению; тот Мудрец, покинувший всякое сомнение, верно направивший путь свой к концу смерти и рождения, не войдет уже вновь в эту обитель существования.

4(209). Мудрец, свободный от влечений, свободный от жадности, испытующим духом постигший все обители счастья этого мира и не жаждущий более никакой из них, и не влечется к ним вовсе: он приплыл к иному, лучшему берегу.

5(210). Победивший всякую вещь, знающий значение всякой вещи, обладатель великого постижения, ничем не оскверненный, все отринувший, выведший дух свой на волю, разрушив эту темницу желаний, — величается Мудрецом несравненным.

6(211). Кто обладает мощью понимания, одарен добродетелью и славен доброй жизнью, кто сбросил с себя все цепкие узы, загасил в себе страсти и злобу — тот, радостный в мудрости, в блаженстве раздумья и проникновения, величается доблестным Мудрым.

7(212). Как лев не боится шума, как ветер не уловится сетью, как лотос не окропится водою, так и Мудрый, шествующий своим путем мысли и подвига, не поколеблется ни хвалой, ни осуждением: других ведущих, но никем не ведомый, величается он доблестным Мудрым.

8(213). Угасивший все свои страсти, укротивший все свои чувства, воспринявший власть поучения, непоколебимый, как столбы у купели, величается доблестным Мудрым.

9(214). Защитивший себя от всего дурного, крепкий, как челн, оснащенный на славу, ведающий правое и неправое, величается доблестным Мудрым.

10(215). Кто сам ведет себя, далекий от всего злого и неправого, кто никого не гневит и ни на кого не гневается — тот, юный ли или мужественный, величается доблестным Мудрым.

11(216). Кто, живя людскими подаяниями, получая лучший рис из середины горшка, не восхваляет дающего, но и не хулит его, получая остатки риса, — тот величается Мудрым.

12(217). Кто свершает свой земной путь в целомудрии, кто не связан здесь никакими цепями еще с юности —

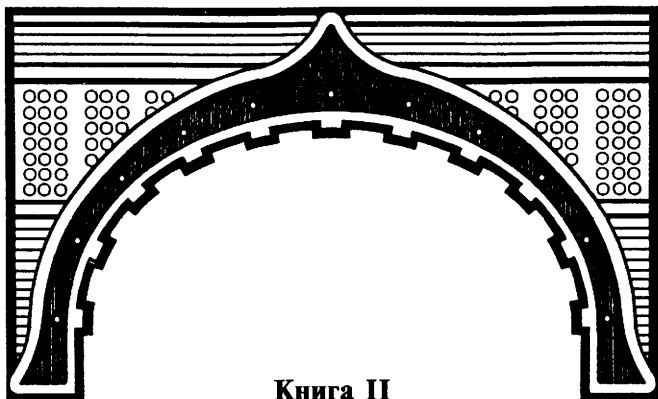
тот, свободный от безумия гордости и спасенный, величается Мудрым.

13(218). Кто проник в сущность этой жизни, кто постиг величайшую истину и переплыл этот бурный поток существования, кто сорвал с себя все оковы и стоит независимый и свободный — тот величается Мудрым.

14(219). Вот двое на земле, чей род и обычаи всегда различны и ничуть не равны: собственник, озабоченный домом, и достойный муж разума, не связанный никаким влечением; к убиению живых существ склонен собственник, будучи необуздан, — но всякое живое существо охраняет и любит Мудрый, всегда обузданный.

15(220). Как попугай, эта хохлатая птица с голубым клювом, не сравнивается быстротой с лебедем, так и владелец домов никогда не сравнивается с Мудрым, счастливым нищим, в уединенном лесу погрузившимся в размышление.

Книга II KULAVAGGA

СУТТА I

1(221). Все духи, пришедшие сюда, привязанные к земле и витающие в воздухе, — будьте все вы счастливы и внимлите сказанным словам.

2(222). Внемлите, о духи! — будьте милосердны к людскому роду, и днем и в ночи приносящему свои жертвы, ревностно охраняйте людей!

3(223). Никакое сокровище ни здесь, ни в ином мире, никакие драгоценности небес не сравняются с Совершенным. Великое сокровище обрели мы в Будде! Истиной, им возвещенною, воцарится блаженство!

4(224). Разрушение страстей, свобода от них и то дивное бессмертие, которого достиг Шакья-Муни, —

нет ничего равного этой истине! Великое сокровище обрели мы в Учении, его правдой воцаряется блаженство!

5(225). Чистота, прославленная величайшим из Будд, непрерывное размышление — вот великая бесподобная истина. Дивное сокровище обрели мы в Законе, его истиной достигается блаженство!

6(226). Восемь их, прославленных Праведным, восемь их, учеников Блаженного, достойных жертвоприношения; что даровано им, то принесет благие плоды. Великое сокровище обрели мы в Соборе, его правдой воцаряется блаженство!

7(227). Кто приникнет к словам Гаутамы, свободный духом, не встревоженный желаниями, — тот получает высочайшую награду, погрузившись в бессмертное, блаженствуя в нем, не купленном никакою ценою. Великое сокровище обрели мы в Учении, его истиной возвещается спасение!

8(228). Не потрясаемы четырьмя ветрами стоят столбы городских ворот, крепко врытые в землю: ничто не поколеблет праведного, постигшего благородные истины, ясно постигшего их. Великое сокровище обрели мы в Соборе, его истиной достигается исцеление!

9(229). Кто постиг священные истины, благостно возвешенные Мудрым, тот не примет вновь возрождения. Великое сокровище обрели мы в Соборе — тою истиной зачинается блаженство!

10(230). Он, принявший блаженное знание, навсегда победил здесь три вещи: мечтания, сомнения и все

то, что мог бы стяжать себе своей добродетелью и своими святыми делами; из четырех темниц сам себя вывел он на свободу, шесть смертных грехов до конца сокрушены им. Великое сокровище обрели мы в Будде, его истиной достигается блаженство.

11(231). Ни телом, ни словом, ни мыслью он не мог бы свершить греховного дела, да не мог бы даже сокровенно подумать о нем: разве возможно то испытавшему состояние блаженства? Верное сокровище обрели мы в Соборе, его правдой воцаряется блаженство!

12(232). Под теплыми лучами зацвели деревья, высоко к небу подняли они свои верхушки, все в цвету; дивные пути создал здесь Будда, те пути, что ведут к Ниббанае, превеликому счастью. Верное сокровище обрели мы в Будде, истиной, им возвешенной, воцарится блаженство!

13(233). Дивную истину возвестил он нам, Несравненный, он — узревший прекрасное, он — дающий прекрасное, он — несущий прекрасное! Великое сокровище обрели мы в Будде — истиной, им возвешенной, воцарится блаженство!

14(234). Разрушено прежнее, не возникнет новое; мудрые, презревшие будущее, навсегда покинули это место пребывания; как эта лампада, угасают они, сокрушившие желание. Великое сокровище обрели мы в Соборе, его истиной воцарится блаженство!

15(235). Все вы, духи, пришедшие сюда, духи земные и надземные, — прославьте всесовершенного Буд-

ду, прославьте его, чтимого людьми и богами; да наступит блаженство!

16(236). Все вы, духи, пришедшие сюда, — духи, витающие в воздухе и привязанные к земле, — прославьте всесовершенное Учение, чтимое людьми и богами; да наступит блаженство!

17(237). Все вы, духи, пришедшие сюда, духи земли и духи воздуха! Прославим всесовершенный Собор, чтимый людьми и богами, — да наступит блаженство!

Сутта II

1(238). «Кто питается плодами и корнями, праведным путем полученными от праведных, тот никогда не жлет, никогда не жаждет телесных радостей.

2(239). Кто ест затейливые кушанья, вкусно состряпанные, поданные другими, кто любит рисовую пищу, тот ест, о Кассапа, то, что оскверняет.

3(240). „Это запрещение скверного не приму я”, — так ты сказал, о брахман, любящий рисовую пищу, вкусно приправленную птичьим мясом... Тебя я спрашиваю, о Будда, как ты учишь, каков твой устав об оскверняющем?»

4(241). «Разрушение жизни живых существ, убийство и заклание, удушение и похищение, ложные речи, обман и обольщение, недостойное слово и прелюбодеяние — вот что оскверняет человека, а не скоромная пища.

5(242). Необузданность в плотских наслаждениях, жадность к сладостям жизни, близкие связи с нечис-

тыми, несправедливость и неуверенность — вот что оскверняет человека, а не скромная пища.

6(243). Жестокость и грубость, клевета и предательство, безжалостность и надменность, оставление других людей без помощи — вот что оскверняет человека, а не скромная пища.

7(244). Гордость, пустосвятство и пьянство, лесть, зависть и высокомерие, несправедливость, спесь и надменность — вот что оскверняет человека, а не скромная пища.

8(245). Зло и недобросовестность, лживость и двуличие, душевная низость и греховность — вот что оскверняет человека, а не скромная пища.

9(246). Необузданность в отношениях к другим существам, оскорбление благодетелей, злоба и хитрость, жестокость и непочтительность — вот что оскверняет человека, а не скромная пища.

10(247). Зависть, враждебность, поношение — вот что оскверняет человека, вот что оскверняет его, привязанного здесь к греху и по смерти идущего во тьму, вниз головой летящего в бездну.

11(248). Ни нагота, ни бритые головы, ни грязь, ни нечистота тела, ни пост, ни рыбная пища, ни заплетение волос в косы, ни обильные приношения, ни возжигание жертвенных огней, ни многое покаяние, ни наблюдение за временами года не очистят смертного, не постигшего Вечного Закона.

12(249). Чистый в чувствах, защищенный во впечатлениях, твердо опираясь на Закон, шествует Муд-

рый, радуясь тому, что прекрасно и праведно; разрушив все узы, далеко за собой оставив всякое страдание, он никогда не привяжется вновь ни к чему видимому и слышимому».

13(250). Так поучал Блаженный, и брахман, сведущий в гимнах, понял его: Мудрый, далекий от скверны, неуловимый, независимый, — разнообразными путями разъяснил ему истину.

14(251). Прослушав дивное слово Будды — его, свободного от всего нечистого, предавшего забвению всякие скорби, — умиленный брахман прославил Совершенного и принял Закон его.

СУТТА III

1(252). Кто нарушает завет смирения, кто, говоря: «Я — друг тебе», не поступает так, чтобы дружба его стала явной, — думай о нем так: «Он не друг мне».

2(253). Чьи слова к другим всегда ласковы, но не таковы поступки, — в том разумный признает человека, на словах только доброго, но не на деле.

3(254). Не друг тот, кто всегда готов на раздоры, кто в своих друзьях ищет только ошибки; с кем же сладко живется тебе, как ребенку на груди родной матери, — тот только твой верный друг, которого ничто не отторгнет от тебя.

4(255). Чьи дела несут другим радости, тот славен в этом мире, покуда стоит людской род!

5(256). Вкусив сладости уединения и спокойствия, ты, почерпая в Законе, освободишься от страха и навсегда отдалишься от зла.

Сутта IV

Так я слышал:

Наступила ночь, и божество, прекрасное видом, озарив собою всю окрестность, приблизилось к Совершенному и, приблизившись и поклонившись ему, стало подле; и, стоя подле, то божество обратилось к Совершенному с такими словами:

1(257). «Жаждающие счастья, многие боги и люди получали о блаженстве; ты поведай мне, в чем высочайшее блаженство!»

2(258). Сказал Будда: «Не входить в дружбу с безумцами, но дружить с разумными, прославляя тех, кто должны быть прославлены, — вот высочайшее блаженство.

3(259). Жить в прекрасной стране, нести с собою добрые дела прежней жизни, ревностно охранять свой дух — вот высочайшее блаженство.

4(260). Великое научение и познание, верное разумение Устава, благое слово — вот величайшее блаженство.

5(261). Прислуживать отцу и матери, защищать жену и ребенка, заниматься честным трудом — вот величайшее блаженство.

6(262). Подавать просящему, жить благочестивой жизнью, заботиться о ближних, совершать лишь одно непостыдное — вот величайшее блаженство.

7(263). Отвращаться от всего греховного, не любить хмельных напитков, верно следовать Учению — вот высочайшее блаженство.

8(264). Благоговение и покорность, спокойствие и признательность, поучение Закону в благоприятное время — вот высочайшее блаженство.

9(265). Хорошая речь и терпение, близость с духовными, благочестивые с ними беседы — вот высочайшее блаженство.

10(266). Покаяние и целомудрие, внимание к верным истинам, непорочная любовь к бессмертному — вот высочайшее блаженство.

11(267). Не волноваться желанием, прикасаясь к земным вещам, не допускать к себе оскверняющего, быть недоступным печали и верить Истине — вот высочайшее блаженство.

12(268). Верно держать путь свой, с несмущенным духом, совершая благое, — вот высочайшее блаженство».

Сутта V

Так я слышал:

Однажды злой дух Кхара и злой дух Сукилома проходили неподалеку от Блаженного. И вот, злой дух Кхара спросил злого духа Сукилому: «Пустынник ли был тот человек?» Сукилома ответил: «Нет, он не пустынник, он — лицемер; все же я пойду удостоверюсь, верный ли он пустынник или же только лицемер».

Тогда злой дух Сукилома подошел к Блаженному и тронул его. Блаженный отстранился от него. Тогда злой дух Сукилома сказал Блаженному: «О пустынник, разве ты сердишься на меня?»

Блаженный ответил: «Нет, друг, я не сержусь на тебя, но твое прикосновение ко мне греховно».

Сукилома сказал: «Я задам тебе вопрос, о пустынник; если не сможешь ты ответить мне, я или развею твои мысли, или расколю твое сердце, или, взяв тебя за пяту, переброшу на ту сторону Ганга».

Совершенный ответил: «Нет никого, о друг, ни в этом мире, ни в мире Див, Браммы и Мары, нет никого среди брахманов и пустынников, нет никого в сферах людей и богов, кто бы мог развеять мои мысли, кто бы мог расколоть мое сердце или, взяв меня за пяту, перебросить на ту сторону Ганга. Все же вопрошай меня, друг, о чем задумал».

Тогда злой дух Сукилома с такими словами обратился к Совершенному:

1(269). «В чем начало страстей и ненависти, отвращения, страха и восхищения? Откуда возникают они? Почему сомнения, возникая, беспокоят разум, как мальчишки беспокоят петуха?»

2(270). Будда отвечал: «Страсти и ненависть коренятся в плоти; плотью же рождаются и отвращение, и страх, и наслаждение; возникая от плоти, сомнения смущают дух, как шалуны досаждают петуху».

3(271). Страсти коренятся в плоти, они возникают в самом тебе, как в самом дереве зарождаются его ветви,

и похотью к далекому и близкому они связывают человека, как повилика сплетает лесные деревья.

4(272). Кто знает, где коренятся они, тот сумеет и вырвать их и — внеми, о злой дух! — тот переплывет этот поток, трудно преодолимый, никем не переплывтый доныне, — он переплывет его в великом решении не вступить вновь на этот путь возрождения».

СУТТА VI

1(273). Справедливая жизнь, благочестивая жизнь — вот в чем видит тот лучшее здесь сокровище, кто покидает родной кров ради пустынножительства.

2(274). Если же он жесток и, как зверь, только радуется, вредя другим, — жизнь его весьма зла и каждый шаг его — только новое осквернение.

3(275). Монах, склонный к раздорам, как саваном окутанный безумием, — нет, тот вовсе не постиг Вечной Истины, которая возвещена была Буддою.

4(276). Вредя своему духу, водимый невежеством, он никогда не сознает, что грех — это путь, ведущий в преисподнюю.

5(277). Обреченный на бедствия, вновь идя из утробы в утробу, из тьмы во тьму, тот монах, покидая земную жизнь, идет на муки.

6(278). Как мусорной яме, наполнявшейся многие годы, трудно очиститься тому, кто всего себя напичкал грехами.

7(279). Кого вы признаете таким, о монахи, в ком вы увидите человека, привязанного к жилищу, одержимого злыми мыслями и желаниями, богатого грешными делами,

8(280). того избегайте вы в общем согласии; вы отряхивайте его, как пыль, отбрасывайте его, как сор:

9(281). отвеивайте того, как мякину, кто не отшельник, а заботится лишь о самом себе; отстраняйте того, кто одержим злыми желаниями, кто весь напился греховным.

10(282). Будьте чисты и живите в непорочности все вы; любите свои глубокие думы; согласные в мудрости, вы придете к концу всех страданий.

Сутта VII

Вот что я слышал:

Однажды Блаженный обитал в Саватти, в лесу. И вот, многие зажиточные брахманы, почетные старейшины, и пожилые, и достигшие преклонного возраста пришли к Блаженному и, придя к нему, любезно говорили с ним; и, поговорив с ним любезно и занимательно, сели в стороне. Севши в стороне, зажиточные брахманы сказали Блаженному: «О достопочтенный Гаутама, исполняют ли нынешние брахманы обычаи древних брахманов?»

Совершенный ответил: «Нет, старейшины, теперешние брахманы не исполняют обычаи древних брахманов».

Тогда сказали брахманы: «Пусть же достопочтенный Гаутама разъяснит нам обычаи древних брахманов, если то будет угодно достопочтенному Гаутаме».

Совершенный сказал: «Итак, послушайте меня, о брахманы, приникните в великом внимании к тому, что я поведаю вам».

«Пусть будет так», — и с теми словами стали брахманы слушать Совершенного.

И вот, что поведал Совершенный:

1(283). «Древние мудрецы отличались терпением и покорностью; отринув все, к чему пять чувств зовут человека, они бодрствовали в размышлении о своем неотъемлемом благе.

2(284). Не было скота у брахманов, и ни золота, ни жита не было у них — было одно только благо мудрости, и верно хранили они свое лучшее сокровище.

3(285). Что другими было приготовлено для них и как питание поставлено при дверях, только то, доставленное благочестием, и брали себе они.

4(286). Приходили к ним благородные люди и из дальних стран, и местные жители, приходили в разноцветных одеждах, с палатками и постелями, и прославляли брахманов.

5(287). Непокоримы были те брахманы, непобедимы; Истина покровительствовала им; когда останавливались они у дверей жилищ, никто не мог противиться им.

6(288). По сорока восьми лет юношеское целомудрие хранили они; в примерной жизни и в искании мудрости свершали брахманы верный здесь путь свой.

7(289). Не женились брахманы на женщинах другой касты и никогда не покупали себе жен; брачуясь, они вели добрую жизнь в любви и взаимной верности.

8(290). Они никогда не оскверняли жен своих, всегда соблюдая с ними должное время.

9(291). Они восхваляли целомудрие, восхваляли смирение и сострадание, добродетель и честность, покаяние и терпение.

10(292). Самые лучшие из них, строгие брахманы, даже и в сонном видении не испытывали сладострастия.

11(293). Подражая их обычаям, и из светских людей многие прославляли целомудрие и терпение.

12(294). Прося риса, постели, одеяния и масла и собирая все это справедливостью, они из собранного уделяли на жертвоприношения и коров не убивали.

13(295). Как мать и отец, братья и другие близкие, так и коровы — наши лучшие друзья, дарующие нам целебные снадобья.

14(296). Они питают и укрепляют нас, они дают нам крепкое телосложение и счастье; зная действительное назначение их, никогда брахманы не закалывали коров.

15(297). Те брахманы были красивы и статны, кротки и славны, брахманы по природе, усердные в своих различных трудах; все время земной жизни преуспевал род их.

16(298). Но со временем изменились брахманы: все смотрели они на богатства царей, на их разукрашенных жен,

17(299). на их чудные колесницы, везомые благородными конями, на богатые их цветные ковры, на дворцы и палаты с многочисленными покоем,

18(300). на все то великое благосостояние со стадами коров, с целой толпой женщин чудной красоты — и стали брахманы жадными.

19(301). Движимые жадностью, пошли они, слагатели гимнов, к царю и сказали: „Многими сокровищами и житом владеешь ты, принеси в жертву богатства, принеси в жертву сокровища!”

20(302). И вот царь, господин колесниц, наученный брахманами, принес им в жертву коней, и людей, и сокровища, отдал, не сожалея о том, и, принеся эти щедрые жертвы, он даровал брахманам еще многие богатства:

21(303). и коров, и ложа, и платья, и украшенных женщин чудной красоты, и прекрасные колесницы, везомые благородными конями, и ковры роскошных цветов и рисунков;

22(304). и дворцы с многочисленными покоем, и житницы, наполнив их отборным зерном; вот какие богатства подарил царь брахманам.

23(305). Но еще более только возросла жадность в брахманах, получивших такие сокровища; и тогда они, певцы гимнов, пошли к царю и сказали:

24(306). „Как вода и земля, жито и золото, так же и коровы созданы для людей, ибо все это — дань мира живущим; принеси в жертву свое обильное богатство, принеси в жертву свое обильное добро!”

25(307). И тогда царь, властелин колесниц, наученный брахманами, подарил им много сотен тысяч коров, чтобы были они убиты для жертвы!..

26(308). Тех коров, всегда кротких, щедро дарующих людям полные чаши молока, тех коров, которые, как и козы, никому не вредят ни рогами, ни копытом своим, повелел царь, схватив за рога, убить оружием!..

27(309). Боги и праотцы, Индра и Асуры и все духи воскликнули: „Это — несправедливость!” — когда оружие вонзилось в коров...

28(310). Прежде было три бедствия: желание, голод, погибель, — со времени убиения коров стало их девятью.

29(311). Свершилась несправедливость насилия, убиты неповинные коровы, жрецы отпали от Дхаммы!

30(312). Посрамлено Мудрым это дряхлое и низкое учение — и на тех, кто следует этому обычаю, ты смотри как на оскверняющих пламя жертвенника.

31(313). С той поры, как нарушена была Дхамма, наступила вражда между кастами, и жены стали пренебрегать мужьями.

32(314). Воины, и брахманы, и другие кастовые разбрелись в пререканиях и спорах и подчинились грешной силе плотских наслаждений».

Когда сказаны были эти слова, зажиточные брахманы сказали Совершенному:

«Как прекрасно это, о славный Гаутама! Как прекрасно это, о славный Гаутама! Как поднимают обро-

ненное, как открывают опрокинутое, как указывают путь заблудившемуся, как вносят светоч во тьму, чтобы те, кто имеет очи, могли увидеть, так и славный Гаутама разнообразными путями разъяснил нам истину; мы прибегаем к славному Гаутаме, к его Закону и к семье монахов; пусть славный Гаутама примет нас как последователей, отныне и навсегда находящихся в нем убежище!»

СУТТА VIII

1(315). Славьте того, от кого поучаетесь Закону, как боги восхваляют Индру, — великое слово возвещает он вам, мудрый, достойный, прославленный.

2(316). В глубоком раздумье вникнув в Учение, разумный и в жизни своей следует правилам, согласным с ним; он становится сведущим, опытным, горячо привязанным к своему наставнику.

3(317). Кто учится у низкого учителя, безумца, не познавшего правды, завистливого, тот идет путем смерти, тот не победит неведения, не постигнет Закона.

4(318). Если человек вступил в быструю реку, вдаль понесся он, подхваченный ее шумными волнами, — разве поможет он другим тогда переплыть ее?

5(319). Так же и тот, кто не постиг Закона, не вник в разъяснения сведущих в нем и сам не уразумел его, побежденный сомнением, не поможет другим познать Закон.

6(320). Но как тот, кто, войдя на борт крепкого судна, снабженного рулем и веслами, перевозит и многих

других через реку, ибо верный путь ведает он, разумный и опытный,

7(321). так и совершенный в мудрости, неустрашимый и сведущий, поможет и другим понять Закон, понять его в прилежании и внимании.

8(322). Присоединяйтесь к доброму, разумному, светлущему; ведя правильную жизнь, поняв благое, близкие к смыслу Учения, вы достигните счастья.

СУТТА IX

1(323). Какой добродетелью, каким подвигом жизни, какими делами достигнет человек совершенства, упьется высочайшим счастьем?

2(324). Пусть почитает он старость, искореняет всякую зависть в себе, в должное время приходит к наставникам, в благочестивой беседе прилежно вникая в смысл их доброго поучения.

3(325). Пусть он в должное время посещает наставников, будет смиренным, забывшим всякую настойчивость, пусть помнит благое, следует ему в своей жизни, верный Истине, покорный и целомудренный.

4(326). Пусть Закон будет его радостью, его восхищением, его опорой; пусть не вдается он в споры, оскверняющие Учение, пусть его слово всегда будет чисто и благостно.

5(327). Отринув все пустые речи и жалобы, лицемерие и похотливость, высокомерие и зависть, грубость

и жестокость, разврат и безумие, — пусть живет он в радости могучего разума, пусть живет он в свободе от похотей.

6(328). Всегда благостно слово того, кто постиг верный смысл его; понятное слушателем, оно западает в его сердце, как семя размышления; понимание нерадивых, беспечных не возрастет никогда.

7(329). Кто радуется Закону, возвещенному славными, тот совершенен в речи, в деле и в разуме, тот отдыхает здесь в мире, раздумье и кротости, с духом, радостным в сознании Истины.

СУТТА X

1(330). Встаньте, встаньте! Что вы дремлете? Что за сон у недужного, отравленного ядом страдания, тоскующего...

2(331). Встаньте, встаньте! Учитесь жизни, ведущей к миру, дабы властелин смерти не воспользовался вашей беспечностью и, обольстив, не подчинил бы вас своей силе.

3(332). Победите то желание, которым связаны боги и люди, которого так жаждут они; не теряйте решительной минуты жизни: кто не удержит ее, кто даст ускользнуть ей, тот обрекает себя на погибель...

4(333). Ты оскверняешь себя постоянной беспечностью: только бдительностью, размышлением ты вырвешь из себя ту отравленную стрелу.

Сутта XI

1(334). Совершенный сказал: «Не пренебрегаешь ли ты Мудрым, постоянно проживая с ним? Чтишь ли ты его, для блага людского рода высоко поднявшего зажженный свой факел?»

2(335). Отвечал Рагула: «Я не пренебрегаю Мудрым, постоянно проживая с ним; он, высоко поднявший зажженный свой факел на благо людское, всегда верно почитается мной».

3(336). Продолжал Совершенный: «Неподвластный тому, к чему пять чувств влекут человека, манящему, восхитительному, в великом решении покинув дом свой, ты обрешь конец всем страданиям.

4(337). Любимый доблестными, любезный живущим в уединении, тихо и смиренно ты иди своей кроткой поступью.

5(338). Бди, чтобы в сердце твоём не зародилась жажда ни к милостыне и одеянию, ни к приношениям и обители, чтобы вновь та жажда не принесла тебя к покинутому миру.

6(339). Будь ревностен в житии по уставу, бодрствуй над пятью чувствами, охраняй себя в телесности — и этот мир не пленит тебя.

7(340). Избегай всего, что ласкает твой дух, что зажигает в нём страсти; к тому обратись духом своим, не встревоженным, ясным, в чем не видит мир радости.

8(341). Возлюби бестелесное, оставь навсегда склонность к горделивости; сокрушив ее, ты пойдешь своим путем одиноким, тихий, успокоенный».

Сутта XII

Так я слышал:

Учитель славного Вангизы, по имени Нигродхакаппа, отошел в Ниббану. И стало достопочтенного Вангизу беспокоить сомнение, когда он пребывал в уединенном раздумье: «Может быть, достиг блаженства мой учитель, может быть, не достиг». Тогда достопочтенный Вангиза, покинув в вечернее время свою уединенную обитель, пошел к Совершенному и, придя к нему, сел в стороне, поклонившись ему; сидя в стороне, достопочтенный Вангиза обратился к Совершенному с такими словами:

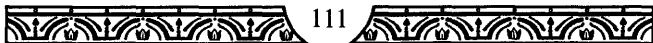
«Господин, когда я уединяюсь в размышлении, раздумье берет меня: обрел ли мой учитель блаженство или же не обрел?»

Тут достопочтенный Вангиза, поднявшись со своего сиденья, перебросил верхний плащ на одно плечо и, простирая к Совершенному свои стиснутые руки, воскликнул:

1(342). «Мы просим у Наставника великого понимания! Умер тот, кто в этом мире сбросил сомнение, умер монах знаменитый и славный, кроткий и успокоенный.

2(343). Имя Нигродхакаппа было тобою дано ему, о Блаженный; он шел своей стезею, прославляя тебя, свободный разумом и могучий, провидевший Ниббану.

3(344). О Мудрец, ты всевидящий, мы жаждем получить от тебя наставление; наши уши ждут слова от тебя, ты — учитель наш несравненный!

4(345). Разреши наши сомнения, скажи нам о нем, теперь блаженствующем, о ты, муж великого понимания! Говори о нем среди нас, о всевидящий!

5(346). Все цепи жизни, влекущие на путь безумия, и неведение — основа сомнения — гаснут пред Совершенным, ибо он — благое око для всех людей.

6(347). Если тьму греха не разогнал человек, как ветер разгоняет на небе тучи, весь мир окутан мраком пред ним, и даже светлые из людей не будут светить ему.

7(348). Мудрецы — светочи мира; ты — один из них, о Мудрый, — так я понимаю тебя; мы притекли к тебе, светлому в размышлении, поведай о Каппе нам, здесь собравшимся.

8(349). О восстань, несравненный! Дивен твой голос, как голос лебедя, когда со сладкой песнью покидает он родное гнездо; мы приникнем к словам твоим.

9(350). О, молю тебя, победившего смерть и рождение, сокрушившего грех: возвести желанную истину, — только ты один, Совершенный, можешь возвестить ее.

10(351). Ты не отринешь мою мольбу к тебе, не отстранишь эти руки, протянутые к тебе, просящие, о ты, озаренный высшей мудростью, ведущий нынешний путь Каппы, — не обмани надежду мою.

11(352). О ты, Славный, в совершенстве познавший Вечный Закон, не обмани нас, мудрый, обладающий непревосходимою силой; как в жаркую пору жаждут воды, так и я жажду слова от тебя, — увлажни меня ро-
сой поучения!

12(353). Та жизнь благочестия, которую вел здесь наш Каппа, была ли в помощь ему, совершенно ли угас он, или не все земное померкло в нем — вот что мы жаждем слышать от тебя!»

13(354). «Уже в этом мире он вырвал из своего сердца влечение к виду и имени, навсегда выплыл он из этого потока жизни и смерти», — сказал Блаженный.

14(355). «Я радуюсь, слыша слово твое, о лучший из Мудрых; не напрасно я вопрошал тебя, — нет, брахман не обманул надежду мою.

15(356). Как говорил, так и поступал он, был верным учеником Пробужденного, он прорвался сквозь сети, всюду раскинутые лукавой смертью.

16(357). О, Совершенный! Каппа постиг источник привязанностей, он прошел сквозь обитель смерти, прошел не тронутый ею, так трудно победимую!»

СУТТА XIII

1(358). «Мы просим у Мудрого великого понимания, мы просим его у Блаженного, выплывшего на иной берег, совершенного в мудрости: какой путь в этом мире — праведный путь для нищего, покинувшего дом свой, забывшего все желания?»

2(359). «Кто отбросил все мнения о воздушных явлениях и предзнаменованиях, о приметах и сновидениях, — сказал Совершенный, — тот нищий, отринувший все нечестивое, верным путем шествует в этом мире.

3(360). Пусть он загасит в себе страсть к земным и небесным радостям — тогда, победив жизнь, познав Истину, он пойдет верной дорогой.

4(361). Отбросив клевету и гневливость, победивши скупость, он вступит на верный путь, не связанный здесь ни враждой, ни ненавистью.

5(362). Кто сокрушил и приятное, и неприятное этого мира, тот вступает на верный путь, ни к чему не привязанный, ни от чего не зависимый, освобожденный от всяких уз.

6(363). Кто в этих звеньях существующего не признает никакой сущности, тот вступает на верный путь, победив желания и привязанности, независимый, никем не водимый.

7(364). Кто не враждует ни с кем ни словом, ни мыслью, ни действием, кто познал в совершенстве Вечную Истину и жаждет только блаженства угасания, тот идет здесь верной дорогой.

8(365). Кому не льстит людское поклонение, кто забывает обман и обиды, кто отворачивается от хмельных напитков, хотя бы и подносимых в подаянии, тот идет здесь верной дорогой.

9(366). Монах, покинувший всякую привязанность к жизни, с отвращением взирающий на насилие и притеснения, не омраченный скорбью, победивший сомнения, идет здесь верной дорогой.

10(367). Охраняя свое верное знание, никому не вредя в этом мире, вникая усердно в Учение, монах шествует здесь верной дорогой.

11(368). Кто угасил в себе всякую страсть, кто с корнем вырвал все греховные влечения, тот вступает на верный путь, свободный от желания, ничего здесь не жаждущий.

12(369). Чьи развеяны страсти, кто свободен от гордости, кто покинул эту дорогу похотей, тот идет здесь верной стезей, идет укрощенный и в мудрости, погасивший все земное в себе для высших радостей.

13(370). Обладатель верного знания, ясно видящий светлый путь угасания, отстранившийся от последователей всех шестидесяти двух школ, мудростью победивший и гнев, и влечения, идет здесь верною дорогой.

14(371). Кто, охраняемый Истиной, приплыл к иному берегу, преодолев все желания, кто, чистый и доблестный, смело сорвал покрывало, окутавшее собою весь мир, кто в великой мудрости ведает путь победы над его обманчивыми призраками, тот идет здесь верной дорогой.

15(372). Кто победил время и в прошлом, и в будущем, чьи мысли исполнились чудной чистотою, чей дух не влечется ни к одному здесь пристанищу, тот шествует верной дорогой.

16(373). Кто не забудет четыре святые истины, кто, разумея пути Закона, идет по ним, погашая страсти, разрушая звенья этой жизни в себе, тот идет здесь верной дорогой».

17(374). «Это так, о Совершенный, это истинно! Путь тот один только верен, и монах, шествуя им, срывает с себя все оковы!»

Сутта XIV

Вот что я слышал:

Однажды последователь Дхаммика, вместе с пятьюстами последователей, пришел к Блаженному и, приветствовав его, сел подле; и, севши подле него, с такими словами обратился к Блаженному:

1(375). «Я прошу тебя, о Гаутама, о великом понимании: кто благой ученик — и из тех, кто, следуя тебе, покидает дом отцов для пустынной жизни, и из тех, кто следует твоему учению, не расставаясь со своим жилищем?

2(376). Ибо все пути жизни людей и богов открылись твоему взору, и только ты один видишь венец всего; никто, как ты один, ведаешь тайный смысл вещей — ты, величаемый дивным Буддою.

3(377). Каждую истину ведаешь ты, взором проникший в вечную Дхамму, — ты, все живое обнявший своей любовью! Ты совлек покрывало с этого мира, ты, Непорочный, светишь во всех мирах!

4(378). Властитель слонов Еравана узнал, что живешь ты, Победитель, и пришел к тебе послушать тебя, и после беседы с тобой возвращался он в восхищении, говоря: о, какое мне счастье!

5(379). И другой царь приходил к тебе и вопрошал о Законе; и с ним ты беседовал, о мудрый, и он покинул тебя, восхищенный тобой.

6(380). Никто из брахманов не сравнивается с тобой в мудрости, как привязанный к месту не уловит быстро идущего.

7(381). Все искусные брахманы, все их старейшины, самые ученые собеседники — все они стоят перед тобою как связанные, пораженные твоей мыслью.

8(382). Ту сокровенную и сладкую правду, которую ты возвестил, о Блаженный, — ее теперь мы жаждем слышать от тебя; открой нам, о ты, совершеннейший из Будд, открой ее, спрошенный.

9(383). Пусть все нищенствующие, все последователи, присевшие здесь послушать тебя, услышат истину, возглашенную Безгрешным, как благостным словам Индры внимают все боги!»

10(384). «Послушайте меня, о нищенствующие, я поведаю вам истину, которой разрушается зло; вникните в слово мое, все вы! Пусть тот размышляющий, кто ищет здесь благого, ведет жизнь, достойную подвижника.

11(385). Пусть никто не выступает в странствие в недолжное время, пусть всякий, прося подаяния, только в надлежащее время посещает селения; идущего в неблагоприятное время уловят сети — вот почему и Будды приходят лишь тогда, когда надлежит им прийти.

12(386). Вид, звуки и вкус, запах и прикосновение опьяняют людей; победив к ним всякое влечение, пусть за подаянием только в должное время идет нищенствующий.

13(387). Получив пищу в благоприятное время и возвратившись, пусть он сидит в одиночестве, раздумывая, не обращаясь своим духом ко внешнему, но пусть углубляется в себя.

14(388). Когда беседует он с учениками или с другими нищенствующими, пусть речь его клонится только к изъяснению прекрасного Учения и никакое постыдное, бранное слово не оскверняет ее,

15(389). ибо иные речи восстанавливают друг против друга людей; таких пустых, недостойных не похвалю я: только крепче завязываются узы на них, и они попусту растрачивают свои мысли в этих раздорах.

16(390). Пусть ученик великолепного Будды, вникнув в учение Совершенного, принимает в дар и жилище, и пищу, и постель, и сиденье, и воду, чтобы омыть грязь с одеяния;

17(391). но как капля воды не держится на листке лотоса, так пусть и нищенствующий не прилепляется жаждою к этим вещам: ни к жилищу и постели, ни к пище и сиденью, ни к воде, поданной отмыть грязь с одеяния.

18(392). Также и обязанности собственника я разъясню вам: как, став учеником, должен жить он, чтобы благим сделаться здесь. Кто занят земными делами, тот не может вместить полный устав монашествующих.

19(393). Пусть он не убивает и не причиняет смерти живым существам, пусть не одобряет он тех, кто совершает убийство, всех на земле защищая от вреда — и слабых, и сильных.

20(394). Пусть ученик никогда не берет того, что не дано ему, зная, что другим принадлежит оно; пусть не одобряет и не поощряет он тех, кто поступает так, — пусть избегает он всех этих трех видов покражи.

21(395). Как кучи горячих углей, пусть разумный избегает развратной жизни; если не может вместить жизнь непорочности, пусть не грешит он с чужими женщинами.

22(396). Пусть никто не говорит лживо ни в судилище, ни на соборе, пусть никто не поощряет других поступать так и не одобряет их — пусть избегает он всех этих трех видов неправды.

23(397). Пусть собственник, живущий по Уставу, не предается питью хмельных напитков; пусть он не поощряет и не одобряет пьянства других, зная, что конец пьянства — помешательство,

24(398). ибо опьяненный глупец делает много греховного и стремится напоить других; пусть каждый избегает этого источника греха, этого безумия, этого помешательства, приятного одним лишь глупцам.

25(399). Итак, он не должен ни убивать живых существ, ни присваивать неданного, ни говорить лживо, ни пить хмельного, воздерживаться от прелюбодеяния, ни есть ночью в неуказанное время.

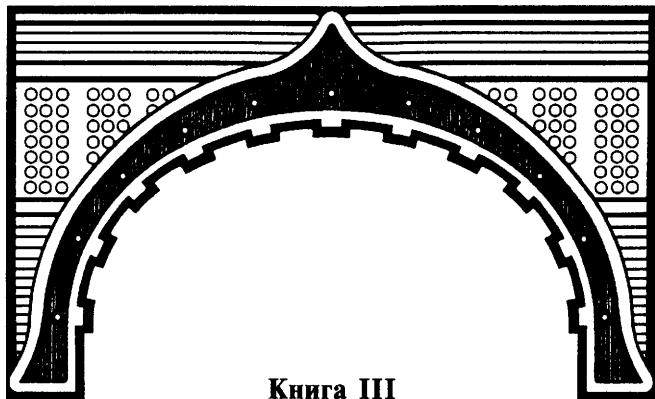
26(400). Пусть он не носит венков, не умащается благовонными маслами и ложе свое расстилает прямо на землю. Вот восьмеричное воздержание, поведенное Буддой, победившим страдание.

27(401). В верном решении приняв пост на четвертый, пятый и восьмой день полумесяца и приняв вполне восьмеричное уложение,

28(402). по утрам, выдержав воздержание, пусть он порадует общину нищенствующих питьем и пищей, раздавая подаяния по мере возможности.

29(403). Пусть он, сознавая свои обязанности, питает родителей, занимается непостыдным промыслом. Собственник, во всем верно следуя тем правилам, будет близок к сфере богов».

Книга III MAHAVAGGA

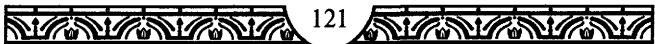
Сутта I

1(404). Я восхваляю пустынную жизнь, ту жизнь, которую вел Вернозрящий, которую он прославил.

2(405). «Домашняя жизнь — страдание, обитель нечистоты; скитальчество — жизнь в чистой выси воздуха», — так помышляя, он принял подвиг пустынножительства.

3(406). Ведя жизнь пустытника, он избег своего тела грешных действий, и, отринув все нечистое в речи, он очистил свою жизнь в совершенстве.

4(407). Будда проходил по Магадге, прося подаяния, прекрасный видом.

5(408). Царь Бимбасара стоял в своих чертогах и увидел его, прекрасного видом; и, увидя его, так сказал:

6(409). «Приметьте того человека, он — кроток, велик и чист, он человек благой жизни, он не смотрит вперед далее двух шагов;

7(410). с опущенными очами, задумчивый, он не походит на низких родом; пусть царские посланцы пойдут и спросят: куда нищенствующий монах держит путь свой?»

8(411). Царские посланцы пошли и спросили у народа: «Где лежат пути странника, где его обитель?»

9(412). «Проясняя подаяния от дома к дому, зорко охраняя врата своего тела, самосдержанный, чистой струей наполнил он чашу свою, мудрый, задумчивый;

10(413). блуждая по свету, прося подаяния, город покинул Мудрец, направляясь в горы, — там, верно, его обитель теперь».

11(414). Узнав, что ушел странник в горы, посланцы сели, а один посланец возвратился и возвестил царю:

12(415). «Тот монах, о великий царь, обитает на востоке гор; как тигр, как лев, сидит он там в горной пещере».

13(416). Услышав слова посланца, царь поспешил к горе в великолепной колеснице своей.

14(417). Выйдя из колесницы, царь приблизился пешком и, подойдя, воссел.

15(418). Севши, царь обменялся с ним любезным приветствием и после любезных слов сказал ему:

16(419). «Ты молод, прекрасен, юноша ранней юности, чудного телосложения, как высокорожденный царевич.

17(420). Я уберу для тебя воинское жилище, я поставлю тебя во главе предводителей, я дарую тебе сокровища; радуйся ты и, спрошенный, открой мне свое происхождение!»

18(421). «Тут, подле горы, о царь, живет народ, обладающий силой богатств, — обитатели Козалы;

19(422). по имени Аддика, по роду Шакья; из той семьи ушел я, не жаждущий телесных радостей;

20(423). провидя горести в радостях тела, помышляя о счастье забвения света, я пойду, предаваясь подвигам, — в том восторг моего духа!»

Сутта II

1(424). Ко мне, чей дух склонялся к подвигу, кто отдался раздумью о путях к Ниббане,

2(425). ко мне приблизился Мара, говоря слова сожаления: «Ты изнурен и бледен, смерть близка к тебе;

3(426). тысяча частей тебя — добыча смерти, и только одна часть принадлежит еще жизни; лучше живая жизнь, о ты, достославный; живой, ты можешь творить доброе дело;

4(427). если благочестивую жизнь проживешь ты, питая жертвенное пламя, много благих дел будет связано с тобой; но чего ждешь ты от своих подвигов?

5(428). О, тяжел путь подвижничества, мучителен тот трудно проходимый путь!» — так говоря, стал Мара подле Пробужденного.

6(429). Совершенный Маре, говорящему так, сказал: «О ты, друг лени, ты, нечестивый, с какой целью ты посетил это место?

7(430). Нет и меньшего из добрых дел, не совершенного мной; и какие бы добрые дела мог возвестить мне Мара?

8(431). Я обладаю силой и уверенностью, и разумение обитает во мне; и меня, живущего в подвигах, к какой же жизни призываешь ты?..

9(432). Эти раскаленные ветры иссушили здесь даже струи реки — как же было не иссохнуть моей крови, когда я предавался подвигам?..

10(433). Исыхла моя кровь, иссыхали и соки, и желчь моя; но когда истощается тело, дух утишается, расцветает внимание, разум и постижение;

11(434). и когда я живу так, покинув все внешние чувства, мой дух уже не жаждет плотских наслаждений — воззри же ты теперь на чистоту человека!

12(435). Похоть — имя твоей первой рати, недовольство — второй, голод и жажда — третьей, желание — четвертой,

13(436). лень и дремливость — пятой, трусость — шестой, сомнение — седьмой, лицемерие и бесчувственность,

14(437). торгашество, тщеславие, славолюбие, известность, добытая несправедливыми путями, надменность и глумливость — восьмой.

15(438). Вот твое воинство, о Мара, его ты ведешь в бой, о темный! Никто не поборет того воинства, кроме Победителя, и победив, он обретет радость.

16(439). Горе жизни в этом мире! Смерть в битве лучше для меня, нежели жизнь побежденного.

17(440). Погрузившись во мраки этого мира, брахманы и отшельники не видят ясно — увь! — они не знают пути, которым пройдет Победитель.

18(441). Видя со всех сторон снаряженное воинство и во главе предводителя Мару, воссевшего на слона, я вышел на битву, дабы не допустить, чтобы он поборол меня.

19(442). Это воинство твое, не побежденное ни людьми, ни богами, — я разобью его разумением: как камень — горшок, так я легко разобью его!

20(443). Подчинив себе свои помыслы, укрепив внимание мое, бдительность, я пойду из царства в царство, привлекая учеников к себе.

21(444). Они будут бдительны и ревностны, исполняя мои правила, — правила того, кто свободен от похотей; и такое место обретут они на пути своем, где не прольется уже ни одна слеза человека!»

22(445). «Целых семь лет, шаг за шагом, за Совершенным следил я — и никаких недостатков я не нашел в нем, совершенно просвещенном, непревосходимом в мудрости.

23(446). Вот петух прыгает вокруг камня, похожего на кусок жира: нет ли в нем чего мягкого, нет ли сладкого?

24(447). Но, не найдя в нем ничего сладкого, петух отходит от камня. Как тот петух от камня, так и я отхожу от Гаутамы».

25(448). Медленно и печально ослабла тетива его лука, побежденная, — и злой дух покинул то место.

Сутта III

«О монахи, речь, снабженная четырьмя достоинствами, речь, во благо сказанная, негреховно сказанная, не ошибочна она и не постыдна для Мудрого».

«Каковы же те четыре достоинства?»

«О монахи! Всегда благостна речь монаха, не греховна — он говорит праведное, а не неправедное; он говорит доброе, а не злое; он говорит правдиво, а не лживо. О монахи! Речь, снабженная теми четырьмя достоинствами, — речь благая, а не нечестивая, и не ошибочна она, не постыдна для Мудрого».

После того сказал Учитель:

1(449). «Доброе слово — первая лучшая вещь, так понимают мудрые; пусть твоя речь будет праведна, а не неправедна — это вторая; пусть твоя речь будет приятна, а не неприятна — это третья; пусть твоя речь будет правдива, а не лжива — это четвертая».

Тогда достойный Вангиза, поднявшись со своего сиденья и перебросив плащ свой через плечо, простирая руки к Совершенному, сказал ему: «Я начинаю понимать это, о Блаженный!»

«Пойми же это, о Вагинза!» — сказал Блаженный. Тогда славный Вагинза, стоя перед Совершенным, восхвалял его в таких словах:

2(450). «Пусть говорится только такое слово, которое не приносит горя ни тому, кто говорит, ни тому, кто слушает; такое слово поистине благостно.

3(451). Пусть говорится только приятное слово, радостью текущее к сердцу слушателя, — то слово, в котором не таится греховного семени, которое несет непостыдную сладость внемяющим.

4(452). „Истина есть бессмертное слово” — вот верное изречение, и в истине, благе и правде утвердился ты, Совершенный!

5(453). Верную весть об угашении скорби приносит нам слово Пробужденного, и нет ничего выше того дивного слова!»

СУТТА IV

Вот что я слышал:

Однажды Блаженный обитал в Козале, на отмели реки Сундарики. В то время брахман Сундарикабхарадвага приносил жертвы огню и прославлял огонь. Окончив жертвоприношение и воспев огонь, брахман встал и, окинув взором все четыре стороны, сказал: «Кому бы вкусить от остатков этого приношения?» Тут брахман заметил Совершенного, сидевшего на корнях деревьев; закутав свое тело и голову, взяв в левую руку

остатки приношения, а в правую чашу с водой, к Совершенному направился брахман. Совершенный, услышав шаги брахмана, обнажил голову. Тут подумал брахман: «Голова того человека обрита — он постриженный», — и хотел уйти прочь. Но тут опять подумал брахман: «Однако есть и брахманы, бреющие голову; лучше я пойду к нему и спрошу о его происхождении».

1(454). «Не брахман я, не царевич, не воин; близко зная людские обычаи, я иду по миру в раздумье, ничем не обладающий.

2(455). Накинув свой плащ, я иду, бездомный, с отрезанными волосами, с утихшими чувствами, иду, не смешиваясь с людскою толпой. Праздный вопрос о моем роде предложил ты мне, о брахман!»

3(456). «Брахманы всегда откровенны с брахманами, господин мой, — брахман ли ты?»

«Если ты говоришь, я брахман, и не называешь меня брахманом, то я спрошу тебя о гимне Савитти, составленном из трех стихов и двадцати четырех слогов».

4(457). «Зачем мудрецы и простые люди, воины и брахманы приносят в этом мире обильные жертвы?» — вновь спросил брахман.

«Кому, безупречному во время жертвоприношения, внимает тот или другой из богов, тот преуспевает, говорю я», — отвечал Совершенный.

5(458). «О, добрый плод принесет жертва, верю я, — сказал брахман, — ибо мы встретили совершенно про-

свещенного; если бы мы не встретили тебя, кто-либо иной вкусил бы от приношения».

6(459). «Итак, о брахман, — сказал Совершенный, — как ты подошел спросить что-то, то спрашивай; верь — ты встретил того, кто тих, в ком нет гордости, кто свободен от страдания и свободен от жадности, кто обладает благим разумением».

7(460). «Я люблю время жертв, о Гаутама, и с радостью приношу я свои жертвы, но не обладаю познанием их; научи меня — поведай мне, когда жертва бывает благоприятна».

8(461). «Итак, внемли, о брахман, я поведаю тебе истину».

9(462). Не спрашивай о происхождении, но спрашивай о жизни; из простого дерева рождается благодатное пламя; мудрец, рожденный простыми людьми, становится великим, терпением очистив себя от всего нечистого.

10(463). Кто укротил себя, ведущий истину, совершенный и благодостный, — тому, одаренному кротостью, должны люди в должное время делать приношения; пусть брахман, жаждущий добрых дел, свершает приношения.

11(464). Кто забыл все плотские радости и странствует бездомный, кто нерушим, как крепкая ладья, тому должны люди в должное время делать приношения; пусть брахман, жаждущий добрых дел, совершает приношения.

12(465). Чьи угасли все страсти, чьи затихли все чувства, кто достиг освобождения, тому должны люди в

должное время делать приношения; пусть брахман, жаждущий добрых дел, совершает приношения.

13(466). Кто проходит чрез этот мир, ни к чему не прикасаясь своей жадой, проходит в глубоком раздумье и смирении, тому в должное время люди должны делать приношения; пусть брахман, ищущий добрых дел, творит приношения.

14(467). Кто не осквернен никакой тревогой, идет этим миром как победитель, ведая начало и конец смерти и рождения, тому блаженному, тому тихому, как глубокое озеро, надлежат приношения.

15(468). Далека Совершенный от всякой несправедливости, он всегда праведен; нет нигде границ его мысли; Совершенному, во всех мирах непорочному, надлежат приношения.

16(469). В ком никогда не возникнут ни печали, ни ненависть, кто свободен от жадности и самолюбия, кто навсегда изгнал из себя и гордость, и желания — тому Совершенному, не омраченному никакою скорбью, надлежат приношения.

17(470). Чей дух забыл все места здешнего отдохновения, кто не влечется ни к чему в этом мире, ничего не жаждет ни в нем, ни в следующем — тому Совершенному надлежат приношения.

18(471). Кто переплыл этот поток возрождения, кто высоким помыслом обратился к Вечной Истине, кто развеял все свои страсти и навсегда успокоился, кто несет здесь свое последнее тело, тому Совершенному надлежат приношения.

19(472). Кто покинул всякую страсть к существованию и забыл всякую жестокость, в ком уже нет и не будет их — тому преисполненному, тому Совершенному надлежат приношения.

20(473). Кто сорвал с себя все оковы, кого вновь не свяжут здесь никакие цепи, кто среди надменных радуется в смирении, кто победил это могучее царство страдания — тому Совершенному надлежат приношения.

21(474). Кто не тревожимый никакими желаниями, провидит Ниббану, кто возвысился над всем, чему поучают учителя, кто навсегда угасил в себе все влечения — тому Совершенному надлежат приношения.

22(475). Кто отбросил все прежние обычаи, разгадавши их, для кого они все погибли и не возвратятся вновь, кто утих, разрушив все былые привязанности, — тому Совершенному надлежат приношения.

23(476). Кто ведает путь победы над смертью, кто миновал горький путь похотей — тому непорочному, чистому, тому безупречному, Совершенному, надлежат приношения.

24(477). Кто собою не измеряет себя, прямодушен и стоек, свободен от жестокости и желания, — тому, не поколебленному сомнением, тому Совершенному надлежат приношения.

25(478). В ком не возрастет вновь бывшее неведение, кто своей дивной мыслью возвысился до путей вечно-го, кто несет здесь свое последнее тело — тот, всесовершенный в познании, достоин имени Светлого!»

26(479). «Да будет праведна моя жертва, — сказал брахман, — ибо я встретил Совершенного, Брама свидетель мне! Пусть Совершенный примет от меня приношение».

27(480). «Что добыто мною в поучении, того не приму я — таково правило Яснозрящего, о брахман! Будды отклоняют добытое поучением — пока стоит мир, таков закон Будд.

28(481). Иною пищей и иным питьем должен ты служить тому, кто есть всесовершенный, великий Мудрец, чьи страсти разрушены, в ком все дурное угасло, — вот верное поприще для тех, кто ищет дел благочестия».

29(482). «Прекрасно, о Совершенный! Но скажи, кто же примет дар от подобного мне, к кому я, приняв твоё наставление, должен обратиться с приношением?»

30(483). «Кто ни с кем не враждует, чей дух не встревожен, кто вырвал все похоти, кто не подчинился беспечности,

31(484). кто победил все греховное, знает смерть и рождение, озаренный мудростью, — того, притекшего к жертвеннику,

32(485). должно, восхваляя, почитать питьем и пищей; благоуспешно будет всегда то даяние!»

33(486). «Ты, о Будда, достоин приношения, ты — лучшее поприще для добрых дел; все миры несут тебе приношение: великие плоды вырастают из приношений тебе!»

После того сказал брахман: «Чудесно, о славный Гаутама! Чудесно, о славный Гаутама! Как поднимают оброненное, как обнаруживают скрытое, как выводят на дорогу заблудившегося, как вносят светоч во тьму, чтобы зрячие могли видеть, так и славным Гаутамой разъяснена истина различными путями; я ишу убежища в славном Гаутаме, и в Законе, и в семье нищенствующих; я жажду получить от славного Гаутамы платье и правила!»

Брахман получил от Совершенного платье и правила, после чего он вел уединенную, усердную, ревностную жизнь пустынника; в короткое время разумением и усердием он достиг того совершенства духовной жизни, ради которого многие из славных родов покидают родной кров для пустынножительства. «Разрушено рождение, жизнь проведена в благочестии, свершено все, что должно было быть свершенным, не осталось ничего незаконченного в этой жизни», — так помышлял он и достиг блаженства.

Сутта V

Так я слышал:

К Совершенному пришел один юноша и, придя к нему, вступил с ним в любезную беседу; любезно и почтительно побеседовав с ним, он сел в стороне и, сидя в стороне, с такими словами обратился к Совершенному:

«О, достопочтенный Гаутама, я — щедрый податель, благодетель, доступный просящим; справедливым путем я добываю богатства, и, добывая справедливо, я из добытого отдаю и тому, и другому, и третьему, и четвертому, и пятому, и шестому, и седьмому, и восьмому, и девятому, и десятому, и двадцатому, и тридцатому, и сороковому, и пятидесятому, и сотому и даже более. О славный Гаутама, я жажду узнать, доброе ли дело я делаю, раздавая так, жертвуя?»

«Ты творишь доброе дело, о юноша!»

1(487). «Я вопрошаю славного Гаутаму, благодетеля, скитальца без крова, надевшего желтое платье: если домовладелец, щедрый даятель, возлюбив благое, раздает добро, подавая другим и питье, и пищу, благоуспешна ли жертва его?»

2(488). «Кто домовладелец, щедрый даятель, — сказал Совершенный, — возлюбив благое, раздает добро, подавая другим и питье, и пищу, тот благоденствует с теми, кто достоин приношения».

3(489). «Если кто домовладелец, щедрый даятель, ищущий благого, хотел бы раздавать добро, подавая и питье, и пищу, — скажи же мне, о Совершенный, одному из них, кто достоин приношения?»

4(490). «Кто проходит этим миром, ни к чему не привязанный, ничем не владеющий, совершенный, утешенный, — тому в должное время должны люди приносить дары свои; пусть брахман, ищущий благих дел, делает приношения.

5(491). Кто сорвал с себя все оковы и себя подчинил себе, тому, ничего не жаждущему, исцеленному, должны люди в должное время приносить дары свои; пусть брахман, ищущий благих дел, делает приношения.

6(492). Кто вырвался из этих тисков жизни и смерти, тому, безболезненному, неувлеченному, должны люди в должное время приносить дары свои; пусть брахман, ищущий благих дел, делает приношения.

7(493). Кто развеял здесь все свои сомнения, кто не встревожен ни страстью, ни ненавистью, кто не омрачен здесь неведением, тому мужу благочестия должны люди в должное время приносить дары свои; пусть брахман, ищущий добрых дел, делает приношения.

8(494). В ком нет ни гнева, ни высокомерия, кто свободен от жадности и желаний, тому, терпеливому, кроткому, должны люди в должное время делать приношения; пусть брахман, ищущий добрых дел, делает приношения.

9(495). Не погибшему в похоти, не загубленному пучиной желаний, грядущему в смирении должны люди в должное время приносить дары свои; пусть брахман, ищущий добрых дел, приносит свои приношения.

10(496). Ни с чем не связанному, не жаждущему вновь возродиться в этом или иных мирах должны люди в должное время делать приношения; пусть брахман, ищущий добрых дел, приносит свои приношения.

11(497). Отбросившему все плотские улады, бездомному страннику, крепкому, как хорошо снаряженный

челн, должны люди в должное время приносить дары свои; пусть брахман, ищущий добрых дел, делает свои приношения.

12(498). Чьи утихли все чувства, чьи угасли все страстные влечения, тому в должное время должны люди приносить дары свои; пусть брахман, ищущий добрых дел, делает свои приношения.

13(499). Усмиренному, развеявшему все сомнения, покорному, не вовлеченному в поток возрождения, должны люди в должное время приносить дары свои; пусть брахман, ищущий добрых дел, приносит свои приношения.

14(500). Отрекшемуся от смерти и рождения, победившему неуверенность, должны люди в должное время приносить дары свои; пусть брахман, ищущий добрых дел, приносит свои приношения.

15(501). Кто проходит сквозь этот мир, своей мудростью освещая путь себе, — тому, ничем не обладающему, со всех сторон освобожденному, должны люди в должное время приносить дары свои; пусть брахман, ищущий добрых дел, приносит свои приношения.

16(502). Кто в ясном знании скажет: „Это было мое последнее рождение, вот наступил конец возрождениям”, — тому в должное время должны люди приносить дары свои; пусть брахман, ищущий добрых дел, приносит свои приношения.

17(503). Совершенному, блаженному в мудрости, озаренному безграничными думами, — тому, прибежищу многих, должны люди в должное время приносить

дары свои; пусть брахман, ищущий добрых дел, приносит свои приношения».

18(504). «Не напрасно я вопрошал его — Совершенный указал мне достойных приношения; истинно говоришь ты, ибо ведомы тебе пути Вечного Закона.

19(505). Кто домовладелец, щедрый даятель, желая благого, раздает добро, подавая пищу и питье многим, — скажи мне, одному из них, о Совершенный, о блаженстве даяния».

20(506). «Подавая, укрощай свой дух во всех вещах; дело дающего — милостыня; утвердившись на том, ты никогда не испытаешь ненависти.

21(507). Кто угасит в себе страсти, тот вырвет с корнем и ненависть — несвязанный дух его разовьется в любви; и днем и ночью следуя ей, все миры обнимет он безграничным благоволением».

22(508). «Кто благоденствует? Кто освобожден и кто связан? Каким путем можно провести себя в царство Брамь? Спрошенный мною, скажи мне, не постигшему этого, о Мудрый! Брамю узрели мы ныне, ибо ты равен ему, это правда; каким путем можно пройти в царство Брамь, о ты, Несравненный?»

23(509). «Кто подает с благоволением жертвы, — сказал Блаженный, — тот преуспевает вкупе с достойными приношения; и он, подающий, тем верным путем достигнет царства Брамь. Так говорю я».

Выслушав слова Блаженного, юноша обратился к нему с такими словами: «Прекрасно, о славный Гаута-

ма! Прекрасно, о славный Гаутама! Как поднимают обрonnenное, как открывают скрытое, как выводят на дорогу заблудшего, как вносят лампаду во тьму, чтобы зрячие могли видеть, — так и истина разъяснена славным Гаутамою различными путями; я прибегаю к славному Гаутаме, к его Закону и семье нищенствующих. Пусть славный Гаутама примет меня как последователя — всю свою жизнь отныне я буду находить в нем убежище!»

СУТТА VI

Так я слышал:

Однажды Сабхье, нищему страннику, были поведаны вопросы одним старым благосклонным духом: «И кто, о Сабхья, спрошенный тобою, будет ли он брахман или отшельник, разрешит тебе те вопросы, останься с ним: ты проживешь тогда благочестивую жизнь».

Тогда Сабхья, нищий странник, пошел к брахманам, которые имели в том месте собрание и были известные наставники, славные руководители, прославляемые людьми. Он пошел к ним и, придя, спросил их. Спрошенные Сабхьею, нищим странником, они не могли разрешить его вопросов, и, не разрешив его вопросов, они пришли в ярость, обнаружили ненависть и досаду и, в свою очередь, стали допытывать Сабхью вопросами.

Тогда запало на ум Сабхье, нищему страннику: «Если брахманы и пустынные, проживающие здесь, имеющие круг своих последователей, славные настав-

ники, мудрые водители, почитаемые толпой, спрошенные мною, не могли мне ответить, и, не сумев ответить, стали гневаться, досадовать и злиться, и сами стали донимать меня вопросами, то лучше я возвращусь, откуда пришел, и предамся радостям телесных наслаждений».

Но тут другая мысль пришла на ум Сабхье, нищему страннику: «Тот пустынник Гаутама также имеет общину нищенствующих монахов и окружен последователями; он — славный наставник, мудрый водитель, восхваляемый людьми; лучше я пойду к пустыннику Гаутаме и ему предложу те вопросы». Но тут опять усомнился Сабхья, нищий странник: «Если уж брахманы и пустынники, обветшалые и древние, и пожилые, и достигшие преклонного возраста, мужи опыта, многученные старейшины, имеющие собрания и последователей, славные учителя, опытные наставники, почитаемые толпой, не могли ответить на мои вопросы и, не сумев ответить, пришли в ярость, обнаружили досаду и ненависть и сами стали донимать меня вопросами, то может ли пустынник Гаутама, будучи спрошен мною, разрешить мне те вопросы: ведь пустынник Гаутама юными годами и неопытен в подвижнической жизни?»

Но тут так подумал Сабхья, нищий странник: «Нельзя пренебрегать пустынником Гаутамою потому, что он молод; хотя и молод пустынник Гаутама, но он могуч и обладает силой мудрости; лучше я пойду к пустыннику Гаутаме и предложу ему свои вопросы».

Тогда Сабхья, нищий странник, пошел к Блаженному и, придя к нему, вступил с ним в любезную беседу; и побеседовав с ним любезно и занимательно, сел поодаль, и, севши поодаль, обратился к Блаженному с такими словами:

1(510). «В страхе и сомнении я пришел сюда; я жажду спросить тебя. Положи конец моим сомнениям, спрошенный мною, разъясни мне вопросы в должном порядке».

2(511). «Издалека ты пришел, о Сабхья, — сказал Блаженный, — ты жаждешь спросить меня; я положу конец твоим сомнениям; спрошенный, я разъясню тебе вопросы в должном порядке».

3(512). Предлагай мне твои вопросы, о Сабхья; о чем бы ты ни спросил меня, я разъясню тебе — я разрешу твои сомнения».

Тут подумал Сабхья, нищий странник: «Чудесно, непонятно! Ни брахманы, ни саманы не приняли меня, как Гаутама», — и, так помышляя, он в радости, веселье и великой гордости спросил Блаженного:

4(513). «Что должен совершать человек, чтобы назваться Нищенствующим? За что почтется он именем Сострадательного? За что — именем Обузданного? Чем заслужит он имени Просвещенного? Разъясни мне то, о Блаженный, прошу тебя!»

5(514). «Кто пришел к совершенному счастью, о Сабхья, пришел к нему, сам на своем пути ведя себя, тот, победивший сомнения, не имеющий ни добра, ни

прибытка, разрушивший возрождение, и есть Нищенствующий.

6(515). Всегда безропотный и немлющий, никому не вредит на свете пустынник, пересекающий течение, не помраченный: если угасли в нем все желания, он искренне сострадатель.

7(516). Чьи утишены чувства, чувства внутренние и внешние, кто ни к чему не влечется ни в одном из миров, тот, угашающий телесное, достоин имени Укрошенного.

8(517). Кто разгадал этот путь гибели и восстановления, кто свободен от страстного и греховного, тот, разрушивший зарождение, незапятнанный, величается Буддою».

Тогда Сабхья, услышав слова Будды и порадовавшись им, радостный, восхищенный и в великой гордости вопрошил Блаженного:

9(518). «Что должен творить человек, чтобы его величали Брахманом? За что зовется он Отшельником? За что — Очищенным? За что зовется Безгрешным? Спрошенный мною, разъясни мне то, о Блаженный!»

10(519). «Кто, о Сабхья, отбросил все греховное, непорочен и чист, кто смело покинул этот путь обманчивых блужданий, тот, совершенный, независимый, мудрый, назовется Брахманом.

11(520). Тихий, забывший доброе и злое этого мира, ничем не связанный, разумеющий, победивший смерть и рождение, по достоинству назовется Отшельником.

12(521). Кто, отмыв все грехи, грехи внутренние и внешние, не войдет вновь в эту обитель времени, в это царство людей и богов, тот назовется Очищенным.

13(522). Кто далек от всего преступного, кто сбросил с себя все узы и цепи и ничем не связан здесь, тот, вполне освобожденный, достоин имени Безгрешного».

Тогда Сабхья, нищий странник, выслушав слова Будды и порадовавшись им, в радости, восторге и великой гордости спросил Блаженного:

14(523). «Кого Будды называют Победившим все миры и кого Счастливым? Кого называют они Разумным и кого Мудрым? Спрошенный о том, разъясни мне, о Совершенный!»

15(524). «Кто во все миры проник своей мыслью, о Сабхья, и в мир богов и людей, и в мир Брамь, и вот не увлечен ни одним из них, тот назовется Победителем, ибо все миры победил он.

16(525). Кто своей верной мыслью обозрел все людские сокровища и все сокровища духов и Брамь и не влечется ни к одному из них, тот назовется Счастливым, ибо воистину счастлив он.

17(526). Кто своей верной мыслью проник в суть всех чувств, и внешних, и внутренних, и победил добро и зло этого мира, тот назовется Разумным, ибо верным путем идет его разумение.

18(527). Кто своей верной мыслью постиг вечный закон о правде и неправде, внешней и внутренней, тот,

прорвавшийся сквозь сети смерти, достойный хвалы от людей и богов, назовется Мудрым».

Тогда Сабхья, нищий странник, услышав слова Блаженного и поразившись им, в радости, восторге и великой гордости воспросил Блаженного:

19(528). «За что наречется человек Превозмогшим чувства и за что Вернозрящим? За что — Крепким и за что — Рожденным для высшего?»

20(529). «Кто победил в себе силу всех чувств, о Сабхья, всех чувств, побеждающих и брахманов, и пустынных, кто навсегда пресек в себе все пути к их возникновению, тот зовется Превозмогшим чувства, ибо он преодолел их.

21(530). Кто разгадал обольщение «видом и именем» и в себе, и вне себя, кто понял, где корень недугов, и навсегда очистился от них, тот назовется Вернознающим, ибо истинно его разумение.

22(531). Кто гнушается всякого греха этого мира, кто окреп в победах над страданиями, обрел новую силу и могущество, тот назовется здесь Крепким.

23(532). Кто сорвал с себя все связующие цепи, эти узы, привязавшие дух человека ко внешнему и ко внутреннему, кто оторвался здесь навсегда от корня привязанностей, тот назовется Рожденным для высшего».

Тогда Сабхья, нищий странник, услышав слова Блаженного и, поразившись им, в радости, в восторге и великой гордости спросил Блаженного:

24(533). «Кто удостоится имени Познавшего сокровенное и кто — имени Благородного? За что наречется человек Совершенным в наблюдении и за что Странствующим Нищим? Спрошенный о том, о Блаженный, разъясни мне!»

25(534). «Кто, познав и приняв Учение, знает, о Сабхья, что есть позорное и что непостыдное, тот — победитель, свободный от сомнения, со всех сторон освобожденный от страдания, назовется Познавшим сокровенное.

26(535). Кто, угасивши в себе все страстное, вновь не войдет в утробу рождения, кто вырвался из тины похотей и не вовлечется вновь в поток времени, тот достоин имени Благородного.

27(536). Если опытный в наблюдениях постиг высшее среди знамений — постиг Вечный Закон, в нем не зародятся ни страсти, ни желания, он назовется Совершенным в наблюдениях.

28(537). Чьи поступки никому не приносят страдания ни вверху, ни внизу, ни вдали, ни в середине, кто, изведав конец гневу и жадности, спеси и гордости, виду и имени, шествует в размышлении, тот назовется Странствующим Нищим, счастливым в высочайшей премудрости».

Слыша те слова Блаженного, Сабхья, нищий странник, радовался им, и в радости, восторге и великой гордости он поднялся с сиденья, перебросил плащ на одно плечо и, простирая свои сжатые руки к

Блаженному и прославляя его, стал с ним лицом к лицу.

29(538). «Все шестьдесят три учения философов, толкуемых духовными, ты победил! Как луч света, ты блеснул сквозь мраки этого мира.

30(539). Ты пришел к концу возрождений, святой, совершенно просвещенный! В тебе вижу я одного из тех, кто развеял все свои страсти! Ты — славный, мудрый, ты — учитель великого понимания! Ты возвестил конец страданиям, ты и приведешь меня к тому вожделенному концу.

31(540). Видя меня, пришедшего, жаждущего, ты положил конец моим сомнениям; будь благословен ты, о мудрец, достигший высочайшей мудрости, ты — сострадательный!

32(541). То сомнение, в котором я пришел к тебе, ты отмел от меня, о Вернозрящий! Поистине, ты — Мудрец, совершенный в знании, и никаких недостатков уже нет в тебе.

33(542). Все темное отброшено тобой, ты — кроток и тих, верен и стоек.

34(543). Слову твоему радуются все боги и мудрые, ты — Победитель, глава безгрешных.

35(544). Тебе надлежит поклонение, о благородный, лучший из всех людей; ни в мире людей, ни в мире богов нет никого, равного тебе.

36(545). Ты — Будда, Учитель, Мудрец, победивший Мару; разрушивши все желания, бурный поток жизни пересек ты.

37(546). Ты разбил все звенья жизни, ты развеял все страсти, могучий, как лев, свободный от желания, отбросивший все страхи и опасения.

38(547). Как капля росы спадает с прекрасного цветка лотоса, так отпадает от тебя все злое и греховное; о Победитель, Сабхья припадает к ногам твоим!»

Тут Сабхья, нищий странник, припав головою к ногам Блаженного, воскликнул:

«Как чудесно это, о славный Гаутама! Как чудесно это, о славный Гаутама! Как поднимают опрокинутое, как открывают скрытое, как выводят на дорогу сбившегося с пути, как вносят свет во тьму, чтобы зрячие могли видеть, так и истина многообразными путями разъяснена славным Гаутамою; я прибегаю к славному Гаутаме, и к его Закону, и к семье нищенствующих; я жажду получить платье и правила от славного Гаутамы!»

«Кто прежде, о Сабхья, принадлежал к другому толку и теперь желает вступить в семью нищенствующих, желает получить платье и правила, тот прежде должен послужить четыре месяца; по истечении четырех месяцев нищенствующие монахи, утишившие свои чувства, дадут ему платье и правила, чтобы стать ему нищенствующим: такое различие делаю я между обращенными».

«Если, о Славный, тот, кто прежде принадлежал к другому толку и теперь желает быть принятым, получить платье и правила, должен послужить четыре меся-

ца и, по истечении четырех месяцев, нищенствующие, утишившие свои чувства, дадут ему платье и правила, чтобы стать ему нищенствующим, — то и я также хочу послужить четыре месяца, и пусть по истечении четырех месяцев нищенствующие монахи, укротившие свои чувства, дадут мне платье и правила, чтобы стать мне нищенствующим».

Сабхья, нищий странник, получив платье и правила, вел впоследствии жизнь уединения, размышления и усердия и в короткое время своим усердием и пониманием достиг того совершенства духовной жизни, ради которого многие люди знатных родов покидают жилища, возлюбив жизнь отшельника. «Разрушено рождение, прожита благочестивая жизнь, свершено все из должного быть свершенным здесь, и ничего не осталось не-свершенного в этой жизни», — так помышлял он, и вот достопочтенный Сабхья достиг блаженства.

Сутта VII

Вот что я слышал:

Однажды Совершенный, странствуя с большой общиной нищенствующих, около тысячи двухсот пятидесяти человек, пришел в город Акану.

И вот что услышал Кенья-аскет с заплетенными волосами: «Пустынник, славный Гаутама, сын Шакья, с тысячью двумястами пятьюдесятью нищенствующих пришел в Акану, и вот какие хвалы сопровождают его:

Блаженный, славный, в совершенстве просвещенный, одаренный знаниями и благими подвигами, счастливый, знающий мир, несравненный, водитель людей, учитель, озаренный; его учению внимает мир людей и богов, мир Браммы и Мары и все существа, включая брахманов и пустынников, богов и людей, — все, кто бы ни встретился с ним лицом к лицу; он учит Закону, и благ тот Закон в начале, и в конце, и в середине, невосполним в мудрости, неизменим в слове, совершенен; он учит благочестивой жизни, и дивен вид того Блаженного».

Тогда Кенъя-аскет пришел к тому месту, где находился Блаженный, и, придя туда, вступил с ним в любезную беседу, и, побеседовав с ним любезно и занимательно, сел в стороне; и Блаженный в благочестивой беседе поучал его, пробуждал и радовал; тогда Кенъя-аскет, наученный и восхищенный благими речами Блаженного, сказал ему:

«Пусть славный Гаутама примет от меня на завтра пищу вместе с общиной нищенствующих».

Когда были сказаны те слова, Блаженный сказал Кенье: «Велика, о Кенъя, община монахов — их тысяча двести пятьдесят человек, и ты верный друг брахманов».

И во второй раз сказал Кенъя-аскет: «Хотя и велика, о славный Гаутама, община монахов — их тысяча двести пятьдесят человек — и я задушевный друг брахманов, все же пусть славный Гаутама примет от меня завтра пищу вместе с общиной нищенствующих».

И во второй раз ответил Блаженный: «Велика, о Кенья, наша община — тысяча двести пятьдесят человек, и ты задушевный друг брахманов».

И в третий раз Кенья-аскет сказал Блаженному: «Хотя и велика, о славный Гаутама, твоя община и я — задушевный друг брахманов, все же пусть славный Гаутама придет завтра ко мне вкусить пищи с семьей нищенствующих».

Тогда Блаженный согласился в молчании.

Тогда Кенья-аскет, встав со своего сиденья, пошел в обитель и, придя туда, обратился к своим друзьям и слугам, близким и родственникам:

«Пусть мои славные друзья и родственники, прислужники и близкие послушают меня: отшельник Гаутама приглашен мною на завтра вкусить пищи вместе со своей общиной — сослужите мне верную службу!»

«Да будет так, о Славный!» — так говоря, друзья и прислужники, близкие и родственники Кеньи-аскета, угождая его просьбе, принялись за работу: одни очищали место для огня, другие рубили дрова для очага, третьи мыли котлы, ставили горшки с водой, приготавливали сиденья. Сам Кенья по другую сторону раскидывал круглый шатер.

В то же время жил в Апане брахман Селя, совершенный в знании трех Вед, обучавший гимнам триста юношей. В то время Кенья-аскет был дружен с брахманом Селей. Брахман Селя, окруженный тремястами юношей, пришел к обители Кеньи и увидел, что одни там гото-

вят место для очага, другие рубят дрова, третьи моют котлы, ставят чаши с водой, готовят сиденья, а сам Кенья-аскет с заплетенными волосами ставит палатку; увидя Кенью-аскета, брахман сказал ему: «Разве славный Кенья справляет свадьбу сына или дочери, или задумал принести великую жертву, или царь Бимбисара, обладатель великого воинства, приглашен им завтра на обед со своими воинами?»

«Нет, я не справляю свадьбы ни сына, ни дочери, и Бимбисара, вождь великого воинства, не приглашен мною со своими воинами, но великое приношение предстоит мне. Пустынник Гаутама, сын Шакья, с общиной нищенствующих, — кого прославляют в таких словах: „Он — Блаженный, славный, совершенно просвещенный, одаренный славными знаниями и делами, счастливый, водитель мира, несравненный наставник, озаренный среди людей и богов”, — он придет ко мне завтра вкусить пищи вместе с общиной нищенствующих».

«Ты сказал, что он — Будда, о славный Кенья?»

«Да, я говорю это: он — Будда, о славный Селя!»

«Ты сказал, что он — Будда, о славный Кенья?»

«Да, я говорю это: он — Будда, о славный Селя!»

Тогда подумал брахман Селя: «Редко это имя — Будда, но в наших гимнах находятся тридцать два признака великого человека, отмеченного ими. Есть два пути и не более. Если он обитает в жилище, то он — царь, всемирный правитель, благочестивый, победоносный, чтимый народом и обладающий семью сокровищами; вот его

семь сокровищ: сокровище колесниц, сокровище слов, сокровище коней, сокровище алмазов, сокровище жен, сокровище добра, сокровище военачальников; у него более тысячи сынов, доблестных, обладающих силой, разбивающих вражеские полки; он победит землю, опоясанную океаном, победит ее без жезла и оружия, но справедливостью. Если же он покидает дом для пустынножительства, он будет святым, в совершенстве просвещенным, сорвавшим покрывало с мира. И где же теперь, о Кенья, обитает Гаутама, блаженный, в совершенстве просвещенный?»

Когда были сказаны те слова, Кенья-аскет, протягивая вперед руку, сказал брахману Селе: «Вот там, о славный Селя, где синее лес».

Тогда брахман Селя вместе с тремястами юношей пошел на то место, где обитал Совершенный, говоря юношам такие слова: «Идите, не шумите, о славные юноши, идите шаг за шагом, ибо трудно доступны Блаженные, блуждающие подобно льву; а когда я буду говорить с пустынником Гаутамой, вы не прерывайте меня, но ждите, славные, конца нашей беседы».

Тогда брахман Селя пришел к тому месту, где обитал Совершенный, и, придя туда, вступил с ним в любезную беседу, и, побеседовав с ним любезно и занимательно, он стал восхвалять его в таких словах:

1(548). «Прекрасно тело твое — ты блистательный, рожденный для высшего; золотист цвет твоей кожи, зубы твои белы, ты строен.

2(549). Все признаки великого назначения есть на твоём теле, все приметы возвышенной судьбы.

3(550). Ясны твои очи, нежно тело, ты могуч и прекрасен, подобно солнцу, ты светишь среди пустынных.

4(551). Вид твой прекрасен, кожа подобна золоту; о, зачем ты, озаренный дивною красотою, ведешь жизнь пустытника?

5(552). Царем бы быть тебе, властителем мира, водителем четырехгранной земли, победителем, властелином Индии.

6(553). Воины и военачальники преклонятся пред тобой: правь, о Гаутама, как царь царей, руководящий народами!»

7(554). «Я — царь, о Селя, — так сказал Блаженный, — Царь несравненный, я — Царь Благочестия! Правдою я повернул колесо, то колесо неодолимое».

8(555). «Ты нарек себя великим именем, ты величал себя Царем несравненным, Царем Благочестия. „Правдою я повернул колесо“, — так ты сказал, о Гаутама!

9(556). Кто же ученик твой, кто твой последователь, кто после тебя двинет колесо, тобою праведно двинутое?»

10(557). «То колесо, то несравненное Колесо Учения, которое я двинул, — сказал Блаженный, — Сарипутта повернет после меня, он — верный ученик Совершенного.

11(558). Должное быть возвещенным — возвещено мной, должное быть возделанным — возделано мной,

должное быть оставленным — оставлено мной, ибо я — Будда, о брахман!

12(559). Победи свое сомнение во мне, имей веру в меня, о брахман, не постоянно видите Будду.

13(560). Я из тех, о брахман, чье пришествие редко, я — совершенно просвещенный, я — несравненный целитель,

14(561). я — победитель полчищ Мары, славнейший, бесподобный: сокрушив всех врагов, я радуюсь, защищенный со всех сторон».

15(562). «О славные, внемлите словам моим: он возвестил нам истину, он — Будда, целитель, победоносный победитель, его голос подобен голосу льва в лесу.

16(563). Кто бы не укротился, увидев его, преславного, бесподобного, сокрушителя полчищ Мары, будь он хоть темного рода!

17(564). Кто из вас, юноши, любит меня, тот последует мне, кто не любит, тот пусть удалится от меня; я приму обет в присутствии его, мужа дивной мудрости».

Но последователи Сели сказали ему:

18(565). «Если ты возлюбил учение Совершеннопросвещенного, то и мы, ученики твои, примем правила от него, Будды.

19(566). Посвяти нас в жизнь благочестия, о Блаженный!» — так триста брахманов просили Блаженного, простирая к нему руки.

20(567). «Благая жизнь возвещена мною, о Селя, — так сказал Совершенный, — в этой быстротекущей жиз-

ни не тщетно принять подвижничество, вступить на путь уединения».

Тогда брахман Селя вместе со своими учениками получил платье и правила в присутствии Совершенного.

Тогда Кенья-аскет на исходе ночи, приготовив в своей обители вкусные варева и жарева, послал к Совершенному напомнить о времени обеда: «Время, о славный Гаутама, обед приготовлен».

Тогда Совершенный утром, надевши свой плащ и взяв чашу, пошел в обитель Кеньи-аскета и, придя туда, сел на приготовленное сиденье, во главе общины нищенствующих. Кенья-аскет своими руками служил общине нищенствующих во главе с Буддой, подавая вкусные варева и жарева. Когда Блаженный окончил обед, Кенья-аскет подошел к нему и, взяв низкое сиденье, сел подле Совершенного, и, когда он сидел так, Совершенный порадовал его такими словами:

21(568). «Главное в жертве — священное пламя; первый среди всех гимнов — гимн Савити; царь выше всех людей; море больше всех вод;

22(569). месяц краше всех звезд; солнце горячее всего; для тех, кто ищет благого дела, приношение общине — лучшее».

Тогда Блаженный, порадовав Кенью-аскета теми словами, поднялся со своего сиденья и покинул обитель.

Тогда славный Селя вместе со своей общиною, ведя уединенную, усердную, ревностную жизнь, в короткое время своим разумением и усердием достиг того совер-

шенства духовной жизни, ради которого многие из знатных родов покидают дома отцов для пустынножительства. «Разрушено рождение, достигнуто благочестие, все должное свершено здесь, и ничего не осталось несвершенного в этом существовании», — так размышлял он, и вот славный Селя со своими учениками достиг блаженной жизни.

Тогда славный Селя пошел к Совершенному, и, придя к нему, он накинул свое верхнее одеяние на одно плечо и, простирая руки к Совершенному, говорил так:

23(570). «Мы прибегаем к тебе, о ты, Яснозрящий, прибегаем к тебе на восьмой день; семь ночей, о Совершенный, мы ходили в твоём учении.

24(571). Ты — Будда, ты — Учитель, Мудрец, сокрушивший Мару; отбросив все страсти, ты преодолел это течение и других ты перенес чрез него.

25(572). Ты столкнул все подмостки жизни, ты развеял все страсти, ты, как лев, не влечешься ни к чему и отбросил все страхи и опасения!..

26(573). Эти триста нищенствующих стоят здесь пред тобою с простертыми руками. О Победитель, дозволь им, Безгрешный, припасть к ноге твоей!»

СУТТА VIII

1(574). Непонятна, неизведанна жизнь смертных в этом мире, сумрачная и краткая, проникнутая страданием.

2(575). Нет средств, которыми родившиеся могли бы избежать смерти; приходит старость — близка и смерть; такова участь всего живущего.

3(576). Как спелые плоды висят на ветвях, готовые каждую минуту сорваться, так и смертные, едва родившись, находятся в постоянной опасности смерти.

4(577). Глиняный сосуд, сделанный горшечником, рано или поздно непременно разобьется — такова же судьба всех смертных.

5(578). И юные, и старые, и мудрые, и неразумные — все подчинены силе смерти, надо всеми людьми она царит безраздельно!..

6(579). Ни отец, ни сын, ни родные, ни близкие не спасут того, кого поразила смерть, кто вступает в иной мир.

7(580). Заметь: близкие смотрят и скорбят безутешно, а смерть одного за другим уводит отсюда людей, как быков уводят на бойню!..

8(581). Увы, со смертью и разрушением связан этот мир, и мудрые, познавшие начала этого мира, не горюют о том.

9(582). Тщетно скорбишь за того, чьих путей ты не знаешь: и когда он приходит, и когда уходит, не ведая концов этого пути...

10(583). Если бы тот, кто печалится, выигрывал от этого, тогда пусть бы и мудрый поступал так — но нет, скорбящий только сам мучит себя.

11(584). Ни в слезах, ни в скорби никто не обретет успокоения, нет, от печали только все возрастают страдания и слабеет тело.

12(585). Он все бледнеет и худеет, а умершие — увы! — не возвращаются, и его скорбь не спасает их!..

13(586). Кто не расстается со своей скорбью, все глубже и глубже тот погружается в страдание; сетуя о мертвых, он подпадает силе тоски.

14(587). Смотри на отшедших как на идущих в то место, которое они заслужили своими делами; всегда здесь робели они перед смертью, и вот все же взяты ею теперь.

15(588). Чем разнообразнее мнения людей о будущем, тем сильнее разрастаются несогласия, тем горше обманутое ожидание — заметь: такова судьба мира!

16(589). Если бы даже и сотни лет прожил человек, и даже более, все же в конце концов он покинет близких и оставит жизнь в этом мире.

17(590). Поймите же и, внимая словам Святого, оставьте свои печали; видя умершего, пусть всякий подумает только: «Я уже нигде более не найду его».

18(591). Загоревшийся дом заливается водой, ветер подхватывает и уносит клочок хлопка — пусть так и мудрый отгоняет свою возникающую печаль размышлением.

19(592). Кто ищет неизменной радости, тот вырвет ту стрелу из своей раны: эту скорбь, эти вопли, эти сетования.

20(593). Извлеки ту стрелу, независимый, ничем не связанный, обретет он мир своему духу; кто превозможет печаль, тот в конце концов угасит ее, тот успокоится в блаженстве.

СУТТА IX

Вот что я слышал:

Однажды между юношами Вазеттой и Бхарадвагой возник спор: каким путем становится человек брахманом?

Юноша Бхарадвага говорил: «Кто благороден по рождению с обеих сторон, и со стороны отца, и стороны матери, чист по зачатию, восходя до седьмого колена предков, и рожден безупречно, тот становится брахманом».

Юноша Вазетта говорил: «Кто добродетелен и славен святыми делами, тот и есть брахман».

Ни юноша Вазетта не мог убедить юношу Бхарадвагу, ни юноша Бхарадвага не мог убедить юношу Вазетту. Тогда юноша Вазетта сказал юноше Бхарадваге: «О Бхарадвага, неподалеку в лесу живет отшельник Гаутама из рода Шакьев, и вот какие хвалебные слова повсюду слышатся о нем: он — Совершенный, славный, просветленный, достойный. Пойдем, о Бхарадвага, на то место, где обитает Совершенный, и спросим его, и что он ответит нам, то мы и примем как верное».

«Прекрасно, о достопочтенный!» — так юноша Бхарадвага ответил юноше Вазетте.

Тогда юноши Бхарадвага и Вазетта пошли на то место, где обитал Совершенный, и, придя туда, вступили с ним в любезную беседу, и, побеседовав с ним любезно и занимательно, сели они поодаль. Сидя поодаль, юноша Вазетта обратился к Совершенному:

1(594). «Мы хорошо изучили три Веды; я — ученик Поккхарасати, этот юноша — ученик Тарукхи.

2(595). Мы усовершенствовались в знании, преподавшем теми, кто изучил три Веды; в толковании сказаний мы равны своим наставникам.

3(596). У нас возник спор о происхождении, о Гаутама! Бхарадвага говорит — по рождению становятся брахманом, я же говорю — своей жизнью; узнай о том, о ты, Яснозрящий.

4(597). Мы не можем убедить друг друга, и вот мы пришли к тебе спросить тебя — тебя, в совершенстве просвещенного.

5(598). Как чтущие полный месяц молятся ему, простирая стиснутые руки, так и тебя, о Гаутама, мы молим с простертыми руками.

6(599). Мы вопрошаем Гаутаму, Око вселенной: рождением ли становятся брахманом или делами? О том поведай ты нам, неразумевшим, чтобы мы поняли, кто есть брахман».

7(600). «Я разъясню вам, о Вазетта, — сказал Блаженный, — я разъясню в должном порядке верное значение всех живых существ, согласно их видам, ибо эти виды многочисленны.

8(601). Знайте, есть травы и деревья, и есть в них признаки, которые разделяют их на виды, и те виды многочисленны.

9(602). Знайте, есть черви, и бабочки, и разные породы муравьев, и есть в них признаки, которые делят их на виды, и те виды многочисленны.

10(603). Знайте, есть четвероногие, и большие, и малые, и есть в них признаки, которые разделяют их на виды, и те виды многочисленны.

11(604). Знайте, есть змеи, и есть в них признаки, по которым разделяются они на виды, и те виды многочисленны.

12(605). Знайте, есть рыбы — они бродят в воде, и в них есть признаки, различающие их виды, и те виды многочисленны.

13(606). Знайте, есть птицы — они, распростершись на крыльях, рассекают воздух, и в них есть признаки, которыми делятся они на виды, и те виды многочисленны.

14(607). Но насколько обильны признаки видов тех живых существ, настолько же необильны они в человеке.

15(608). Но не только в отношении волос, головы, глаз и ушей, рта, носа, бровей,

16(609). не только в отношении плеч и шеи, живота и спины, груди и других членов,

17(610). не только в отношении рук и ног, ногтей и ладони, бедер, икр и голоса, цвета кожи, как в других существах, есть в людях различающие признаки.

18(611). Все это, однако, различие только между телами людей, но сами люди различаются между собою иными, а не этими признаками.

19(612). Кто между людьми живет скотоводством, тот собственник, а не брахман — знай же то, о Вазетта.

20(613). Кто между людьми живет ручным трудом, тот ремесленник, а не брахман — знай же то, о Вазетта.

21(614). Кто между людьми живет торговлей, тот купец, а не брахман — знай же то, о Вазетта.

22(615). Кто между людьми живет, прислуживая другим, тот слуга, а не брахман — знай же то, о Вазетта.

23(616). Кто среди людей живет разбоем, тот грабитель, а не брахман — знай же то, о Вазетта.

24(617). Кто среди людей живет стрельбой из лука, тот воин, а не брахман — знай же то, о Вазетта.

25(618). Кто между людьми живет, свершая домашние священные обряды, тот жрец, а не брахман — знай же то, о Вазетта.

26(619). Кто между людьми владеет многими землями и селениями, тот царь, а не брахман — знай же то, о Вазетта.

27(620). Не назову я брахманом и того человека, который носит это имя по своему роду или по происхождению от особенной матери; пусть он будет богат и чтим людьми, но не его я почту именем брахмана; только того назову я брахманом, кто ничем не владеет и ничего не жаждет.

28(621). Кто сорвал с себя все оковы, кто стряхнул с себя все узы и не страшится, освобожденный, — того назову я брахманом.

29(622). Кто загасил в себе вражду и влечения, кто победил неуверенность, разрушил все призраки, навешанные прежним неведением, — того, Озаренного, назову я брахманом.

30(623). Кто, ни в чем не повинный, терпеливо переносит и упреки, и узы, и надругательства, у кого одна есть сила — терпение и только одно оружие — кротость, — того назову я брахманом.

31(624). Кто, освобожденный от гордости, идет здесь стезею святости, неся свое последнее тело, — того, доблестного, бесстрастного, подчиненного себе, назову я брахманом.

32(625). К чьему сердцу не привяжутся плотские наслаждения, как вода не удержится на листке лотоса, как горчичное зернышко не устоит на острие иголки, — того назову я брахманом.

33(626). Кто ведает путь смерти и страдания, сбросил с себя бремя жизни — того, ничем не поработенного, назову я брахманом.

34(627). Кто не расстается со своими глубокими думами, кто постиг верный путь и путь ложный, кто близок к высшему благу — того назову я брахманом.

35(628). Кто, не тревожимый никаким влечением, не смешивается с толпой собственников, но, странствуя, бездомный, далек и от бродячей толпы — того назову я брахманом.

36(629). Кто, охраняя жизнь всех существ: и тех, которые робки, и тех, которые смелы и сильны, не уби-

ваит и не поощряет убийства, — того назову я брахманом.

37(630). Кто кроток среди враждующих, кто тих среди бушующих, кто бескорыстен среди изнывающих в корысти — того назову я брахманом.

38(631). В чьем сердце не держатся ни ненависть и страсти, ни двуличье и надменность, как на острие иглы не стоит горчичное зернышко, — того назову я брахманом.

39(632). Чьи разумны все речи, чье каждое слово — правда, у кого нет слов обиды и жестокости — того назову я брахманом.

40(633). Кто здесь ничего не берет себе, что бы ни было дано ему, будь то длинное или короткое, большое или малое, дурное или доброе, — того назову я брахманом.

41(634). Кого не влечет к себе ни этот мир, ни следующий, кто не подвластен никакому желанию — того назову я брахманом.

42(635). Кто ничего не жаждет, свободный от всяких сомнений, кто погрузился в чистые глубины бессмертия — того назову я брахманом.

43(636). Кто победил в этом мире все дурное в нем и хорошее, кто освободился от печали и отчаяния — того, непорочного, назову я брахманом.

44(637). Кто чист и покоен, нерушим и смиренен, разбил все пустые здесь радости — того, незапятнанного, подобного месяцу, назову я брахманом.

45(638). Кто перешел чрез трясины опасностей, вырвался из обители возрождения, в мире и размышле-

нии достиг желанного берега — того, не увлекаемого, не тревожимого ни жаждой, ни сомнением, назову я брахманом.

46(639). Кто отверг всякое возникающее желание, кто погубил в себе самое семя его и грядет по свету, ни в чем не усматривая здесь пристанища, — того назову я брахманом.

47(640). Кто презрел все прежние связи свои с людьми и богами, кто отверг всякую былую привязанность — того, навсегда освобожденного, назову я брахманом.

48(641). Кто расстался с уладами этого мира и забыл все его тернии, кто затих, оторвав себя от звеньев цепи существующего, — того, доблестно победившего все миры, назову я брахманом.

49(642). От кого не укрылось это исчезание и восстановление существующего, кто не увлекся той обманчивой игрой — того, счастливого, озаренного, назову я брахманом.

50(643). Чьи разрушены все влечения, чьих путей вновь не узрят ни люди, ни боги — того, блаженного, назову я брахманом.

51(644). Кто не связан ни с прошлым, ни с будущим, ни со серединою, кто ничем не владеет и ни к чему не влечется — того назову я брахманом.

52(645). Кто неустрашимый, как буйвол, бесстрастный и непорочный, просветленный, утешенный, кто великий мудрец, возвышенный победитель — того назову я брахманом.

53(646). Кто разгадал все то, в чем в былое время дух его искал успокоения, кто изведal и выси, и бездны и пришел к концу возрождения — того назову я брахманом!..

54(647). То, что здесь получило название вида и имени, есть одно лишь наименование, но не так оно было принято в общем согласии.

55(648). Долгим временем утвердились здесь мысли невежд, и вот невежды поучают нас, что брахманом становятся по рождению.

56(649). Но не рождением становится человек брахманом и не рождением не становится им; нет, своими делами становится человек брахманом и своими делами не становится им.

57(650). По роду своих дел землепашец зовется землепашцем, ремесленник — ремесленником, купец — купцом, слуга — слугою,

58(651). разбойник — разбойником, воин — воином, жрец — жрецом, властитель — властителем.

59(652). Мудрый, ясно видя причины вещей, верно оценивая то, что исходит из деланья, знает смысл и значение происходящего.

60(653). Деланием существует вселенная, деланием живет людской род; как колесо на оси, все существа утвердились на делании.

61(654). Терпением, благочестием, смирением и покорностью — вот чем становится человек брахманом, вот за что величается он именем лучшего из людей.

62(655). Умиротворенный, ведающий три святые истины, сокрушивший возрождение — знай, о Вазетта, — близок к Бrame и Индре!»

Когда окончил свою речь Блаженный, оба юноши, Вазетта и Бхарадвага, обратились к нему с такими словами:

«Как чудесно, о славный Гаутама! Как чудесно, о славный Гаутама! Как поднимают то, что было опрокинуто, как находят то, что было скрыто, как выводят на путь заблудившегося, как вносят во тьму лампаду, чтобы зрячие могли видеть, так и истина разъяснена славным Гаутамою различными путями. Мы прибегаем к славному Гаутаме, его Закону и к семье нищенствующих; пусть славный Гаутама примет нас в число своих последователей — мы отныне видим в нем свое убежище!»

Сутта X

Вот что я слышал:

Однажды к Совершенному приблизился монах Кокалья и, приблизившись к нему и приветствовав его, сел в стороне; и, сидя в стороне, с такими словами обратился монах Кокалья к Совершенному: «О Славный! Сарипутта и Могалляна подчинились грешным желаниям, они подпали силе злых желаний».

На эти слова Совершенный ответил: «Не говори так, Кокалья! Не говори так, Кокалья! Усмири, Ко-

калья, свои мысли о Сарипутте и Могалляне — они любезны мне».

И во второй раз Кокалья сказал Совершенному: «Хотя ты, о Совершенный, и говоришь слова утешения и не усомнился в Сарипутте и Могалляне, все же я скажу, что в них проявились злые влечения, что они подчинились силе грешных желаний».

И во второй раз Совершенный сказал ему: «Не говори так, Кокалья! Не говори так, Кокалья! Усмири, Кокалья, свои мысли о Сарипутте и Могалляне — оба они безупречны».

И в третий раз монах Кокалья сказал Совершенному: «Хотя ты, о Совершенный, и не усомнился в них и говоришь слова утешения, все же я скажу тебе, что Сарипутта и Могалляна склонны к дурным влечениям, что они подпали силе грешных желаний».

И в третий раз Совершенный сказал монаху Кокалье: «Не говори так, Кокалья! Не говори так, Кокалья! Пусть утихнут твои мысли о Сарипутте и Могалляне — оба они по-прежнему любезны».

Тогда монах Кокалья, встав со своего сиденья, поклонился Совершенному и, обойдя вокруг него, вышел вон. Спустя короткое время после того, как он вышел, все его тело покрылось чирьями величиной с горчичное зернышко; бывши величиною с горчичное зернышко, потом они стали величиною с боб; бывши величиною с боб, потом они стали величиною с крупный горох; бывши величиною с горох, потом они стали вели-

чиною с яйцо; бывши величиною с яйцо, потом они стали величиною с ягоду; бывши величиною с ягоду, потом они стали величиною с плод мирры; бывши величиною с плод мирры, потом они стали величиною с крупные плоды, после того они лопнули, и из них полилась кровь и гной. Тут и умер Кокалья от этой болезни, и, умерев, ниспал в бездну он, обнаруживший свою враждебность к Сарипутте и Могалляне.

Наступила ночь, и божество дивного вида, озарив собою всю окрестность, приблизилось к Блаженному, и, приблизившись к нему и приветствовав его, стало в стороне, и, стоя в стороне, сказало Блаженному: «О Славный! Кокалья, нищенствующий, умер, и, умерев, ниспал в бездну он, обнаруживший свою враждебность к Сарипутте и Могалляне!»

Сказавши это, божество поклонилось Блаженному и, обойдя его справа, исчезло.

На исходе ночи Блаженный сказал нищенствующим: «Прошлую ночь, о монахи, приблизилось ко мне божество чудного вида, осветив собою всю окрестность, и, приблизившись с приветствием, оно сказало мне: „О Славный, Кокалья умер, и, умерев, ниспал в бездну он, обнаруживший свою враждебность к Сарипутте и Могалляне“. Вот что сказало мне божество, и, сказав то и поклонившись мне, оно обошло меня справа и исчезло».

Когда это было сказано, один монах спросил Блаженного: «Как велика жизнь в бездне?»

«Долга, о монахи, жизнь в бездне — нельзя исчислить ее ни годами, ни многими сотнями лет, ни тысячами, ни сотнями тысяч!»

После того сказал Учитель:

1(656). «У всякого человека, родившегося на свет, есть секира во рту, и ею безумец, говоря злые речи, казнит сам себя.

2(657). Кто восхваляет достойное посрамления и хулит достойное похвалы, тот в своей гортани скопляет зло, и никогда он не обретет себе за то радости.

3(658). Мотовство, растрата добра игрою в карты — грех; возмущение против Святого — величайший из грехов:

4(659). кто хулит Святого, ниспадает в бездну тот, во зло употребивший свою речь и разум.

5(660). Творящий злое ниспадает в бездну, и в бездну же ниспадает тот, кто стремится отрицать свою виновность, — равна их судьба по смерти, оба они за свои дела получают равное воздаяние.

6(661). Кто обижает беззащитного человека, чистого, безгрешного, тот безумец сеет зло на свою голову: оно падает на него же, как прах, разносимый вихрем.

7(662). Преданный жадности, осуждающий других, неуверенный и грубый, жестокий и жадный склонен весьма порицать других.

8(663). О ты, человек с оскверненной гортанью, лживый и низкий, злой и порочный, презренный и грешный, вредный для всех людей, — не спесився: ты — будущий жилец преисподней!

9(664). Ты изрыгаешь скверну на горе ближних, ты поносишь справедливых; натворив здесь много греховного, ты низвергнешься в пучину бездны на долгие времена.

10(665). Не потеряны дела, совершенные здесь человеком, — вновь с ними некогда встретится он: безумец, здесь творящий греховное, готовит себе в другом мире страдания.

11(666). Он ниспадает на острые колья, пронзенный железными прутьями; его пища там — докрасна раскаленные железные ядра.

12(667). Вот мучатся с искривленными лицами те, кто забывал здесь слова кротости и сердечности; они не могут укрыться от страданий, они мучатся на раскаленных углях, и огненные языки пылающих костров лижут их.

13(668). Железные молоты избивают их, закутанных в сети, и густой мрак расстилается окрест.

14(669). Потом они попадают в железные котлы, окруженные пылающими кострами, и долгое, долгое время варятся в них, корчась в пламени, —

15(670). они, здесь творившие злое, варятся там в смеси крови и гноя, истлевая в них;

16(671). здесь творившие греховное варятся в воде, кишашей червями, и нельзя выплыть им вон.

17(672). Зацепив за языки крючьями, слуги бездны избивают их:

18(673). их влачат по острым зубьям и низвергают вниз;

19(674). там черные тучи воронья клюют их, горько плачущих, там терзают их псы и шакалы, коршуны, ястреба и соколы...

20(675). О, горька та жизнь в преисподней, которую готовят себе грешники! Немного еще дней жизни здесь остается каждому — пусть же всякий будет ревностен то последнее короткое время.

21–22 (676–677). Как не устанут люди называть те страдания мучительными, так не окончатся и муки в преисподней; сознавая то, добрые, чистые и сердечные всегда ревниво оберегают себя в речи и разуме».

СУТТА XI

1(678). Мудрый Азита встретил толпы богов, восхищенных и ликующих, в светлых одеяниях, прославлявших Индру и в восторге махавших плащами.

2(679). Видя ту безмерную радость богов, он спросил их с благоговением: «Чем так обрадованы боги, отчего они в восхищении машут плащами?

3(680). Когда был раздор между богами и демонами и победили боги, разбив полчища демонов, — и тогда не было такой радости. Что же чудесное встретили боги, что так восхитило их,

4(681). что они поют и ликуют, играют и пляшут, бросая оружие? Я вопрошаю вас, обитателей вершин горы Меру, сорвите с меня сомнение, о славные!»

5(682). «Бодхисаттва, чудная жемчужина, несравненный, родился на благо и счастье людей в городе Шакьев в местности Лумбини! Вот отчего мы ликуем и радуемся.

6(683). Прекраснейший среди всех существ, первый из людей, Телец среди них, великолепнейший из всех творений — он повернет колесо Истины, и в лесах соберет мудрых он, подобный ревушему льву, суровому царю животных».

7(684). Услышав ту весть, он пошел ко дворцу Судходаны и, севши, спросил Шакьев: «Где царевич? Я хочу видеть его».

8(685). Тогда Шакьи показали мудрому Азите царевича, подобного сияющему золоту, пылающему в горниле искусного мастера, — дитя, озаренное славою, прекрасное.

9(686). Видя царевича, светлого, как благодатное пламя, как созвездие Тельца, как пылкое осеннее солнце на безоблачном Небе, мудрый Азита пришел в восхищение.

10(687). В небесах боги раскинули зонт с тысячью кругов и многочисленными ветвями и опахала на золотых тростях веяли над ним, но кто держал тот зонт и те опахала, были невидимы.

11(688). Мудрый Азита с заплетенными волосами, видя веявшие над головою младенца желтые завесы, подобные золотым клиньям, и белое опахало, веявшее над ним, принял младенца на руки в счастье и восхищении.

12(689). И вот он, принявши того Тельца из рук Шакьев, он, желавший воспринять его, ведущий гимны и знамения, возрадовавшись, громко воскликнул: «Нет ему высшего, он — прекраснейший из людей!»

13(690). Тут о своей скорой кончине вспомнил мудрец и, заскорбев, прослезился; видя его плачущим, спросили Шакьи, не провидит ли он что темное на пути царевича.

14(691). Видя, что опечалились Шакьи, мудрец сказал им: «Нет, ничего мрачного я не вижу на пути царевича, ничего дурного не предстоит ему, ибо он не из низших людей. Не бойтесь!

15(692). Царевич достигнет вершин совершенства разумения, он повернет колесо Дхаммы, он узрит несравненную Чистоту, благо людское всегда будет заботой его, и слово его широко разнесется по свету.

16(693). Скоро, скоро придет к концу жизнь моя на земле — как только расцветет он, придет ко мне смерть; увя мне, несчастному! — я не услышу Несравненного!.. Вот что сокрушает меня и печалит!..»

17(694). Оставив Шакьев в их великой радости, он ушел из города, возвратился к своей жизни подвижника; но из любви к своему племяннику он побуждал его принять учение Несравненного.

18(695). «Если ты услышишь от других имя „Будда” или: „Он, достигший совершенства в просвещении, идет стезею закона”, — ты иди туда и, узнав о подробностях, веи жизнь благочестия близ того Блаженного».

19(696). Так наученный мудрецом, благосклонным, провидевшим будущую несравненную Чистоту, проживал с ним Наляка, с утишенными чувствами, накапливая благие дела, ожидая Будду.

20(697). Услышав шум, когда великолепный Будда повернул колесо Истины, и, пойдя и увидя того Тельца среди мудрых, он, обратившись, вопрошал возвышенного Мудреца о лучшей мудрости, когда пришло время исполнить завешание Азиты.

21(698). «Истинны были слова Азиты, вижу я; и вот я прибегаю к тебе, о Гаутама, ты, совершеннейший во всех истинах!

22(699). О Мудрец, мне, бездомному, ищущему принять жизнь Нищего, спрошенный, объясни высочайшее состояние — состояние мудрости!»

23(700). «Я разъясню тебе состояние мудрости — мудрости, трудно достижимой людьми, несомой в подвигах. Приди, я научу тебя — мужайся, крепись!

24(701). Пусть блюдет человек душевное спокойствие; пусть бодрствует он, бдит, чтобы ничто не встревожило дух его — ничто, ни хвалимое, ни порицаемое в селениях. Пусть проживает он в тиши, без гордости.

25(702). Все исчезает здесь, как угасают, мерцая, лесные огни; жены искушают мудрого, но да не соблазнится он!

26(703). Пусть гнушается он сладости слияния, отбросит всякое сладострастие! Пусть будет он бесстрастен,

безвреден для всех существ, и слабых, и сильных, на этом свете.

27(704). „Каков я, таковы и они; каковы они, таков и я” — так видя в них себя и себя в них, пусть он не убивает и не поощряет убийства.

28(705). Отбросивши всякое желание и привязчивость, пусть поступает он как зрячий среди слепых, спотыкающихся, пусть вырвется он из пучины.

29(706). Пусть он будет воздержан в пище, никому не завидует, ничего не жаждет — тогда дух его, не смущенный желанием, насладится в радости.

30(707). Пусть мудрый, обойдя поселки, прося милостыни, возвращается на опушку леса, сидит у корней деревьев.

31(708). Призывая себя к размышлению, будучи мудрым, пусть обретает он счастье в уединении своем на лесной опушке, пусть погружается в свои думы-радости, сидя при корнях деревьев!..

32(709). Когда пройдет ночь, пусть идет он к окраинам селения, не восхищаясь приглашениями, не возторгаясь о полученном.

33(710). Обходя поселки, прося подаяния, пусть не спешит он стремительно от жилища к жилищу, пусть воздерживается от многословия, не вступает в пустые беседы.

34(711). И когда он подумает: „Вот, сегодня я получил хорошее”, и когда подумает: „Ничего-то доброго мне не подали сегодня”, — и в том, и в другом случае

пусть возвращается он к своим деревьям, ни в чем не изменившимся.

35(712). Как будто немой, с видом безмолвия, с нищенскою чашей в руке, пусть не стыдится он малого даяния, не порицает дающего.

36(713). Пусть усердствует он, отшельник, в своих многочисленных подвигах: не дважды переживается эта жизнь.

37(714). Для Нищенствующего, пересекшего поток существования, для него, не смущенного никакими желаниями, забывшего все мирские заботы, уже нет более страдания...

38(715). Я разьясню тебе состояние мудрости; пусть будет он подобен острию зубца, пусть будет умерен он в пище.

39(716). Пусть дух его будет свободен от всякой привязанности, пусть не заботится он ни о чем в этом мире, пусть, неоскверненный и независимый, он посвятит свою жизнь благочестию.

40(717). Пусть поучается он уединению, подвигам пустынножительства: мудрость возрастает в уединении, в одиночестве обретешь себе лучшие радости.

41(718). Как луч света, тогда он проникнет через все десять сфер. Послушные слову Мудрого, размышляющего, отринувшего все телесные радости, пусть мои последователи живут в смирении и уверенности.

42(719). Поучитесь от вод в глубинах морей и в горных ущельях: шумно бегут ручейки, но безбрежное море безмолвно, едва колышется.

43(720). Много шумит мелкое, но спокойно преисполненное; глупцы подобны неполным чашам, мудрый — как полная чаша.

44(721). Многое говорит Отшельник, поучая многих Закону, указуя Истину многим;

45(722). но кто узнал чрез него Истину, кто увидел ее, тот смыкает уста в великом молчании, — он не говорит много, затворившись в мудрости, охраняя в себе видение Истины!»

СУТТА XII

Так я слышал:

В пятнадцатый день, в полнолуние, вечером сидел Блаженный на открытом воздухе, окруженный собравшимися к нему нищенствующими монахами. Тогда Блаженный, окинув взором монахов, сидевших в молчании, сказал им:

«Пусть те истины, о монахи, будут прекрасны, благородны, пусть освобождают дух, ведут к совершенству просвещения, но зачем внимаете вы тем истинам, прекрасным, благородным, освобождающим, ведущим к совершенству просвещения? Если кто, о монахи, спросит вас так, вы ответьте: „да, для верного понимания Двоякой Истины“; „какой же Двоякой?“ — спросят вас; „вот — страдание, вот — начало страдания“ — это первая истина, „вот — разрушение страдания, вот — путь к разрушению страдания“ — это вторая истина; тот, о

монахи, кто верно мыслит о той Двоякой Истине, ревностен, решителен, усерден, — может надеяться, что из двух плодов для него возрастет один: совершенство познания в этом мире или, если остались в нем некоторые из пяти качеств, состояние того, кто не возвращается вновь».

Так сказал Совершенный и, сказав это, прибавил:

1(723). «Не постигшие страдания и его начала и того, чем везде и навсегда загашается страдание, не ведающие пути, который ведет к пресечению страдания,

2(724). те, отрешенные от свободы разума и от свободы познания, не победят этой обители возрождения и разрушения, будут и впредь влачиться в ней.

3(725). Но кто постиг страдание и его начало и то, чем навсегда и везде загашается страдание, кто знает путь, ведущий к угашению страдания,

4(726). те, одаренные свободой разума, свободой познания, победят эту обитель возрождения и разрушения, никогда вновь не вовлекутся в нее.

„Есть ли совершенное рассуждение о Двоякой в другом виде?“ — если так спросят вас, о монахи, вы ответьте, что есть, и когда спросят: „каково же оно?“ — ответьте: „какое бы страдание ни возникло, оно всегда возникает вследствие начал существования“ — вот одно рассуждение; „но через полное разрушение начал существования, чрез отсутствие страстей нет зачатков страданию“ — это второе размышление; для того, о монахи, кто совершенно рассуждает так о Двоякой, усерд-

ный, решительный, ревностный, из тех двух плодов созреет один плод: совершенство познания в этом мире или же, если некоторые из пяти качеств остались еще, состояние того, кто не возвращается». Сказавши так, Совершенный изрек:

5(727). «Какое бы ни возникло страдание в этом мире, всегда причина его — начала существования; кто, ослепленный, сам созидает те звенья существующего, тот подпадает страданию; итак, будучи мудры, не сотворяйте звеньев существующего, ведая, что есть рождение и где — семя страдания.

„Имеет ли совершенное рассуждение о Двоякой иную форму?“ — если, о монахи, кто спросит вас так, вы ответьте: „имеет“, — и на вопрос: „какую же?“ — ответьте: „какое бы страдание ни возникло, оно возникает вследствие неведения“ — вот первое рассуждение; „но через совершенное разрушение неведения уничтожается самый корень страдания“ — вот второе рассуждение; кто, о монахи, правильно так рассуждает о Двоякой, ревностный, усердный, решительный, для того из двух плодов вырастет один: совершенство познания в этом мире или, если еще остались в нем некоторые из пяти качеств, состояние того, кто не возвращается вновь». Сказавши так, Совершенный изрек:

6(728). «Кто вновь и вновь входит в эту обитель смерти и рождения, то в том, то в ином виде склоняясь к существованию, тот обретается здесь в состоянии неведения.

7(729). То состояние неведения есть великое безумие, ослепление, в котором долгое время проходили путь существования; но кто прибегает к познанию, тот не войдет вновь в эту обитель возрождения.

„Есть ли еще иная форма совершенного рассуждения о Двойкой?“ — если, о монахи, спросят вас так, вы ответьте, что есть, и если спросят: „какая же?“ — вы скажите: „какое бы страдание ни возникло в этом мире, оно возникает вследствие вещественности“ — вот первое рассуждение; „но чрез совершенное сокрушение вещественности сокрушается самое семя страдания“ — это второе рассуждение; кто, о монахи, верно так понимает ту Двойку, горячий, ревностный, решительный, для того из двух плодов вырастает один: совершенство познания в этом мире или, если остались в нем некоторые из пяти качеств, состояние не возвращающегося вновь». Сказав так, Совершенный изрек:

8(730). «Какое бы ни возникло страдание, оно возникает вследствие вещественности; победою над вещественностью уничтожается самое семя страдания.

9(731). Взирая на страдания как на несчастья, возникающие из вещественности, — сокрушением вещественности, полным разрушением сознавания достигается разрушение страдания, чьи пути возникновения верно так поняты мудрым;

10(732). и мудрые, обладающие верным тем знанием, совершенные, постигшие связь и начало вещей,

победивши источник обольщения, не войдут вновь в обитель возрождения.

„Есть ли еще иной вид совершенного рассуждения о Двойкой?” — если, о монахи, спросят вас так, вы ответьте: „есть”, — и спросят: „какой же?” — вы скажите: „какое бы страдание ни возникло, оно возникает вследствие сознавания” — это первое рассуждение; „но чрез полное разрушение сознавания, чрез угашение страстей уничтожается самое семя страдания” — вот второе рассуждение; кто, о монахи, верно так рассуждает о Двойкой, горячий, ревностный, решительный, для того из двух плодов вырастет один: совершенство познания в этом мире или, если же остались в нем некоторые из пяти качеств, достижение состояния не возвращающегося вновь». Сказав так, Совершенный изрек:

11(733). «Какое бы ни возникло страдание, оно возникает вследствие сознавания; разрушением сознавания уничтожается самое семя страдания.

12(734). Как на несчастье взирая на страдания, возникающие из сознавания, нищенствующий разрушит сознавание и, свободный от желаний, станет счастливым в совершенстве.

„Есть ли еще иная форма совершенного рассуждения о Двойкой?” — если спросят вас так, о монахи, вы ответьте, что есть, и когда спросят: „какая же?” — вы скажите: „какое бы страдание ни возникло, оно возникает вследствие прикосновения” — вот первое рассуждение; „но совершенным уничтожением прикосновения уни-

чтожается самое семя страдания” — вот второе рассуждение; кто, о монахи, верно так рассуждает о Двоякой, ревностный, усердный, решительный, для того из двух плодов вырастает один: совершенство познания в этом мире или же, если остались в нем некоторые из пяти качеств, состояние не возвращающегося вновь». Сказавши те слова, Совершенный изрек:

13(735). «Погубленные прикосновением, несомые шумным потоком жизни, избравшие себе пути зла никогда не освободятся от уз;

14(736). понявшие опасность прикосновения, избравшие радости угашения выходят из этой обители прикосновения свободные от желания, в совершенстве счастливые.

„Есть ли еще иной вид совершенного рассуждения о Двоякой?” — если так спросят вас, о монахи, вы ответьте: „да, есть”, — и когда спросят: „какой же?” — вы скажите: „какое бы страдание ни возникло, оно возникает вследствие чувствования” — это первое рассуждение; „но полным уничтожением чувствования, угашением страстей уничтожается самый корень страдания” — вот второе рассуждение; кто, о монахи, верно так рассуждает о Двоякой, ревностный, усердный, решительный, для того из двух плодов вырастает один: совершенство познания в этом мире или же, если остались в нем некоторые из пяти качеств, состояние того, кто не возвращается вновь». Сказавши те слова, Совершенный изрек:

15(737). «И на радости, и на печали, и на стремлении к ним, к тем радостям и печалям, внешним и внутренним,

16(738). смотря как на страдание, изведавши все это хрупкое, обреченное на гибель, видя всеобщее разрушение, — от них отвращается нищенствующий, гибелью чувств освобождаясь от желания, обретая состояние совершенного счастья.

„Есть ли еще иная форма совершенного рассуждения о Двойкой?” — если, о монахи, вас спросят так люди, вы ответьте, что есть, и когда спросят: „какая же?” — вы ответьте: „какое бы страдание ни возникло, оно возникает вследствие желания” — вот первое рассуждение; „но чрез уничтожение желания, чрез полное угашение страстей уничтожается самый корень страдания” — вот второе рассуждение; кто, о монахи, верно так размышляет о Двойкой, ревностный, усердный, решительный, для того из двух плодов есть надежда на один: совершенство познания в этом мире или, если остались в нем некоторые из пяти качеств, состояние того, кто не возвращается вновь». Когда были сказаны те слова, Учитель сказал:

17(739). «Если с человеком неразлучны желания, он долгие времена, вновь и вновь, тем или иным путем все переходит от жизни к жизни — нет, он не вырвется из потока перерождения;

18(740). как на несчастья взирая на те страдания, что неизбежно возникают из желания, пусть нищенству-

ющий освобождается от желания и идет своим путем в размышлении, ни с чем не связанный.

„Есть ли еще иная форма совершенного рассуждения о Двоякой?” — если спросят вас так, о монахи, вы ответьте: „да, есть”, — и если спросят: „какая же?” — вы ответьте: „какое бы страдание ни возникло, оно возникает из обладания” — вот первое рассуждение; „но полным отрешением от обладания, угашением страстей уничтожается самый корень страдания” — вот второе рассуждение; кто верно так размышляет о Двоякой, ревностный, усердный, решительный, тот, о монахи, из двух плодов может ожидать себе один: совершенство познания в этом мире или, если остались в нем некоторые из пяти атрибутов, состояние того, кто не возвращается вновь». Сказавши те слова, Учитель сказал:

19(741). «Существование оперлось здесь на обладание; кто вошел в эту область существования, тот пришел сюда на страдание, кто был рожден, тот умрет, — вот начала страдания.

20(742). Мудростью разрушивший обладание, в совершенстве знания постигший силу уничтожения возрождения вновь не войдет в ту обитель смерти и рождения.

„Есть ли еще иная форма совершенного рассуждения о Двоякой?” — если спросят вас так, о монахи, вы ответьте: „да, есть”, — и на вопрос: „какая же?” — ответьте: „какое бы страдание ни возникло, оно возникает вследствие стремления” — это первое рассуждение; „но полным разрушением стремления, отсутствием стра-

тей уничтожается почва для возникновения страдания” — это второе рассуждение; кто, о монахи, верно так рассуждает о Двоякой, ревностный, усердный, решительный, для того из двух плодов вырастает один: совершенство познания в этом мире или же, если остались в нем некоторые из пяти качеств, достижение степени не возвращающегося вновь». Когда были сказаны эти слова, Учитель сказал:

21(743). «Какое бы ни возникло страдание, оно возникает вследствие стремления; если же уничтожено стремление, то нет путей более к возникновению страдания.

22(744). Взирая на страдание как на несчастье, коренящееся в стремлении, и отринув всякое стремление,

23(745). нищенствующий монах пересечет этот поток рождения и смерти, он пересечет его, свободный от обладания, сорвавший с себя всякую жажду жизни, утишенный, — и возрождение не наступит для него более.

„Есть ли еще, о монахи, иная форма совершенного рассуждения о Двоякой?” — если спросят вас так, вы скажите: „да, есть”, — и когда спросят: „какая же?” — вы скажите так: „какое бы страдание ни возникло, оно возникает вследствие похоти к питанию” — это первое рассуждение; „но совершенным уничтожением похоти к питанию, полным разрушением страстей уничтожаются пути к возникновению страдания” — это второе рассуждение; кто, о монахи, верно рассуждает о Двоякой, ревностный, усердный, решительный, для того из двух плодов возрастает один: совершенство познания в этом

мире или же, если в нем остались некоторые из пяти качеств, состояние того, кто не возвращается вновь». После тех слов сказал Учитель:

24(746). «Какое бы ни возникло страдание, оно возникает вследствие похоти питания; разрушением похоти питания уничтожаются все пути к возникновению страдания.

25(747). Как на несчастья взирая на страдания, что возникают из похоти питания, ясно видя, что готовит эта похоть человеку,

26(748). узревший, что разрушение желаний ведет с собою исцеление, не прилепится никогда вновь к похоти питания; различая оба пути, опираясь на Истину, нищенствующий совершенен, как бы не существует вовсе.

„Есть ли еще иной вид совершенного рассуждения о Двойкой?“ — если вас спросят так, о монахи, вы ответьте: „да, есть“, — и на вопрос: „какой же?“ — ответьте: „какое бы страдание ни возникло, оно возникает вследствие волнений“ — это первое рассуждение; „но чрез совершенное прекращение волнения, чрез полное угашение страстей уничтожаются все пути к возникновению страдания“ — это второе рассуждение; кто, о монахи, верно так рассуждает о Двойкой, ревностный, усердный, решительный, для того из двух плодов вырастает один: совершенство познания в этом мире или же, если остались в нем некоторые из пяти атрибутов, состояние того, кто не возвращается вновь». После тех слов сказал Учитель:

27(749). «Какое бы ни возникло страдание, оно возникает вследствие волнений; разрушением волнений уничтожаются все пути к возникновению страдания.

28(750). Как на несчастья взирая на страдания, что возникают вследствие волнений, и откинув всякое волнение, вырвавшись из звеньев все возникающей цепи жизней, пусть нищенствующий идет своим путем, свободный от желаний, ни к чему не привязанный.

„Есть ли еще иная форма совершенного рассуждения о Двойкой?“ — если спросят вас так, о монахи, вы ответьте: „да, есть“, — и когда спросят вас: „какая?“ — вы скажите так: „от зависимости возникает колебание“ — это первое рассуждение; „независимый не колеблется“ — это второе рассуждение; кто, о монахи, верно так рассуждает о Двойкой, для того из двух плодов вырастает один: совершенство познания в этом мире или, если остались некоторые из пяти атрибутов, состояние того, кто не возвращается вновь». После тех слов Учитель сказал:

29(751). «Независимый не колеблется, а зависимый, ухватившийся за звенья стремительно несущейся цепи жизни, не победит никогда этой сени бывания;

30(752). как на бедствия взирая на опасности, которые скрыты в вещах, от которых зависят люди, пусть нищенствующий идет своим путем, независимый, не хватаясь ни за что, пребывая в размышлении.

„Есть ли еще иная форма совершенного рассуждения о Двойкой?“ — если, о монахи, вас спросят так, вы ответьте: „да, есть“, — и на вопрос: „какая же?“ — вы от-

ветьте так: „безвидные существа утишеннее тех, кто обладает видом” — это первое рассуждение; „угашение тише безвидности” — вот второе рассуждение; кто, о монахи, верно так рассуждает о Двоякой, ревностный, усердный, решительный, для того из двух плодов вырастает один: совершенство познания в этом мире или же, если остались в нем некоторые из пяти качеств, состояние того, кто не возвращается вновь». Сказавши те слова, Совершенный сказал:

31(753). «И те существа, которые обладают видом, и те, которые проживают в безвидном мире, если не ведают они угашения, вновь и вновь возвращаются к возрождению.

32(754). Тот же, кто, вполне понявши все формы, колеблемо утвердился в мире безвидного, высвободив дух свой из цепи становления, тот навсегда покидает смерть.

„Есть ли еще иная форма совершенного рассуждения о Двоякой?” — если вас спросят так, о монахи, вы ответьте: „да, есть”, — и когда спросят вас: „какая же?” — вы скажите: „принятое за истину в мире людей и богов, Мары и Брамь, среди брахманов и пустынников — благородными в их всесовершенной мудрости понято как ложь” — вот первое рассуждение; „что было принято как ложь в мире людей и богов, Мары и Брамь, среди брахманов и пустынников, — в том благородные, прозревшие духом, совершенные в познании увидели истину” — вот второе рассуждение. Кто, о монахи, ревностный, усердный, решительный, верно так рассуждает о Двоя-

кой, тот может ожидать, что из двух плодов возрастет один: совершенство познания в этом мире или, если остались некоторые из пяти качеств, состояние того, кто не возвращается вновь». Сказавши это, Учитель сказал:

33(755). «Видя действительное в недействительном, мир людей и богов, обитающий в виде и имени, думал про то: „вот — истина“.

34(756). Но не так это; это — ложь, а ложь ведет за собою погибель.

35(757). Если же благородные постигли правду в том, что не ложно, постигли ее в Ниббане — они, объявшие духом Истину, в совершенстве счастливы.

„Есть ли еще иная форма совершенного рассуждения о Двоякой?“ — если так спросят вас, о монахи, вы ответьте: „да, есть“, — и на вопрос: „какова же она?“ — вы ответьте так: „в чем люди и боги, Мара и Брами, странники и духовные видели радость, в том благородные, совершенные в знании увидели горе“ — это первое рассуждение; „в чем люди и боги, Мара и Брами, отшельники и брахманы видели горе, в том благородные, совершенные в мудрости увидели верную радость“ — вот второе рассуждение; кто, о монахи, верно так понимает совершенное рассуждение о Двоякой, ревностный, решительный, усердный, для того из двух плодов возрастет один: совершенство познания в этом мире или же, если остались в нем некоторые из пяти качеств, состояние того, кто не возвращается вновь». После тех слов Учитель изрек:

36(758). «Вида, звука и вкуса, запаха и прикосновения — вот чего жаждут здесь люди, очарованные, прельщенные.

37(759). Мир людей и богов видит в них счастье, и когда нет их, то скорбит сильно.

38(760). Но благородные только в прекращении телесного существования видят наслаждение — вот в чем мудрый возвышается над всеми мирами.

39(761). Что безумцы зовут радостью, то благородные называют страданием; чего избегают безумцы как страдания, в том благородные обретают радости — вот пред чем в недоумении стоят неведающие, вот чем так смущены они.

40(762). Кто закрылся, тот не видит, кто слеп, для того все темно, но благу есть благое возвешение, зрячему — свет; ослепленные неведением, даже ходя около Закона, ничего не различают в нем.

41(763). Кто побежден земными страстями, кого несут волны течения жизни, кто пребывает в области Мары, тот никогда не постигнет в совершенстве Вечного Закона.

42(764). Только благородный удостоится великого разумения. В совершенстве познавший счастье Ниббаны освобождается от страстей, навсегда угасает здесь».

Так поучал Блаженный, и радостные монахи восхищались словами его. Слово за словом преподавал он прекрасное учение, и с каждым словом освобождался дух нищенствующих.

Книга IV АТТНАКАВАГГА

Сутта I

1(765). Если удастся достичь телесных радостей тому, кто жаждет их, он становится радостным, найдя любезное смертным;

2(766). если же не удастся ему достичь тех радостей, он мучится, как пронзенный стрелой.

3(767). Кто избегает телесных радостей, как на головку змеи боится наступить босою ступней, тот размышлением навсегда отгонит от себя эту жажду радостей.

4(768). Кто жаждет тех радостей, жаждет полей и добра, коней и коров, слуг, и близких, и жен,

5(769). того побеждает грех, того сокрушают несчастья, и в его сердце волеются страдания, как вода сквозь щель в челнок.

6(770). Итак, размышлением изгоняйте плотские радости; освободившись от них, легко переплыть это море; вычерпайте всю воду из ладьи своей, легко и весело к иному берегу тогда она понесется.

Сутта II

1(771). Человек, привязанный к телу, покрытый корою греха, обольщенный, не радуется в уединении, не очищается от плотских наслаждений.

2(772). Кого водят здесь страсти и похоти, кого научают желания радостей — трудно освободиться тому, прилепленному к бывшему и будущему, мечтающему о новых радостях, сладко вспоминающему прошедшее.

3(773). Скупцы, обольщенные плотскими утехами, занемогшие жадностью, мучатся и плачут: что-то будет с нами, когда мы умрем?

4(774). Пусть не забывает человек, что есть злое в этом мире, пусть ни для себя, ни для других он не творит зла — жизнь коротка, говорят мудрые.

5(775). Вижу я в этом мире боязливую породу, порабошенную жаждой жизни, — это несчастные люди, тоскующие в пасти смерти, поглощенные потоком рождения.

6(776). Взгляни на этих людей: как рыбка трепещет в иссохшем ручейке, так и они дрожат в постоянном беспокойстве и заботе о себе; ты же иди в смирении, не питая в себе страсти к жизни.

7(777). Погасив в себе жажду к обоим концам жизни, узнав, где семя похотей, не истомленный жадностью, не делающий того, что сам называет позорным, мудрый не привязывается здесь ни к чему видимому и слышимому.

8(778). Зная, что такое «вид и имя», мудрый рассекает эту волну жизни; не ослабленный никакими желаниями, он вырывает из себя стрелу отравления; он, ревностный скиталец, не жаждет более ни одного из миров.

Сутта III

1(779). Правда, легко вовлекаются в пререкания и злые, и справедливые люди; но, когда возникают споры, мудрый не вступает в них — оттого он всегда доволен.

2(780). Как может тот, кого ведут его страсти, кого одолели влечения, отказаться от своих ошибок? Пусть же делает свое дело, пусть говорит согласно степени своего разумения.

3(781). Кто, никем не просимый, всем и каждому восхваляет свои добродетели, свои святые дела, того благие назовут только хвастуном, низким человеком.

4(782). Нищий, утишенный, радостный в духе, никогда не восхваляет своих добродетелей; благородным величают его добрые, ничего и нигде не желающим.

5(783). Кто в себе видит верного решителя, у того, лишенного руководства разума, всего легче складываются воззрения неясные, смешанные.

6(784). Нелегко победить учения философов: то то, то другое из них кажется предпочтительней, и человек склоняется то к одному из них, то к другому.

7(785). Кто стряхнул с себя все греховное, у того не бывает предрассудков; тот, отряхнувший все греховное, отбросивший надменность и мечтания, независим ни от чего и нигде.

8(786). Не обретший независимости легко вовлекается в споры между учениями. Но каким именем назовется тот независимый, который и не принимает ни одного из них, и ни одного не оспаривает, — он, свободный от обаяния всякого учения?

СУТТА IV

1(787). Вижу я здесь чистого человека, прекрасного, исцеленного, очистившего все свои помыслы; он в своем искании увидел высшее и вот вновь возвращается на путь постижения, ищущий непорочного.

2(788). Если человек очищается учениями философов, знанием научается побеждать страдания, он очищается другим путем, а не путем благородного подвига.

3(789). Не привязанный ни к видимому, ни к слышанному, ни к добродетелям, ни к делам благочестия, ни к тому, что придумано, ни к тому, что считается здесь

дурным или хорошим, — тот брахман, покинувший все привязанности, не знает очищения, идущего от других.

4(790). Оставивши прежних своих наставников, люди идут к другим; увлеченные похотью, они не раскуют цепи, сковавшие их; они то хватаются за учение, то бросают его для другого, как обезьяны, перебрасываясь с сучка на сучок, то хватают, то бросают их.

5(791). То дела благочестия делают они, то, побужденные похотью, увлекаются суетными делами; но муж великого разума, в светлой мудрости постигший Вечную Истину, не разбрасывается мыслью на все стороны.

6(792). Уединившегося среди разнообразных учений предания, созерцания и измышления — кто поколеблет его, мудрого, ясно зрячего, искренне избравшего верный здесь путь себе?

7(793). Он не составляет учений, не предпочитает то или иное из них, не говорит никогда: «Я безгранично чист». Разорвавши узел привязанностей, ничего более не жаждет он в мире.

8(794). Он — брахман, победитель греха; ничем не овладевает он из всего того, что видит и о чем знает; никакая страсть не волнует его; ни в чем не увидит он в ослеплении высшего в этом мире.

СУТТА V

1(795). Что человек, приверженный к толку, говоря: «Вот это самое прекрасное», считает высшим в мире,

со всех сторон отличным от того, что он считает дурным, — в том открывается для него обильный источник пререканий.

2(796). Видя в самом себе верного судью всего видимого, слышанного или узнанного, судью добродетелей и дел благочестия, он смотрит на все другое, не признанное им, как на дурное.

3(797). Тот знаток называет правдою те узы, будучи зависим от которых, он и смотрит на все остальное как на дурное! Пусть же нищенствующий освободится от зависимости от всего видимого, слышимого, сознаваемого, от обычных добродетелей и дел благочестия.

4(798). Пусть не создает он учений ни путем знаний, ни путем добродетели и дел благочестия, пусть он не выставляет себя ни равным другим, ни низшим среди них, ни различным от них.

5(799). Отбросив все привлекавшее прежде, ни к чему не привязываясь, он не зависит ни от чего в познании. Он и не входит в близкие сношения с теми, которые порабощены тем или иным учением, он не возвращается к толкованиям философов.

6(800). Кто не влечется ни к тому, ни к этому концу, кого не манит возрождение в существовании ни в этом, ни в том мире, тот не ищет своему духу места отдохновения в том, что принято в тех или иных учениях.

7(801). Кто не имеет предвзятых воззрений относительно видимого, слышимого и измышленного —

каким же путем и кто бы мог поколебать того брахмана, кому равно безразличны все толки?

8(802). Он не составляет учений, не отдает предпочтения тому или иному из них, его не восхищают те добродетели и благочестивая жизнь, которые так прославляются здесь: отплыв к иному берегу, он уже никогда не возвратится сюда.

СУТТА VI

1(803). О, быстро проходит эта жизнь; проживя даже и сто лет, человек умирает, и более еще проживет он, все же умрет, согбенный годами.

2(804). Самолюбие приносит людям страдания, непрестающие заботы добивают людей, весь мир стонет в отчаянии — пойми это и навсегда оставь свое жилище!

3(805). То, чем дорожит человек, о чем думает: «Вот это мое», — разве удержит он у себя, умирая? Пойми это и, следуя по моим стопам, не задумывайся более о покинутом мире.

4(806). Как пробудившийся не видит того, с кем он встретился в сновидении, так и милых ему умерших человек уже никогда не увидит.

5(807). Люди носят здесь имя, их видят и слышат; но по смерти от них остается всего только имя их!

6(808). У жадных, себялюбивых не иссякает печаль, сетования и жадность; Мудрый же, покинувший жадность, грядет, провидя радости успокоения.

7(809). Нищий, шествующий несвязанным, с духом, затворенным от внешнего, не увидит себя вновь на этом пути существования.

8(810). Никогда не услаждается здесь Мудрец, никогда не горюет; печаль и жадность не вливаются в его сердце, как вода на листок лотоса.

9(811). Нет, никогда капля воды не удержится на листке лотоса, никогда Мудрый не прилепится ни к чему из того, что видимо, что слышимо и что сознано.

10(812). Кто стряхнул с себя все греховное, тот ничего не воспримет в жадности из видимого, слышимого и сознанного: он не ищет очищения посредством другого, ибо ничто, идущее извне, не радует и не огорчает его.

СУТТА VII

1(813). «Скажи мне, о Славный! — так говорил достойный Тисса Метейя, — о падении того, кто предался похоти; слыша твое наставление, мы поучимся уединению».

2(814). «Тому, кто предан похоти, о Метейя, тщетны все поучения, он сам вредит себе в жизни — вот что в нем низко.

3(815). Кто прежде в одиночестве шел своим верным путем и вот теперь ниспал до похотей, тот не остановится уже, как покотившаяся колесница; пусть же не сет он имя низкого человека!

4(816). Его бывшая слава и честь навсегда потеряны для него. Видя то, пусть человек навсегда оставит похотливые вожеления.

5(817). Кто, не управляющий сам своею мыслью, скупится на размышления, тот, слыша от других посямляющее слово, впадает в недовольство.

6(818). Он добывает тогда себе оружие, скованное учениями других, становится весьма жаден и попадает на путь неправды.

7(819). С именем „мудрого” вступив на путь уединенной жизни, вот он вновь подпадает обаянию похоти и вновь страждет, как прежде, безумец!

8(820). Сознавая это бедствие, пусть мудрец от начала до конца крепко соблюдает свою жизнь уединения, пусть он не предается похоти.

9(821). Пусть затворится он в себе — это лучшая участь для благородного; но никогда, даже приблизившись к Ниббане, пусть он не думает о себе как о лучшем из людей.

10(822). Все существа, закованные в цепи похотей, завидуют Мудрому, шествующему в пустоте желаний, не привязанному к похоти, пересекшему течение».

СУТТА VIII

1(823). В одних учениях упоминается «чистота», в других же она не допускается; к чему склонны учителя, то они называют добрым и усердно настаивают на утверждаемых ими положениях.

2(824). Ищущие ученых пререканий, собравшись кучей, как глупцы, пятнают друг друга, возбуждают споры, жаждут похвал и считают себя знатоками.

3(825). Вот он среди собрания жаждет похвал и мечется во все стороны; когда отразят его возражения, он становится недовольным, гневается на других за их замечания — он, сам в них искавший ошибок.

4(826). Когда же те, кто следят за беседой, говорят, что он проиграл в споре, что отражены все его возражения, он сетует и печалится, побежденный в споре; «Он победил меня», — так говоря, он скорбит.

5(827). Эти споры возникли среди саман, в них сеются обиды и наущения; сознавая, ты оставь всякие споры, ибо это не что иное, как путь возможности получать восхваления.

6(828). Если же ему удастся выяснить предмет спора и его восхваляют, тогда он смеется и радуется, кичится своим разумом.

7(829). Но что принесло тот восторг ему, говорящему теперь так гордо и заносчиво, то же будет потом и полем его поражения; сознавая, пусть никто не вступает в собеседные споры, ибо не приносят они очищения — вот как мыслят о том мудрые, сведущие.

8(830). Как герой, напитанный царской пищей, идет вопя, жаждущий встретить себе противника: «Где ты? Выходи сюда, герой!» — так и тут вызывают на борьбу в ученых диспутах.

9(831). Кто, защищая то или иное учение, спорит и повторяет: «Вот единственная истина», — тому ты скажи, когда возникнет спор: «Здесь нет для тебя противника».

10(832). Кто шествует, затворившись в своем духе, не избирая между толками, — какое же ты в нем можешь встретить сопротивление, в нем, который в этом мире ничего не считает за лучшее?

11(833). Если ты в своем духе все еще предан размышлению об учениях философов, ты, хотя и войдешь в одно ярмо с тем, кто стряхнул с себя все греховное, но не будешь в состоянии дружно идти с ним вместе рука об руку.

Сутта IX

1(834). «Даже видя прекрасных дочерей Мары, я не чувствовал в себе похотливых влечений, — говорил Будда, — что же мне в теле твоей дочери, наполненном водой и выделениями? Я не попру его даже своею ногой!»

2(835). «Ты отвергаешь такую жемчужину — эту женщину, которую жаждут даже многие цари?! Какое же учение исповедуешь ты, какие проповедуешь добродетели, дела благочестия?»

3(836). «Так говорю: я испытал все учения, и нет ни одного из них, достойного, чтобы я принял его; видя ничтожество всех учений, не предпочитая ни одного из них, взыскаю истину, я узрел „внутренний мир”».

4(837). «Ты испытал все решения, ранее составленные, и не предпочел ни одного из них! Но как же объясняешь ты, Мудрый, тот „внутренний мир“, о котором упомянул ты?»

5(838). «Ни решением философов, ни преданием, ни знанием, ни добродетелью и благочестием никто не познал, что чистота существует; но и ни отсутствием решения, ни отсутствием добродетели и благочестия: отринувши это и не предпочитая ничего иного, пусть человек освободится от зависимости и успокоится — пусть не жаждет он более существования».

6(839). «Если ты говоришь: ни решением философов, ни преданием, ни добродетелью и благочестием никто не узрел, что чистота существует, но, с другой стороны, никто не достиг того и отсутствием философских решений, отсутствием предания и научения, добродетелей и подвигов благочестия, — то я считаю твое учение безумным, ибо ведомо мне, что многие достигают чистоты путем философских учений».

7(840). «Спрашивая меня относительно философских мнений, ты уже впал в пристрастие к тому, что раз было принято тобой, а о „внутреннем мире“ ты не составил себе даже малейшего понятия — оттого-то ты и назвал эту мысль безумной».

8(841). Кто думает о себе, что он равен другим, или отличен от них, или ниже их, тот то на том, то на другом основании все вступает в споры; но кто неизменчив среди трех тех условий, для того не существует мысли ни о „равном“, ни об „отличном“».

9(842). Разве тот брахман, для которого не существует понятия „равного” и „отличного”, скажет: „Это верно” — или будет оспаривать других, говоря: „Нет, это ложно”? Да и с кем же он вступил в пререкания?

10(843). Покинув свое жилище, скитаясь без крова, ни с кем не дружась по поселкам, в свободе от жажды, не желая будущих существований, пусть Мудрый ни с кем из людей не вступает ни в споры, ни в пререкания.

11(844). Пусть возвышенный человек не вступает в философские споры, узнав учения, отличные от того, в котором он ходил доселе; как к иглистому лотосу не пристанет ни вода, ни тина, так и Мудрый, исповедник успокоения, свободный от жадности, не влечется ни к миру, ни к усладам плоти, обычным в нем.

12(845). Совершенный человек не кичится ни своими мыслями, ни своим учением — он не из тех людей, чьим обычаем это свойственно; ни благочестие, ни предание не поведут его, не приведут ни к одному из здешних мест обычного отдохновения разума.

13(846). Кто свободен от целей, для того нет целей; кто освободил свой дух разумением, для того нет земных мечтаний; но те, кто увлечены целями и философскими учениями, бродят по свету, только докучая другим».

СУТТА Х

1(847). «За какие добродетели, за какие помышления почтется человек именем Тихого? Спрошенный о лучшем из людей, объясни мне то, о Гаутама!»

2(848). «В ком еще до разрушения тела разрушены все желания, кто не связан здесь ни с концом, ни с началом и не затерялся в середине, тот ничего более не предпочитает здесь.

3(849). Свободный от гнева, свободный от страха, свободный от кичливости, свободный от низких поступков, с речью мудрой и скромной проживает Мудрец, укротивший себя совершенно в речи.

4(850). Не желающий будущего, он не влечется и к памяти прошлого — он затворился в себе от всяких прикосновений, и никакие учения школ не поведут его.

5(851). Он не привязчив, не лжив, не завистлив, не жаден, не надменен и не предан злословию.

6(852). Не жаждущий приятных вещей, не преданный мечтаниям, милосердный и кроткий, не легковерный, разумный, ничем не огорчается он здесь.

7(853). Любовью к прибыли не ведется он, не горюет, не гневается при потере; не смущенный желаниями, он не стремится жадно к приятным предметам.

8(854). Всегда ровный, размышляющий, он не считает себя ни ниже другого, ни одинаковым с ним, ни отличным от него, ибо нет для него никаких здесь желаний.

9(855). Человека, для которого нет ничего обольщающего, который обрел свободу в познании Дхаммы, для которого нет ни желания вновь возвратиться к существованию, ни желания расстаться с жизнью,

10(856). того назову я Тихим, не ищущим плотских наслаждений; никаких цепей здесь уже нет для него, и желание навсегда сокрушено им.

11(857). Ни сыновей, ни скота, ни полей, ни богатств не существует для него, и не найдешь в нем никакого отвращения и никакого влечения.

12(858). Тех ошибок, за которые упрекают его саманы и брахманы и простые люди, нет у него, и оттого те толки его не смущают.

13(859). Свободный от привязанностей, не жадный, мудрый не споткнется здесь ни о равное, ни о низшее, ни о различное, он не входит во время, он освобожден от него.

14(860). Для кого нет ничего во всем мире, что он назвал бы своим, кто не печалится о том, чего уж нет более, кто не следует правилам, любезным людским похотям, тот назовется Тихим».

Сутта XI

1(861). «Скажи, откуда идут споры и соревнования, печали и сетования вкупе с завистью и гнев и мечтание вместе со злословием; откуда исходят они, скажи мне, прошу тебя».

2(862). «От милых предметов возникают соревнования, споры и сетования, и печаль вместе с завистью, и гнев, и мечты, и злословия; пререкания и споры связаны с завистью, и клевета легко зарождается в них».

3(863). «Откуда исходят в мире дорогие предметы? И откуда жадность, владычица мира? И желание, и исполнение откуда возникают здесь?»

4(864). «Из жажды возникают дорогие предметы в мире и жадность, владычица мира; в ней же зарождаются желания и исполнения».

5(865). «Как зародилась та жажда в мире? И те решения, которые питают желание? Страх, и ошибки, и сомнения? И откуда возникло то Учение, которое возвестил нам Пустынник?»

6(866). «Что названо было сладким и горьким, то породило здесь жажду; увидев разрушение и возникновение в телах, человек составил решения в этом мире;

7(867). страх, сомнения и ошибки — все это связано вместе; пусть сомневающийся потрудится на пути мудрости, приникнет к истинам, возвещенным Пустынником».

8(868). «Откуда идут те сладости и горечи мира и жаждой чего они возникают? И откуда рождается то понятие „зарождения и разрушения“, о котором упомянул ты?»

9(869). «Сладость и горечь возникают в прикосновениях — где нет соприкосновения, там ни горечи,

ни сладости никогда не бывает. Тут же лежит и начало „разрушения и зарождения“, о котором упомянул ты, — вот что я говорю» .

10(870). «Как возникает соприкосновение в этом мире? Откуда вырастает влечение? Желанием чего угащается здесь любовь к себе и чем сокрушается жажда прикосновения?»

11(871). «С видом и именем связано соприкосновение, и в желании коренится влечение; угащением желаний уничтожается любовь к себе, уничтожением вида уничтожается и соприкосновение».

12(872). «Каков же должен быть тогда человек, чтобы вид перестал существовать для него? Как могут заглотнуть здесь радости и страдания? Скажи мне, как же все это может перестать быть — скажи, чтобы мы могли ясно познавать себя».

13(873). «Если не будет человек ни с природным сознанием, но и не с бессознательностью безумного, ни без сознания, ни с исчезнувшим сознанием — тогда вид перестанет существовать для него, ибо обольщение видом коренится в осознании».

14(874). «О чем мы вопрошали тебя, то ты объяснил среди нас; теперь мы о другом спросим тебя — ответь нам: не говорят ли некоторые, почитаемые здесь мудрыми, что главная вещь — очищение злых духов, но не утверждают ли также и отличного этому?»

15(875). «Некоторые из прославленных здесь мудрыми говорят, что главная вещь — очищение злых духов;

другие же говорят — уничтожение; но мудрые, сведущие знают, что высшая чистота есть отсутствие всех пяти качеств.

16(876). Зная, как легко возникает зависимость, зная вещи, от которых зависят здесь люди, зная путь освобождения от зависимости, испытующий Мудрец не вступает в словопрения — он никогда и ни к чему не возвращается вспять».

Сутта XII

1(877). Закосневшие в принятых воззрениях, многие люди, вступая в собеседные пререкания, провозглашают сами себя знатоками, говоря: «Кто так понимает, тот знает Закон, кто же противится тому пониманию, тот несовершенен».

2(878). Вступая в пререкания, они восклицают: «Мой противник — глупец, невежда», — вот что говорят они... В каком же из учений истина, ибо ведь каждый из спорщиков заявляет себя единственно сведущим?

3(879). «Кто не признает такого толкования, тот глупец, подобен животному, человек скудоумный — все они, остальные, глупцы, малоумные, все они закоснели в своих толках;

4(880). мы же, путем своего учения, достигли верного очищения, мы — люди чистого понимания, сведущие; глубока наша мысль, нет никого среди нас людей малого разума, наши понятия совершенны!»

5(881). Я не говорю «это верно» про то, чем глупцы взаимно пятнают друг друга; свои собственные воззрения они приняли за непреложную истину, и оттого всех остальных называют глупцами!..

6(882). Что одни называют истиной, действительностью, то другие зовут пустотой и ложью; отсюда возникают их споры, начинаются словопрения. Отчего же саманы не утверждают одного и того же как истину?

7(883). Ибо есть только одна истина, нет двух истин — и для разумного человека никогда не будет причин к пререканиям с другим разумным; если же каждый из саман восхваляет то то, то другое как истину — тогда они и не могут утверждать одного и того же.

8(884). Отчего же те спорщики, что объявили каждый себя знатоками, возглашают различные истины? Оттого ли, что много различных истин есть на свете, оттого ли, что каждый из них верит слепо только своему пониманию?

9(885). Нет многих различных истин в мире, нет вечных, кроме Единой. Но, рассуждая о разных философских учениях, они возгласили Двойную Дхамму: ложь и истину.

10(886). В суждениях о видимом и слышимом, о добродетелях и делах благочестия, о мыслях и учениях других людей они, смотря на других с презрением и будто обрадовавшись тому решению, упрямо установились на своем понимании, говоря: «Наши противники — все глупцы и невежды».

11(887). Кто других называет глупцами, тот самого себя всегда называет знатоком и думает про себя, что только он один говорит правду, а других порицает.

12(888). Переполненный философскими учениями в безумстве гордости мнит себя всесовершенным, свои воззрения — непревосходимыми и себя особенно одаренным!..

13(889). Если он, согласно молве, низок, тогда и других он называет людьми низкого понимания; если же его восхваляют как мудрого, совершенного, то и среди тех восхваляющих он не видит уже ни одного глупца.

14(890). «Кто преподает учение, несогласное с нашим, тот скоро отпадает от чистоты, тот — несовершенный», — так не устают повторять они, страстно привязанные к своему учению.

15(891). В одних учениях упоминается чистота, в других же не допускается вовсе. Вот одни утверждают, что пути, которым поучают они, непоколебимы,

16(892). и, говоря, что непреложны пути, возведенные их учением, те спорщики называют своих соперников глупцами, и вот, называя своих соперников глупцами и нечистыми, они начинают раздоры.

17(893). Кто уперся в своих решениях, кто только себя считает верным мерилom, несравненным наставником, тот все более и более затягивается в словопрениях; кто отбросил все те решения, тот никогда не вовлечется ни в какие споры на свете.

СУТТА XIII

1(894). «Кто, закосневши в своих воззрениях, вступает в спор, говоря: вот — истина, тот то возбуждает порицания, то заслуживает похвалы.

2(895). Этого мало, этого недостаточно, чтобы достичь тишины и спокойствия; я говорю, что те пререкания принесут два плода... Сознавая то, пусть никто не вступает в споры, провидя Ниббану — то место, где не возникнет никакое соревнование...

3(896). Мудрый не примет тех мнений, которые выросли среди людской толпы: он независим. Ничто слышимое, ничто видимое не прельщает его — и он ли поработит себя той или иной зависимостью?

4(897). Те, кто в добродетели видят высшее, говорят, чистота соединена с самоограничением; они подвизаются, приняв дела благочестия. Посмотрим же, какова чистота в этом учении. Жажда существования, они сами себя объявляют знатоками.

5(898). Отпадая от добродетели и благочестивой жизни, он дрожит, нарушив принятое на себя; он сетует, он молит о чистоте в этом мире, как тот, кто потерял свой караван или заблудился вдали от дома.

6(899). Если же оставил он добродетель и дела благочестия, дурное и непорочное дело, то, не прося ни чистоты, ни нечистоты, он идет, потеряв и чистое, и нечистое, не обретши успокоения.

7(900). Посредством покаяния или отвращения к чему-либо из видимого, слышимого и создаваемого

восходя, они плачут о чистоте, не будучи свободны от жажды и повторного существования.

8(901). Кто одержим желанием, в том не угасает влечение, и к его намерениям всегда примешивается страх; но кому не грозит ни смерть, ни возрождение — как может зародиться в том влечение, как может зародиться в том страх?»

9(902). «Что одни называют величайшей истиной, то другие называют неправдой на земле; где же здесь правда, скажи? Ведь и те, и другие называют себя единственными знатоками».

10(903). «Их учение — совершенно, учение других — ложь и зло; и вот, когда всякий считает только свое мнение истинным, неминуемо возникают тогда раздоры.

11(904). Если одно учение низменно, по словам других, то тогда в этом отношении нет никакого различия между учениями, ибо в каждом из них утверждается, что учение других низменно, но в своем каждый видит безусловно верное».

12(905). О, велик восхваляющий свое собственное учение — он велик, как велико восхваление им своих путей; в этом равны все толки, ибо чистота, возвещаемая ими, основывается на их противоречивых мнениях.

13(906). Но нет ничего, что подчинило бы себе верного брахмана, нет тех учений, которые он принял бы, испытав их; он возвысился над всеми спорами, и ни в чем не увидит он истины, кроме лучшей Единой!

14(907). „Я понимаю, я это верно знаю” — с такими словами иной обращается к чистоте в своих философских воззрениях. Если же он увидел чистоту, то что же было пред взглядами других? — ведь он победитель тех, которые утверждают, что для них с их воззрениями существует чистота!..

15(908). Зрячий увидит имя и вид, и, увидев, признает их; но — пусть его видит ясно или тускло! Кто верно знает, тот знает и то, что не видом и именем созиждется чистота.

16(909). Догматик — не водитель к чистоте; он сам ведется предвзятыми мнениями, когда говорит, что добро — в том, что он преподавал, и что чистота — такова, каковою он ее понимает.

17(910). Мудрец не подчиняется времени и не входит в число существующих, он — не последователь философских толков и не друг поучениям; проникнув в суть мнений, возникших в людской толпе, он равнодушен к учениям, побеждающим других.

18(911). Мудрый, забывший все цепи этого мира, не участник обычных здесь словопрений, так легко возникающих всегда; успокоенный среди беспокойных, он не хватается за учения, которые принимают другие, — все они безразличны ему.

19(912). Отбросив все былые страсти, не принимая и новых, не водимый на своем пути желаниями, не будучи приверженцем философских воззрений, но — мудрым, он ни с чем не связан здесь и не посягает себя.

20(913). Заключившись в себе среди всех учений, что основаны на виденном, или слышанном, или сознанием, — тот Мудрец сбросил с себя прежнее бремя и свободен, не привязанный к учению времени, не умерший, ничего не жаждущий».

Вот как учил Блаженный.

Сутта XIV

1(914). «Я вопрошаю тебя, великого Мудреца, об уединении в духе — о том состоянии покоя. Как премудрый монах угасает, ни к чему не привлекаясь более в мире?»

2(915). «Пусть он вполне вырвет тот корень, который называется корнем обольщения, пусть не похваляется в сердце своем: „Как я мудр!“ — так сказал Блаженный, — но пусть в неустанном размышлении научается укрощать все возникающие в его сердце желания.

3(916). Пусть он раздумывает о значении всего внешнего и внутреннего, но пусть он не гордится тем — той гордостью он отдалится от блаженства, поведенного Мудрым.

4(917). Пусть не думает о себе, что он равен другим, или ниже других, или что он отличен от них; вопрошаемый многими, пусть не превозносится он.

5(918). Пусть в духе своем умиротворится нищенствующий и не думает, что покой придет к нему извне; чей дух затих, того ничто не привлекает более, ничто не отталкивает.

6(919). Как в глубине моря не рождаются волны, но все пребывает в покое, так и нищий пусть будет покоен; никогда ничего не жаждет, ничего не желает».

7(920). «Глубоко ты разъяснил нам истину, которая совлекает все опасности, о Прозревший; поведай теперь о правилах самоуглубления в мудрости».

8(921). «Не имейте жажды к тому, что видите, закройте уши от людских разговоров; пусть никто не влечется к сладким вещам, пусть ничего в этом мире не желает.

9(922). Если коснется его грешное прикосновение, пусть нищенствующий не сетует, пусть не жаждет он никакой жизни и не страшится опасностей.

10(923). Получая вареный рис и питье, пищу и платье, пусть он не накапливает, получая много, и не сетует, когда соберет мало.

11(924). Не вмешиваясь в людские распри, пусть пребывает он в глубоком раздумье, пусть оберегает себя от всего дурного, не будет беспечен — пусть уединенно проживает нищенствующий в своей тихой обители.

12(925). Пусть не спит он много, ревниво призывая себя к бодрствованию, пусть откинет он леность и обман, смех и игры, прелюбодеяния и украшения.

13(926). Пусть мой последователь не посвящает себя ни гаданью по снам и приметам, ни предсказаниям по звездам, ни толкованию крика птиц, ни помощи в оплодотворении и ни иному какому врачеванию.

14(927). Пусть нищенствующий не боится порицания и не возносятся, когда его хвалят; пусть сорвет с себя всякую жадность и скупость, страхи и злословие.

15(928). Пусть он не вовлекается ни в продажу, ни в куплю, никогда не порицает никого, проходя по селению, не вступает в раздоры и не поучает людей ради прибыли.

16(929). Пусть он никогда не хвалится, не вступает в пустые беседы; пусть не подает примера горделивости, никогда не говорит бранных слов.

17(930). Пусть не вступает он на путь лжи и ошибок, никогда не творит ничего дурного; пусть никогда он не пренебрегает никем в пропитании, в добродетели и в делах благочестия.

18(931). Слыша многие речи от многоречивых саман, пусть он не раздражается, на их речи не отвечает грубой речью — благие никогда не перечат другим.

19(932). Пусть неустанно трудится нищенствующий в понимании благого учения; поняв, что блаженство — в мире душевном, пусть он не забывает велений Гаутамы —

20(933). его, без научения и предания, своими глазами узревшего Истину, его, победителя, никем не побежденного; пусть ревностно исполняет последователь все, завещанное Блаженным, и прославляет его!»

Сутта XV

1(934). Кто в руки взял жезл, тот нагоняет страх. Взгляни на людей, избивающих друг друга; я хочу говорить о печали, как я изведаль ее.

2(935). Когда я увидел: вот мечутся люди, как рыба в садке, где мало воды, вот они ставят помехи в жизни друг другу, — на меня напал страх.

3(936). Не тверд, не устойчив этот мир, и все звенья его потрясены в конец; ища себе обители, я не увидел ни одного бездомного.

4(937). И когда увидел, как встревожены здесь все существа, я огорчился глубоко; тогда я увидел в мире стрелу, никем не зримую, вонзенную в сердце.

5(938). Кто пронзен тою стрелой, тот рвется во все стороны; кто извлек из себя стрелу, тот не стремится вовсе; стал спокоен.

6(939). Много учений прошло через мир, но — кто сам закован в цепи, того не зови расковать себя; побеждая до конца желания, учись подвигу угашения.

7(940). Пусть мудрец будет правдив, смиренен, не коварен, свободен от клеветы и гнева, побеждает скупость.

8(941). Пусть тот, кто обратился духом к Ниббане, побеждает сонливость, беспечность и леность; пусть не живет он в дремоте, не отдается мечтаниям.

9(942). Пусть не вовлекается он в ошибки, не увлекается видом; пусть сразит он надменность и идет в кротости, гнушаясь насилия.

10(943). Пусть не восторгается древним, пусть не увлекается новым, не скорбит о потерянном, не предается желаниям.

11(944). Те желания называю я жадностью, бурным течением, омрачением, стремительностью, трудно проходимой трясиной похотей.

12(945). Мудрый, не отпавший от Истины, твердо стоит на твердой основе; тот брахман, все оставивший в этом мире, назовется Тихим.

13(946). Он — мудрый, он — совершенный, познавший Истину, независимый; верным путем идет он на этом свете, никому не завидуя.

14(947). Победивши жажду — эту жажду, трудно победимую в мире, он не печалится и не жаждет, пересекши течение, избежав всяких уз.

15(948). Что лежит пред тобою, то отстрани ты; ничего не оставляй и позади себя; не привязываясь к тому, что в середине, ты пойдешь своим путем, успокоенный.

16(949). Кто ни с видом, ни с именем не связан здесь жаждой, кто не грустит о прошедшем, тот вышел из области смерти.

17(950). Кто не думает: «Вот это — мое» — и не думает: «И у других есть тут нечто» — тот, не связанный любовью к себе, ничего не имеющий, никогда не скорбит.

18(951). Кому неведома ни жестокость, ни жадность, кто ничего не желает, всегда неизменен — тот, неустрашимый, пришел здесь к благому концу.

19(952). Кто освободился от желания, для того, различающего, более нет самкхар; воздержавшись от стремлений, он обретает счастье.

20(953). Мудрый не полагает себя ни среди равных, ни среди низших, ни среди различных; будучи тихим и свободным от жадности, он ни к чему не привязан здесь, он ничего и не презирает.

СУТТА XVI

1(954). «Никогда прежде я не видел подобного, — так говорил славный Сарипутта. — И никто никогда не слышал о подобном вещателе прекрасного слова, наставнике, снисшедшем к людским немочам.

2(955). Разогнав все мраки, он, ясно зрящий, явился миру людей и богов — и вот среди людей проходит он, одинокий.

3(956). К тому нищенствующему, независимому, неизменному, непорочному я прихожу с мольбой, вопрошая о людях, связанных в этом мире, —

4(957). к тому нищенствующему, отдалившемуся от мира и его страстей, избравшему уединение, обитающему при корнях деревьев, или на кладбище, или в горных ущельях!

5(958). Сколько опасностей в тех убежищах, которые избрал себе нищенствующий, но он не страшится их, тихий!..

6(959). Сколько опасностей в этом мире тому, кто шествует к бессмертной обители, но он победил их все в своем смиренном убежище!..

7(960). Каковы слова, каковы вещи в этом мире, каковы добродетели и святые дела, которые надлежат здесь усердному нищему?

8(961). Каково то учение, предавшись которому, он очистит себя от всего нечистого, как кузнец отчищает грязь с серебра, — очистится в мудрости, видя всегда пред собой великую цель?»

9(962). «Что любезно тому, о Сарипутта, — сказал Блаженный, — кто отвратился от смерти и рождения, кто сокрылся в уединенной обители, возлюбил совершенство просветления в согласии с Истиной, о том тебе поведаю я.

10(963). Пусть нищенствующий, в мудрости и раздумье скитаясь по миру, не боится пяти опасностей: оводов, мух и змей, соприкосновения со злыми людьми и четвероногих животных.

11(964). Пусть он не боится противников, даже видя от них много опасностей; все опасности, которые встретит он на пути своем, он поборет, если искренне ищет благостного.

12(965). Тревожимый болезнью и голодом, пусть он спокойно выдерживает и чрезмерный жар, и стужу, пусть он, тяготимый ими в том или ином виде, будучи бездомным, укрепляется в строгом воздержании.

13(966). Пусть он не крадет, не говорит лживо, пусть только дружбой прикасается ко всему слабому и сильному, а в чем признает он волнение духа, то пусть отбросит, ведая, что близок тут Мара.

14(967). Пусть не подчинится он силе гнева и надменности; вырвавши корень их, пусть проживает, побеждая все приятное и неприятное здесь.

15(968). Ведомый мудростью, радуясь благу, пусть развеет он все опасности, победив недовольство, сокрушив все четыре причины печали.

16(969). Что-то буду я есть? Где же буду я есть? Дурно провел я прошлую ночь! Где же эту ночь придется провести мне? — пусть ученик, странствующий без крова, поборет эти сомнения и печали.

17(970). Приняв в должное время пищу и одеяние, пусть он соблюдает умеренность ради верного счастья на свете; охраненный в соблазне от этих вещей, в строгом воздержании проходя по селению, пусть на злые слова он никогда не отвечает злобой.

18(971). Пусть проходит он селением с опущенным взором, не упрашивая, в раздумье и внимательности; близясь к успокоению, пусть он укрощением духа разрушит в нем корень сомнения и дурного дела.

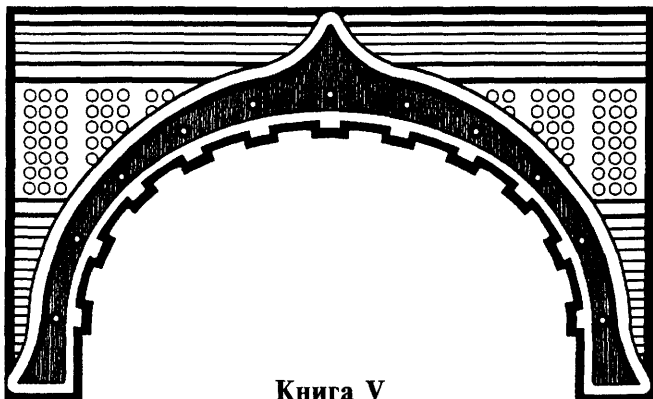
19(972). Просимый словами наставников, пусть в раздумье он радуется той просьбе; пусть в своих учениках разрушает он всякую настойчивость; пусть его слово всегда будет благовременно и никогда — неуместно; пусть даже в мыслях своих он никого никогда не поносит.

20(973). Вот пять нечистот на свете — победе над ними должен в раздумье учиться нищенствующий: страсть к виду, звуку и вкусу, к запаху и прикосновению.

21(974). Пусть нищенствующий победит в себе влечение к ним, пусть помышляет только о Вечной Истине. К ней лишь, единой, обратившись освобожденным духом своим, он рассеет все мраки».

Так поучал Блаженный.

Книга V PARAYANAVAGGA

Сутта I

1(975). Из прекрасного города Козалы вышел брахман, певец чудных гимнов, ничего не жаждущий.

2(976). На отмелях реки Годхавари остановился он, собирая подаяния,

3(977). где неподалеку лежало богатое селение; собрав великие дары, он принес обильную жертву.

4(978). Принеся великую жертву, он уединился в своем убежище. Тут пришел к нему другой брахман,

5(979). с распухшими ногами, дрожащий, покрытый грязью, с запыленными волосами. И придя к брахману, он попросил у него пятьсот монет.

6(980). Бавари, встретив его, усадил и спрашивал, доволен ли он, счастлив ли. Потом сказал ему:

7(981). «Все дары, которые были у меня, я раздал уже; прости меня, о брахман, у меня нет пятисот монет».

8(982). «Если ты не даешь мне, просящему, пусть голова твоя расколется на седьмой день на семь частей!»

9(983). Так произнес тот нечестивец свое страшное проклятие!.. Услышав слова его, впал в тоску брахман Бавари.

10(984). Не принимая пищи, стал он худеть, пронзенный стрелою печали; только дух его услаждался раздумьем.

11(985). Видя, что тоскует Бавари, страшится, благосклонный дух приблизился к нему и сказал:

12(986). «Не бойся, это — низкий лицемер, жаждущий чужого добра; он бессилен в проклятии на твою голову, он не обладает силой заклясть ее».

13(987). «Если ведомо то славному духу, пусть он, спрошенный, поведает мне о власти проклятия на голову — мы вникнем в слова его».

14(988). «Нет, это неведомо мне — только Буддам открыто то знание».

15(989). «Кому же теперь здесь, на земной поверхности, ведомо это — поведай мне, дух!»

16(990). «Некогда вышел из Капиляватту великий Рулевой мира, отрасль царского рода, сын Шакья, несущий свет;

17(991). он, о брахман, совершенный Озаренный; он достиг силы всех знаний, невосполнимый; все открыто

очам его; он разрушил все звенья жизни и радуется, свободный, в Ниббане;

18(992). он — Будда, он — Блаженный на свете, проникший в суть всех вещей, поучает Истине; к нему пойди ты, его спроси, — он один только все может изъяснить тебе».

19(993). Услышав слово «Озаренный», Бавари возрадовался, улеглась его скорбь и загорелась в нем радость.

20(994). В радости и в восхищении спросил Бавари: «Где же живет он, глава мира, в каком селении, в каком городе, в какой местности, чтобы могли мы пойти и почтить Озаренного, первого из людей?»

21(995). «В Саватги живет Победитель, муж великого разумения, обладатель безграничного знания, — он, сын Шакья, не вошедший в ярмо этой жизни, не связанный страстью».

22(996). Тогда Бавари сказал ученикам своим, брахманам, совершенным в гимнах: «Придите, прислушайтесь к словам моим:

23(997). тот, кто так редко является в мире — он родился теперь; велика слава его, Озаренного; спешите в путь посмотреть лучшего из людей!»

24(998). «Как же мы узнаем, увидев его, что он — Будда, брахман? Нам, не знающим его, скажи ты, как узнать его?»

25(999). В гимнах указаны знаки, отметившие великого человека, и всего их тридцать два, число в число».

26(1000). «На чьем теле есть знаки великого человека, пред тем лежат два пути и нет третьего.

27(1001). Если живет он в жилище, он без жезла и меча подчинит себе землю и справедливостью будет властвовать над ней.

28(1002). Если ж покинет он родной кров ради пустынножительства, он становится Блаженным, несравненным Буддою, Озаренным, сорвавшим покрывало с лица мира.

29(1003). Вы про себя вопрошайте его о моем рождении и роде, о знаках на моем теле, о гимнах и других моих знаниях и о проклятии на голову;

30(1004). если он верный Будда, кому все открыто, он словами ответит на то, о чем вы в уме спросите его».

31(1005)—33(1007). Услышав слова Бавари, шестнадцать учеников его, каждый со своими учениками,

34(1008). все они, славные мыслители, радостные в размышлениях, мудрые, благоухающие добродетелью,

35(1009). поклонившись Бавари и обойдя вокруг него, все с заплетенными волосами, неся шкуры, отправились в путь лицом к северу.

36(1010)—39(1013). Как жаждущий спешит к воде, как купец гонится за прибылью, как изнемогший от жары рвется к тени, так поспешно взошли они на гору.

40(1014). В то время Блаженный, окруженный учениками своими, поучал их Закону; голос его был подобен голосу льва в лесу.

41(1015). Первый из учеников Бавари увидел в нем как бы солнце без лучей, полный месяц на пятнадцатый день.

42(1016). Оглядев его члены и заметив все знаки в полности, он, стоя в стороне, обрадованный, спросил его в уме своем:

43(1017). «Скажи мне о рождении моего учителя, о его роде, о знаках на его членах, о его совершенстве в гимнах и сколько раз повторял он их».

44(1018). Совершенный сказал: «Имя его Бавари, ему сто двадцать лет от роду; два знака есть на его теле, и в трех Ведах совершенен он;

45(1019). пятьсот раз передавал он их, и в толковании своем достиг совершенства».

46(1020). Тут подумал первый ученик: «Объясни полнее знаки Бавари, о ты, лучший из людей, сорвавший все желания; пусть ни в чем мы не усомнимся в тебе».

47(1021). «Все лицо свое покрывает он языком, полукругом волос соединены его брови, — знай то, о юноша».

48(1022). Не слыша ничьих вопросов, слыша только ответы, окружавшие их воскликнули в восхищении, всплеснув руками:

49(1023). «Кто вопрошал его — Брама ли, боги ли или Индра, и кому отвечал он?»

50(1024). «Спрошенный мною о проклятии на голову Бавари, ответь, о Блаженный, развеи наши сомнения, о Мудрец!»

51(1025). «Голова — это неведение, знай ты; познание раздробляет голову, разбивает ее уверенностью, глубокой мыслью, раздумьем, решимостью и усердием».

52(1026). Тогда, успокоенный и обрадованный, юноша набросил шкуру на одно плечо, упал к ногам Совершенного и, поклонившись ему до земли, сказал:

53(1027). «О Достославный! О Ясновидящий! Брахман Бавари припадает к ногам твоим в восторге и радости!»

54(1028). «Пусть радуется Бавари с учениками своими, — сказал Совершенный, — и ты радуйся также, о юноша!»

55(1029). Ибо во всех вас — и в тебе, и в Бавари, и в учениках его — много сомнения; вот вам благоприятное время: вопрошайте, о чем задумали!»

56(1030). Получив разрешение от Блаженного, ученики Бавари, каждый по очереди, сидя со сложенными руками, вопрошали Блаженного.

СУТТА II

1(1031). «Какая туча закутала мир? Отчего он не светится? Что оскверняет его? В чем его великая опасность?»

2(1032). «Тучей неведения омрачился мир; от жадности он не светится; желание оскверняет мир; великая опасность его — страдание».

3(1033). «Вот повсюду несутся потоки желания; что же укротит их стремление, что остановит их бурный напор, чем запретятся потоки?»

4(1034). «Какие бы потоки ни неслись по свету — разум остановит их, мудрость укротит, и познанием запретятся они».

5(1035). «Чем сокрушается имя и образ — ответь мне, о Славный, прошу тебя!»

6(1036). «О том я поведаю, я разьясню тебе, чем сокрушится имя и образ: угашением сознания они сокрушатся».

7(1037). «О мудрый, славный человек, объясни, как должны жить постигшие истину — и ученики, и простые люди».

8(1038). «С успокоенным духом, без стремлений к телесным радостям, пусть в раздумии и мудрости идут познавшие истину».

СУТТА III

1(1039). «Кто доволен в этом мире? Кого ничто не волнует? Кто, познавший оба конца, не запнется на середине, касаясь ее пониманием? Кого назовешь ты великим человеком, кто в силах победить здесь желание?»

2(1040). «Монах, отринувший все плотские радости, свободный от желаний и размышляющий, не волнуется; и в середине не запнется он, коснувшись ее пониманием, ибо оба конца ведомы ему; его назову я великим человеком; он победит желания в этом мире».

СУТТА IV

1(1041). «Я вопрошаю того, кто проживает без желания, кто увидел корень греха, — я вопрошаю его

с мольбой: с какой целью мудрецы и простые люди, брахманы и воины приносят жертвы богам, обильным в мире? Спрошенный о том, о Блаженный, ответь мне!»

2(1042). «Все те мудрые и простые люди, все брахманы и воины потому приносят жертвы богам, обильным в мире, что, достигнув преклонного возраста, они жаждут пребыть в прежнем состоянии».

3(1043). «Все те мудрые и простые люди, все те брахманы и воины, что щедро приносят здесь жертвы богам, обильным в мире, — о брахман! открой мне: они, не устающие в приношениях, пройдут ли сквозь старость и рождение? Прошу тебя, о Блаженный, ответь мне!»

4(1044). «Они, славословя, только жаждут и ищут обильных радостей телу; и вот, умирая с той же страстью к жизни, они не пересекут рождения и старости, — так говорю я».

5(1045). «Но если уж и они, щедрые в приношениях, все же путем тех жертв не пересекут рождения и старости, то скажи мне, о славный человек, кто же в этом мире из людей и богов пересечет старость и рождение? Спрошенный мною, о Блаженный, ответь мне!»

6(1046). «Озаренный мудростью, ничем не потрясенный на свете, тихий, не тоскующий, не опьяненный страстью, ничего не жаждущий, пересечет здесь старость и рождение, — так говорю я».

СУТТА V

1(1047). «О Блаженный, я вопрошаю тебя: скажи мне, всесовершенный, воспрянувший духом, отчего всякая тварь здесь так страдает?»

2(1048). «Да, ты можешь вопрошать меня о начале страдания, я разьясню тебе, ибо это ведомо мне. Коренья в звеньях существующего, возникают страдания;

3(1049). на чье неведение опираются те звенья существующего, кто сам кует новые для той нескончаемой цепи, тот, малодушный, вновь и вновь подпадает страданиям; итак, пусть мудрый не поддерживает те звенья, пусть знает, что они вынашивают страдание».

4(1050). «Каким путем преодолееет мудрый течение, старость и рождение, печаль и сетования? Разьясни мне то сокровенное знание, ибо вечные законы всего ведомы тебе».

5(1051). «Я разьясню тебе тот закон, — и, если человек, житель видимого мира, освободив свой разум от мыслей обычного научения, поймет тот закон и избежит себе верный путь, он, подкрепляемый мудростью, победит все желания в этом мире».

6(1052). «Радость провижу я в нем, в том прекрасном законе, о великий Мудрец: да, познав его, человек верной мыслью направит пути свои и победит все желания в этом мире».

7(1053). «Не влекись к тому в восхищении, что наверху и внизу, что вдали и что в середине, ни к чему не

прилепляйся ни там и ни здесь — пусть дух твой вовсе не обитает в мире.

8(1054). В глубоком раздумии и усердии пойдешь ты тогда, нищенствующий, победив самолюбие, старость и рождение, скорбь и сетования, — облекшись в мудрость, ты откинешь всякое страдание».

9(1055). «Радуюсь слову твоему, о великий Мудрец, — глубока та истина, которую изъяснил ты, о Гаутама, истина о путях сокрушения звеньев цепи существования. Близкий к Вечному Закону, никогда не восстраждет Блаженный;

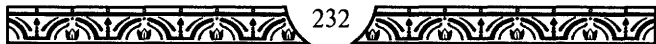
10(1056). и те забудут все скорби, кто постоянно вблизи тебя, кого ты поучаешь; и я, пришедший сюда, преклоняюсь пред тобой: о водитель, просвети меня!»

11(1057). «Ничем не владеющий, ничего не желающий в этом мире желания, совершенный брахман переплывет поток, преодолет его стремительность; неколеблемый, успокоенный, он причалит к иному берегу;

12(1058). в совершенной мудрости, не скорбящий, не жаждущий, не захваченный цепью возрождения, и старость, и рождение пересечет он, — так говорю я».

СУТТА VI

1(1059). «Я прошу тебя, о Блаженный, я жажду слова твоего, о великий Мудрец; пусть, вникая в твое поучение, я изведаю путь угашения».

2(1060). «Мужайся, иди сквозь мир в раздумии и мудрости, вникая в слово мое, — ты увидишь пути угашения».

3(1061). «Вот вижу я: этим миром людей и богов проходит брахман, лишь один ничего не жаждущий; о ты, все узревший, пред тобой склоняюсь я — освободи мой дух от сомнения!»

4(1062). «Я не иду освобождать тех в этом мире, кого побороло сомнение; познай великую истину — и ты сам пересечешь то течение».

5(1063). «О брахман, имей сострадание ко мне, научи меня пути уединения в себе, чтобы, поняв тот путь, я прошел чрез мир, утишенный, не побежденный им».

6(1064). «Путь к неизменному покою я поведаю тебе; поняв его, ты пройдешь этим миром в размышлении, победив все желания».

7(1065). «Радуюсь тому пути покоя, возвешенному тобой, великий Мудрец; поняв его, человек пойдет в мудрости, побеждая каждое желание».

8(1066). «Пойми же, что все в этом мире, и что вверху и внизу, и что вдали и в середине, — все только око-вы, и тогда жажда возвращения к миру вновь не загорится в тебе».

СУТТА VII

1(1067). «Одиноким, беспомощным, — увы! — я не одолею того великого потока; о Всевидящий, с чьей же помощью я преодолею его волны?»

2(1068). «В глубоком раздумии, ничего не замышляя, ни к чему не привязанный, ты пересечешь то течение; и дух твой, в ком угаснет всякое земное желание, обретет радости и днем, и в ночи, не тревожимый сомнением, не загрязненный плотскими уладами».

3(1069). «Тот, от кого отпали все страсти к телесным радостям, кто оставил здесь всякую вещь, сознавши радость возвышенной свободы покоя, — замирает ли он в своей жизни или же продолжается впредь?»

4(1070). «В ком угасли все страсти к телесным уладам, кто навсегда оставил здесь всякую вещь, тот, погруженный в радости возвышенной свободы, вовсе здесь не продолжается впредь».

5(1071). «Если же он остается, не продолжаясь впредь на множество лет, если он становится спокойным и освобожденным вполне, остается ли его сознание?»

6(1072). «Как пламя, затушенное порывом ветра, не существует уже более, так и мудрец, освобожденный от тела, исчезает, и нельзя сказать, чтобы тот мудрец все еще был где-то».

7(1073). «Исчез ли он только отсюда, или вовсе его нет нигде, или же он только навсегда освободился от недугов? Поведай же мне, о Мудрый, то глубокое знание, ибо Вечный Закон ведом тебе!»

8(1074). «Кто отошел, у того нет бывшего вида; но когда разрушены вещи, какое же представление может возникнуть о них?..»

Сутта VIII

1(1075). «Есть на свете мудрые, — так говорят люди. Как ты мыслишь о том? Того ли следует называть мудрым, кто обладает знаниями, того ли, кто овладел своей жизнью?»

2(1076). «Ни по учености, ни по преданию, ни по знаниям не назовется человек мудрым; только того, кто шествует без печали, свободный от желаний, затворившийся в себе в уединенном раздумии, назову я мудрым».

3(1077). «Все те брахманы и отшельники, которые говорят, что чистота достигается путем учений философов, по преданию, добродетелью, делами благочестия и другими путями, живя так, как живут, пересекут ли они старость и рождение, о славный человек? Прошу тебя, о Блаженный, скажи мне о том».

4(1078). «Пусть говорят все те брахманы и отшельники, что чистота достигается путем учений философов, или по преданию, или добродетелью и святыми делами и другими многими путями, — однако они, живя, как живут, не пересекут того потока рождений и старости, — так говорю я».

5(1079). «Если же все те брахманы и отшельники, которые говорят, что чистота достигается путем учений философов, по преданию, добродетелью и святыми делами и другими путями, — если же все они, о Мудрый, не переплывут через этот поток, как говоришь ты, кто

же тогда среди людей и богов пересечет тот поток рождения и старости, о славный человек? Я вопрошаю тебя, о Блаженный, ответь мне!»

6(1080). «Я не сказал тебе, что все брахманы и отшельники побеждены рождением и старостью; нет, кто из них покинул все видимое и слышимое в этом мире, всякое в нем мечтание и все здешние дела, принятые за святые, — тех, победивших желания, свободных от страсти, назову я людьми, пересекшими поток старости и рождения».

7(1081). «Радуюсь слову великого Мудреца; о Гаутама, глубоко разъяснена тобою Ниббана; кто покинул здесь все узнанное, все услышанное, всякое здесь мечтание и все, что названо было здесь добродетелью и святыми делами, — тот, победивший желания и свободный от страсти, переплывет поток старости и рождения!»

СУТТА IX

1(1082). «Все, что говорили мне прежде об учении Гаутамы: так это было и вот так это будет, — все это было одно только устное предание, и только укреплялось мое сомнение.

2(1083). Я ничего не принимал из тех пересказов в радости; но ты поведай мне теперь Истину, сокрушающую желания, — ту Истину, познав которую, человек пойдет в размышлении, отсекая всякое желание!»

3(1084). «Многое видит, многое слышит здесь человек, о многом мечтает; разрушение же тех желаний и страстных влечений к вещам, дорогим человеку, — вот это и есть неизменное состояние Ниббаны.

4(1085). Кто постиг это, тот утихнет, исполнившись чудного раздумья, ибо Истину увидел он, Истину неизменную, божественную; всякое желание тогда в этом мире легко сокрушит он».

СУТТА X

1(1086). «Тот, в ком не обитают похоти, в ком нет желания, кто преодолел всякое сомнение, — к какому еще избавлению мог бы стремиться он?»

2(1087). «В ком нет уже никаких похотей, в ком все угасли желания, кто победил всякое сомнение — для того нет никакого иного избавления».

3(1088). «Отдыхает ли он или нет ему отдохновения, обладает ли он ясным разумением или же сам созидает понимание? Разъясни мне, о ты, Яснозрящий, чтобы мог постичь я мудрое учение, о Будда!»

4(1089). «Он не отдыхает, нет ему отдыха; он обладает разумением, но сам не составляет понятий. Познай же: таков Мудрец, ничем не владеющий, не привязанный ни к жизни, ни к похоти».

Сутта XI

1(1090). «Кто, как человек, бурным течением занесенный в глуби реки, захвачен здесь смертью и разрушением, — скажи мне, есть ли остров для него, о Славный, есть ли то прибежище, куда не дохлынет до него никакое страдание?»

2(1091). «Для того, кто, как занесенный бурным течением на средину реки, захвачен здесь смертью и разрушением, — все же есть остров спасения, и о нем я поведаю тебе:

3(1092). тот несравненный остров, где ничем не владеют, где ничего не жаждут, я называю Ниббаной, разрушением смерти и гибели;

4(1093). кто постиг это, тот замолкнет в раздумии и восхищении, он утихнет, узрев Истину, никогда не подчинится он обольщениям Мары, никогда не отдастся его водительству».

Сутта XII

1(1094). «Услышав о Победителе, свободном от жажды, пересекшем течение, я пришел спросить его: укажи мне место покоя, о ты, одаренный оком мудрости, поведай мне Истину, о Блаженный!

2(1095). Жажду здесь победил ты, Блаженный, как горячее солнце своими лучами побеждает землю; поведай мне Истину — мне, так мало знающему, о ты, муж

великого понимания, дабы я познал путь победы над смертью и рождением в этом мире».

3(1096). «Победи влечение к телесным радостям, пойми, что забыть этот мир — счастье, ни к чему не стремись в нем, все отвергая.

4(1097). Откинь, что лежит пред тобою; не оглядывайся с сожалением на оставленное; не привязывайся к тому, что всегда тут, около тебя, — тогда только будет путь твой и тих, и покоен.

5(1098). О брахман, нет никакой силы, которая вновь могла бы подчинить тебя смерти, когда совершенно исчезнет в тебе стремление к виду и имени, когда угаснет в тебе все земное, все страстное!..»

Сутта XIII

1(1099). «Я умоляю Мудрого, бездомного — его, отринувшего все желания, свободного от волнений, презревшего все улады, переплывшего поток, отбросившего время! Послушав слова Господина, те люди пойдут прочь, успокоенные, —

2(1100). те люди, которые издалека пришли сюда послушать тебя, о Победитель! Изъясни нам в глубоком поучении Истину, ибо она тебе ведома в совершенстве».

3(1101). «Победите жажду к тому, что вверху и внизу, что вдали и что в середине, ибо за всякой вещью, которая манит человека к обладанию, притаился Мара.

4(1102). Познав то, пусть размышляет нищий, пусть не стремится он к обладанию, зная, что всякая вещь — порождение желания, пустившего корни глубоко в этой обители смерти».

СУТТА XIV

1(1103). «К Будде, сидящему в размышлении, бесстрастному, исполнившему все должное, совершенному во всех истинах, — к нему пришел я, вопрошая: скажи мне об исцелении путем познания, скажи мне о сокрушении неведения».

2(1104). «Оно состоит в победе над похотью, в победе над желанием и печалью всякого рода, в забвении нерадивости, в преоборении греховной жизни.

3(1105). Очистившись в раздумии и успокоении, размышляя о Вечной Истине, ты достигнешь исцеления, тем путем познания раздобишь бывшее неведение».

4(1106). «Что сковало мир, каковы его навыки? Что оставляя, обретают Ниббану?»

5(1107). «Наслаждением скован мир, его навыки — толки; оставляя желания, ты обрешь Ниббану».

6(1108). «Как останавливается в том сознание, кто шествует в размышлении? Мы пришли послушать благое слово твое, преподай нам твое мудрое поучение!»

7(1109). «Кто не наслаждается в чувствах внешних и внутренних, у того, шествующего в размышлении, останавливается сознание».

СУТТА XV

1(1110). «К нему, все отринувшему, не жаждущему, сорвавшему всякое сомнение, к нему, совершенному во всех истинах, я несу с мольбою свое вопрошение.

2(1111). О Будда, я вопрошаю о том, кто освободился от прежних обликов, кто отсекает всякую телесную форму, кто ни в себе, ни в мире не видит неизменной сущности, — может ли тот быть увлеченным чем-либо?»

3(1112). «Совершенный, ведая все облики сознания, ведает и того, кто освободился, посвятив себя тому подвигу освобождения.

4(1113). Познав, что узы наслаждений не возникают там, где нет для них почвы, он ничем не будет побежден в том познании, доступном лишь совершенному брахману, невосполнимому в мудрости».

СУТТА XVI

1(1114). «Дважды я вопрошал Будду, но Яснозрящий не обратил ко мне слово свое; если в третий раз вопрошают божественного Мудреца, он отвечает тогда, — так я слышал.

2(1115). Есть, кроме этого мира, и еще миры, мир Браммы и мир богов; как ты учишь о том, славный Гаутама?

3(1116). К тебе, знающему благое, пришел я, умоляющий, вопрошая тебя: как я должен смотреть на мир, чтобы владыка смерти не узрел меня?

4(1117). «Как на пустоту, взирай ты на этот мир; разрушив обычное понимание себя, ты поборешь и смерть; владыка смерти не узрит того, кто так смотрит на мир».

Сутта XVII

1(1118). «Я постарел, отцвел, изнемог; потускнели мои глаза, ослаб слух; чтобы не погиб я, как глупец, на пути, научи меня Закону, чтобы познал я победу над смертью и рождением в этом мире».

2(1119). «Взгляни, как люди связаны своим телом, взгляни, как они, беспомощные, страдают его страданием; не будь же беззащитен, забудь свое тело, чтобы вновь не возвратиться тебе на путь существования».

3(1120). «Есть четыре сферы и четыре промежуточные сферы, есть верх и низ — вот всего десять сфер; и нет в них ничего, что бы не было видимо, слышимо, что не обнял бы ты своей думой, что не было бы постигнуто тобой!.. Поведай мне истину, чтобы мог я познать путь победы над смертью и рождением в этом мире».

4(1121). «Всмотрись в этих людей. как впилося в них желание, как их мучит и сокрушает смерть!.. Будь осторожен и оставь всякое желание, чтобы вновь никогда не прийти тебе к существованию».

* * *

Вот как поучал Блаженный. Избранный шестнадцатью брахманами, учениками Бавари, и спрошенный каждым из них по очереди он отвечал на их вопросы. Кто, поняв мысль и значение каждого вопроса, живет согласно с Законом, тот достигнет того берега смерти и разрушения, ибо те истины ведут к другому берегу, и посему тот порядок учения именуется «путем к другому берегу».

1(1122)—3(1124). Вот шестнадцать брахманов пошли к Будде, Мудрецу великой жизни; к великому Будде пришли они спросить его о важных предметах.

4(1125). Будда, спрошенный, истиной отвечал на те их вопросы, радуя брахманов своим поучением.

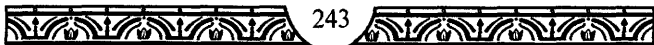
5(1126). И они, восхищенные яснозрящим Буддой, посвятили себя жизни благочестия вблизи того человека дивного понимания.

6(1127). И тот, кто жил согласно с тем, чему поучал Будда, отвечая истиной на важные вопрошения, перешел от этого берега к другому, лучшему.

7(1128). В радости переходил он с этого берега на иной, шествуя дивным путем; тот путь ведет к иному берегу и именуется «путем к иному берегу».

* * *

8(1129). «Я восхваляю путь к другому берегу; как он увидел его, так и говорил о нем — он, безупречный,

мудрый, бесстрастный, нежелающий, с какой бы целью говорил он неправду?..

9(1130). Я восхваляю дивный голос Будды — его, незапятнанного, премудрого, отбросившего надменность и лицемерие!

10(1131). Будда, разгоняющий мраки, всевидящий, глубоко понявший мир, победивший существование, свободный от страстей, отбросивший страхи, — он, о брахман, посетил меня.

11(1132). Как птица, выпорхнувшая из кустов, летит в лес, обильный плодами, так и я, покинув людей мелкого понимания, достиг великого моря.

12(1133). Все, что прежде мне говорили об учении Гаутамы: так это было, а вот так это будет, — все это было только устное предание, и только укреплялись мои сомнения.

13(1134). Один только и есть жилец в этом мире, развеявший мраки, — тот, рожденный для высшего, блеск мира, Гаутама великого понимания, Гаутама безграничной мудрости,

14(1135). который изъяснил мне бесподобную Истину, мгновенную, непосредственную, — изъяснил путь разрушения желаний, путь освобождения от печали».

15(1136). Бавари: «Можешь ли ты хоть на мгновение отдалиться от него, от Гаутамы великого разумения, от Гаутамы безграничной мудрости,

16(1137). который возвестил тебе бесподобную Истину, непосредственную, мгновенную, научил тебя пути победы над желаниями, освобождения от печали?»

17(1138). «Даже на мгновение я не отдаляюсь от него, от Гаутамы великого понимания, от Гаутамы великой мудрости,

18(1139). возвестившего мне Истину, мгновенную, непосредственную, бесподобную, научившего меня пути победы над желаниями, освобождения от печали;

19(1140). и днем и ночью я вижу его пред собой, о брахман; всю ночь бодрствую, поклоняясь ему, — нет, не верю, чтобы я отклонился от него.

20(1141). Веря, радуясь, размышляя, дух мой влечется к учению Гаутамы; на какой бы путь ни вступил Премудрый, туда и дух мой стремится к нему.

21(1142). Я изнемог и ослабел, я уже не могу идти следом за ним; но духом своим, о брахман, я не покидаю его, ибо дух мой привязан к нему.

22(1143). Некогда, увязавший в трясине похотей, корчась, я метался с островка на островок; но вот я узрел Совершенно просвещенного, пересекшего течение, свободного от страстей».

23(1144). Блаженный¹: «Уверенность освободит тебя, и ты выйдешь на иной берег из этой обители смерти».

¹ Внезапное вступление в беседу Будды комментатор палийского текста разъясняет так: «В ту минуту Будда находился в Саватти и, видя, что созрел дух брахмана, испустил золотой луч. Ученик, восхваливший Будду пред брахманом Бавари, увидев свет, осмотрелся, говоря: „Что это?“. Тут он увидел, что Будда как бы стоит перед ним, и сказал Бавари: „Будда посетил нас“ Брахман поднялся с сиденья

24(1145). «Радуюсь, внимая словам Мудрого; Совершенно просвещенный сорвал покрывало с мира, благ он, милосерден и премудр.

25(1146). Он проник в суть всех вещей и здесь, и в сферах богов, и нет ничего, не изведенного им — всем вопросам сомнения положил Учитель конец.

26(1147). Вот, я отхожу теперь к неодолимому, неизменному, чему нет ни в чем подобия; никакого сомнения не останется для меня в Ниббанае, для меня, от всего отрешенного в духе».

и встал, простерши руки. Блаженный, изливая свет, показался брахману и, зная, что благостно для них обоих, сказал...» (следует стих 23).

СОДЕРЖАНИЕ

5

Предисловие к изданию 1915 года

55

СУТТА-НИПАТА

Сборник бесед и поучений

57

Книга I. URAGAVAGGA

92

Книга II. KULAVAGGA

121

Книга III. MAHAVAGGA

191

Книга IV. ATTYAKAVAGGA

223

Книга V. PARAYANAVAGGA

Буддийская каноническая книга

СУТТА-НИПАТА

Сборник бесед и поучений

Ответственный редактор

И.Н. Каменщикова

Художник

Г.Н. Яковлев, Н.Н. Тыква

Художник обложки

С.Ю. Гордеева

Технический редактор

А.С. Мишачева

Корректоры

Т.А. Малышевская,

С.Г. Обухова

Компьютерная верстка

Г.А. Фетисова

Изд. лиц. ЛР № 040768 от 22.05.96. Гигиен. заключ. № 77.ФЦ.8.953.
П.104.12.98 от 28.12.98. Выдано Федеральным центром Госсанэ-
пиднадзора. Подписано в печать 25.04.2001 г. Формат 70 × 100 ¹/₃₂.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10,00.
Тираж 3 000 экз. Тип. зак. № 3435.

Издательство «Алетейа». 115569, Москва, а/я 135, «Алетейа».

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставлен-
ных диапозитивов в ОАО «Можайский полиграфический комби-
нат». 143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.